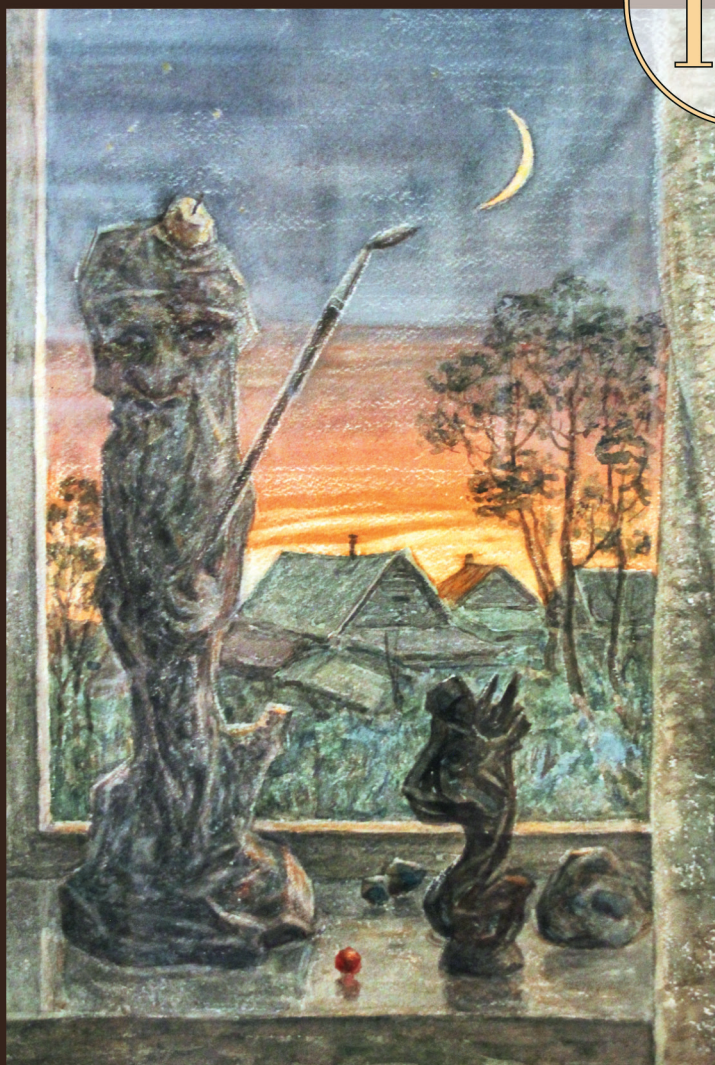

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

16+

№ 24

ПЕРМЬ 2019

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 24

ПЕРМЬ 2019

УДК 882 (059)
ББК 84(2Рос-Рус) 6я53
Л 55

Лауреат премии
Пермского края
в сфере культуры и искусства
за 2014 год

**Альманах «Литературная Пермь» издаётся
Пермской краевой общественной (профессиональной)
организацией Союза писателей России при поддержке
Министерства культуры Пермского края.**

**Электронная версия альманаха писателей Пермского края
«Литературная Пермь» подготовлена при поддержке
Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru).**

ПКОО «Союз писателей России» и ПКОО «Пермский писатель» благодарят
Пермское отделение ВОО «Союз художников России»
за содействие в оформлении альманаха.

Редакционная коллегия:
Главный редактор — В. В. Якушев
Отдел поэзии — А. Г. Гребнев
Отдел прозы — В. А. Богомолов
Отдел международных связей — И. Н. Тюленев
Отдел детской литературы — А. С. Зеленин

Л 55 **Литературная Пермь:** Альманах. — Пермь: Пермский писатель,
2019. — 164 с. — (вып. 24).
ISBN 978-5-6042008-3-4

В оформлении использованы работы члена Союза художников России
Константина СОБАКИНА.

На обложке — «ЗАКАТ» (из триптиха «За окном»), 2004 г., бумага, акварель.

На шмуцтитule части 1 — «МАЯК», 1984 г., бумага, акварель.

На шмуцтитule части 2 — «СОЛИКАМСКАЯ СТАРИНА», 1973 г., бумага, акварель.

На шмуцтитule части 3 — «РАССВЕТ» (из триптиха «За окном»), 2004 г., бумага, акварель.

На шмуцтитule «Пермская Бука» — «ПЕРМСКАЯ БУКА», 2011 г., папье-маше — работа художника Марины ВИТМАНОВСКОЙ.

ISBN 978-5-6042008-3-4

© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий ГРЕБНЕВ. У ПАМЯТНИКА ПОЭТУ АЛЕКСЕЮ РЕШЕТОВУ. Стихотворение	5
Виталий БОГОМОЛОВ. «НА ЧУЖОЙ СТОРОНУШКЕ...». Стихотворение	6
Алексей ДУБРОВИН. В ДУХЕ ТВОРЧЕСТВА. Статья	7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОЗА

НЕБО

Светлана ЗАМЛЕЛОВА. ЦВЕТЫ. Новелла	10
------------------------------------	----

ЗЕМЛЯ

Виталий БОГОМОЛОВ. ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО. Очерк	16
Александр АБДУЛАЕВ. НОЧНЫЕ БЕГЛЕЦЫ. Рассказ	34

ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ

Леонид КОПКО. В ПОИСКАХ ГЕРОЯ. Рассказы	44
---	----

ПОЭЗИЯ

РОДИНА

Игорь ТЮЛЕНЕВ. ВЕЧНОСТЬ СПРЯТАЛАСЬ В УГЛАХ. Стихи	12
---	----

ЗЕМЛЯ

Наталия ГУМЕРОВА. Я ЗНАЮ, ДОЖДЬ ПОД УТРО — НА УДАЧУ. Стихи	39
---	----

ПЕРМСКАЯ БУКА ПРОЗА

Инна РАЗДОЛЬСКАЯ. СКАЗКИ МАЛЕНЬКОГО ВЕТРА. Сказки	77
---	----

ПОЭЗИЯ

Андрей ЗЕЛЕНИН. ПРО КНЯЗЯ АНДРЕЯ, ПОГУБИВШЕГО НЕ ОДНОГО ЗМЕЯ, НЕ ПРО ОДНУ КНЯЖНУ, ДА ПРО ОДНУ ЖЕНУ. Сказка	70
--	----

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПРОЗА

ФАНТАСТИКА

Елена ДОЛГОВА, Артём КОЗЛОВСКИЙ. НОЧНАЯ ПОГОНЯ. Рассказ-хоррор	87
---	----

ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ

Олег ЧЕРНЯК. МУЗА. Рассказ	
----------------------------	--

ВРЕМЯ

Сергей ТЕЛЕВНОЙ. УКРАСТЬ... ДЛЯ СЕБЯ ДОЧЬ. Рассказы	98
---	----

ВРЕМЯ. ДРАМАТУРГИЯ

Владимир КРУПИН. «ОЛЛ РАЙТ!» — СКАЗАЛ ЕМЕЛЯ. Серьёзная комедия о непостижимости русского языка и русской жизни	127
---	-----

ПОЭЗИЯ

ЗЕМЛЯ

Алексей МАЛЫЦЕВ. СВЕТ ЗАБЛУДИВШЕЙСЯ ХАНДРЫ. Стихотворение	89
Диана ГУЛИНА. «СОЛНЦЕ СМЕЁТСЯ МЕЖ ОБЛАЧНЫХ ТРЕСНУТЫХ ЛЬДИН. Стихи	115

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ. КРИТИКА

Светлана ЗАМЛЕЛОВА. «ДУХОВНОЙ ЖАЖДОЮ ТОМИМ...». Статья К 95-летию со дня рождения Ю. В. Бондарева	156
--	-----

ЗЕМЛЯ. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Василий КОЛБИН. ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ. Очерк	160
---	-----

У ПАМЯТНИКА ПОЭТУ АЛЕКСЕЮ РЕШЕТОВУ

Ну как не будешь огорошен,
Когда ты видишь пьедестал,
И вдруг на нём — твой друг хороший,
Который памятником стал!

Но от ботинок до берета
Он узнаваемо-родной:
В руке дымится сигарета.
Он только что из проходной.

Он отпахал ночную смену
На солемельнице своей
И, может, к Музе неизменной
Хотел прийти домой скорей.

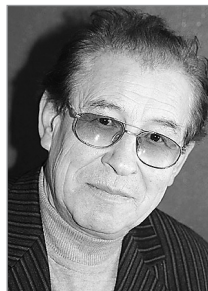
В пути настигло вдохновенье.
На парапет присел слегка.
Что время! — Век или мгновенье,
Когда рождается строка!

Не догорит окурок «Примы»,
И, как бывало, на двоих
С тобою он на грудь не примет
И не прочтёт печальный стих.

Ты не мешай ему, не сетуй —
Не до тебя ему, друг мой:
Он занят долгою беседой,
Беседой с вечностью самой!

Анатолий ГРЕБНЕВ

Анатолий Григорьевич ГРЕБНЕВ родился 21 марта 1941 года в селе Чистополье Котельничского района Кировской области. Окончил Пермский государственный медицинский институт (1965), Литературный институт им. А. М. Горького (1976). Трудовую жизнь посвятил медицине. Первые творческие публикации относятся к концу 1950-х годов. Первый поэтический сборник вышел в 1972 году в городе Перми: «Приволье». Издавался в Вятке, Кирове, Москве, Перми. Автор почти двух десятков книг. Член Союза писателей СССР/ России (1978). Заслуженный работник культуры РФ (2004). Лауреат нескольких литературных премий, в т. ч. им. А. Гайдара (1980), им. А. Решетова (2007). Кавалер ордена Достоевского I степени (2012). Живёт в городе Перми.

* * *

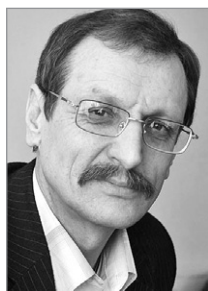
На чужой сторонushке,
На дальней стороне
Сидели две воронushки,
Грустили обо мне.

Ой, горевали, каркали,
Что я не пал в бою
И что они головушку
Не поклюют мою...

А я готовлю стрелочку,
Тугую тетиву,
И не пришлось бы крылышки
Сложить им наяву...

Подвешу их на пугало
Да на высокий шест,
Россия наша круглая –
Увидят все окрест...

Виталий БОГОМОЛОВ

Виталий Анатольевич БОГОМОЛОВ родился 13 мая 1948 года в городе Тавде Свердловской области. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета (1978). Трудовую деятельность начал в колхозе. Позднее трудился на заводах, в книжном издательстве, в ВОХР, в редакциях местных изданий. Первая творческая публикация относится к 1978 году. Первая книга вышла в 1987 году в городе Москве: «Глухариное утро». Автор двух десятков книг прозы и стихов. Член Союза писателей России (1990). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов, в т. ч. Всероссийского конкурса им. В. Шукшина (1998). Кавалер орденов Достоевского I и II степени (2013, 2011). Живёт в городе Перми.

Алексей ДУБРОВИН

В ДУХЕ ТВОРЧЕСТВА... Статья

Несколько мыслей вслух о том, что остаётся «темой дня» для меня, человека, взявшего в руки перо. Наше поколение второй половины XX века своими корнями в верованиях и убеждениях связано с государством-безбожником. Большинство из нас, думаю, по этой причине выросло атеистами особого склада. Когда очень надо, как говорит народ, приспичивает, так и про крест вспоминаем, и про «Отче наш».

К чему пишу об этом? Речь веду о много раз звучавшей теме: во что сейчас верить, кому верить, как жить, чтобы не остаться в пустоте? Глубоко верующие предки ушли из жизни. Учителями в таком архитрудном деле остались священники. Но часто ли мы с ними беседуем? А вспомнить, ещё недавно почти каждая бабушка учила внуков крестить лобик и брала с собой по выходным в церковь. Ежевечерние сказы и припевы её напоминали пушкинское ностальгическое: «Спой мне песню, как синица тихо за морем жила...». В тех повествованиях малообразованных наших бабушек приоткрывалась нам, детишкам, народная мудрость. И вера. Или её зачатки. Но что-то этакое...

Альтернативой религии в те годы оставалась советская школа. При некоторых её недостатках, стихи и рассказы замечательных авторов являлись частью и обучения, и воспитания. Сердца наши наполнялись искренними чувствами, что побуждало творить добрые дела, помогать другим, верить в «светлое завтра». У нас была своя Вера, и нам не просто показывали цель, но под звуки горна, под стихи Владимира Маяковского мы довольно весёлой компанией двигались к ней. Это сейчас понятно, что к иллюзии, но мы верили — к цели. Движение под книги. «Писатель — тот же священнослужитель», — как говорил Т. Карлейль, что вызывало в нас бури восторга. Закрывая нам глаза на религию, государство оставалось приверженцем великой русской культуры и буквально открывало, помимо Пушкина, Тургенева и Шолохова, писателей-духовников. Получалось, что государственные школы, политические организации прошлого невольно учили жить по-божески, подчёркивая: не так важно, ходите ли вы в церковь, важнее, нашли ли вы чистую помыслами книгу или перечитываете ту, от которой ваши души и сердца не каменеют. О «Данко» Максима Горького и вырванном сердце мы, конечно, знали.

Сегодня другая эпоха. Пришла пора дефицита на Учителей с большой буквы. Причин много, и одна из них парит туманной

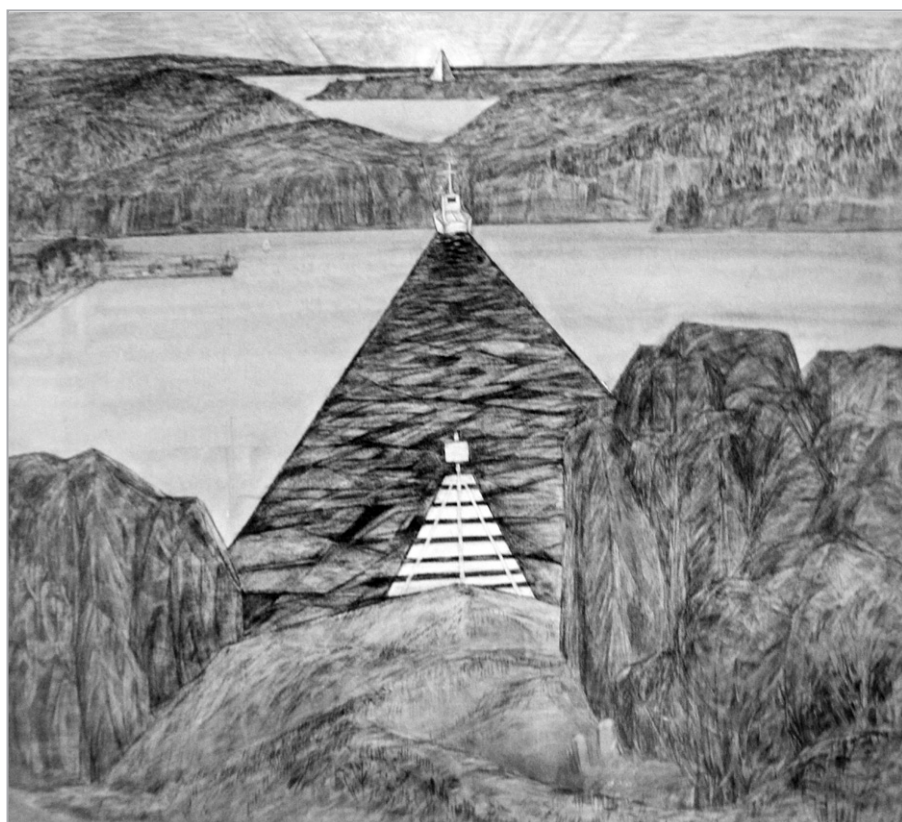
Алексей Александрович ДУБРОВИН родился 28 марта 1961 года в городе Очёре Пермской области, ныне Пермского края. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета (1987). Служил в органах КГБ /ФСБ: подполковник запаса. Работает в Высшей школе недвижимости: заведующий кафедрой. Занимается краеведением — организатор и председатель оргкомитета краеведческих (литературно-художественных) Спешкиловских чтений. За общественную деятельность удостоен звания «Почётный гражданин Очёрского района» (2011). Автор более десятка разножанровых книг. Член Союза писателей России (2013). Кавалер орденов Достоевского II и III степени (2017, 2014), имеет несколько ведомственных наград. Живёт в городе Перми.

изморосью в воздухе, — оскудела степень веры родителей, учителей и в учителей. Соцсети пестрят записями педагогов в школьных дневниках: «Досюдова верно...» Печально. Нет мудрых бабушек, катастрофически не хватает умных наставников. Хорошо, я вырос и кое-чему научился в жизни. А молодые? Через гаджеты? Но то — потусторонний мир. На один вопрос в нём есть миллионы ответов, и ответов не самых верных, а зачастую и вовсе неверных.

Дабы ощущать, что есть настоящая литература, уже окончив школу, университет, я продолжал погружаться в работы Константина Паустовского и Александра Спешилова. Оба — не фанатики верований, а светлые душой и рукой писатели. Они не ставили себе целей расписывать хватку человека, а творили, показывая красоту духа. При этом своими героями и сюжетами советские писатели напоминали того, кого люди два тысячелетия называют Учителем. Так писала о К. Г. Паустовском в книге «Превращения» Инна Гофф: «Я часто о нём думаю. Он обладал талантом Учителя. Не случайно среди его страстных поклонников много учителей. Он умел создать особую, таинственно-прекрасную атмосферу творчества». Что в остатке? Великая память о писателе!

Велик спрос с тех, кто взялся за перо. Даровито написать — труд! Но иначе не подать руку помощи тем, кто жаждет искреннего слова, доброго участия. В «теме дня» просвет очевиден: если нам не безразлична судьба детей и внуков, да и наша собственная, то написать бы так, чтобы наполнить сердце читателя искренней любовью, утолить текстами жаждущего, исцелить душевные раны нуждающегося. Найдёт ли человек эту книгу — дело за самим читателем. Почти по суждению: «Ищущий да обрящет».

Часть 1

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

ЦВЕТЫ. Новелла

Сколько сто́ит белый свет, столько сменяются времена года. Подумать только: миллионы раз уже выпадал снег, желтела и распу- скалась листва, трава зеленела под жарким солнцем! Человек пере-живает на своём веку десятки вёсен и зим. Жизнь человеческая — миг, меньше мига. Но каждое такое мгновение насыщено радостью ранней весны и первого снега, преисполнено грустью об увядающей листве и досадой на растянувшиеся, неуступчивые холода.

И сколько бы ни жил человек, не устаёт он удивляться и радо- ваться радостью младенца первым весенним цветам, когда снег, что тешил уставшие от чернильной осенней тьмы глаза, становится не- навистным. И уже не белым пухом, не алмазными искрами рассыпан он по земле, но жёсткими, цепкими когтями держится он за землю, не желая отпускать её, всеми силами противясь её пробуждению.

Но не вечна зима и не всеильна смерть.

И точно напоминание, точно образ торжествующей жизни — маленькие цветы, появляющиеся из-под снега на холодной пока, чуть только вздрогнувшей после долгого сна земле. Золотые как солнце, лиловые и алые как отблески зари, белые как облака — что это, как не сошедшее на землю небо? Да, небо, разбрызгав свои краски по проталинам, становится вдруг ближе истомлённому зимой человеку. И радость, безотчётная радость, переполняет тогда человеческое сердце. Прочь, уныние, отчаяние, прочь — Весна идёт! Сумрак сме- няется светом, из морока проступает Красота.

С давних пор, ещё задолго до Воскресения Христова, сходит небо на землю, говоря человеку о том, что зима, или смерть земли, не вечна.

И после того утра, когда, отвалив камень, нашли пелены белые, лежащие как сброшенные оковы смерти, попранной навсегда, — даже после того утра, из года в год, в те же дни, когда свершилось невозможное, Небо напоминает нам о радости Воскресения и о своей милости к человеку.

И даже если мы, очерствелые и заглубевшие на жизненных ветрах, не внемлем этой милости Небес, сердца наши отзываются неосознанной радостью, ликуя и удивляясь чему-то при виде первых цветов.

Светлана Георгиевна ЗАМЛЕЛОВА родилась в Алма-Ате. Детство прошло на берегу Карского моря в пос. Амдерма (Ненецкий АО). Окончила Рос- сийский государственный гуманитарный университет (Москва). Прозаик, публицист, критик, переводчик. Автор романов «Блудные дети», «Скверное происшествие. История одного человека, рассказанная им посмертно», философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искарите в XX–XXI вв.», книг «Гностики и фарисеи» (рас- сказы и повести), «Разочарование» (рассказы и фельетоны), «Посадские сказки» и др. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Член- корреспондент Петровской академии наук и искусств. Главный редактор сетевого литературного журнала «Камертон». Кандидат философских наук (МГУ им. М. В. Ломоносова), защитила кандидатскую диссертацию на тему «Современные теологические и философские трактовки образа Иуды Искарита». Кавалер ордена Достоевского I степени.

Сбрасывая оковы снега, белые пелены, которыми увита мёртвая ещё земля, маленькие цветы словно бы говорят человеку: «Не бойся, только веруй! Веруй, что у Бога все сочтены. Веруй, что смерти нет. Веруй, что и ты воскреснешь, когда придёт твой черёд».

Далеко-далеко, на Святой Земле, где цветут анемоны и лилии полевые, в день, когда восстал из мёртвых Спаситель, сходит к людям Благодатный огонь. Но предваряя это сошествие, вся земля покрывается маленькими цветами, отражающими краски неба и разрывающими оковы зимы-смерти.

Всё движется по кругу и всё возвращается к своему истоку. Радуюсь новой жизни, радуясь тому, что всё впереди, мы рады весне. Со спокойным довольством принимаем мы лето, как зрелую пору нашей жизни, как расцвет наших возможностей. И сколько всего пытаемся успеть мы за лето! Но тихо крадётся осень, и мы грустим, понимая, что всему приходит конец, и лучшее, что есть в человеке, неизбежно увянет. Длинные осенние ночи, тёмные и промозглые, истомляют нас как старость с её болезнями и дряхлостью. И оттого мы рады зиме и первому снегу, как рады упокоению и освобождению от тягот земных. Но покой не есть небытие, и смерть не властна над душами. И потому вновь приходит весна, возвращается надежда. И снова мы ждём и верим.

О том, что смерть не всевластна, возвестил человеку Спаситель. Об этом издревле и до конца времён напоминают и маленькие цветы, вестники весны, спутники Воскресения, отражающие небесные краски.

Игорь ТЮЛЕНЕВ

ВЕЧНОСТЬ СПРЯТАЛАСЬ В УГЛАХ

АНГЕЛ В ВАГОНЕ

Увидел ангела в вагоне
Немногим двух или трёх лет.
Он поднимал к глазам ладони,
Ему не нужен был билет!

Его глаза — фаворским светом
Лучились в «небеса людей»!
Он был почти что человеком
Не вне природы был, а в ней!

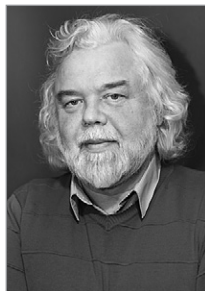
Его, назвав в крещение Костей,
Держала мама на руках.
Так ангел запорхнул к нам в гости,
Как лебедь в красных башмачках!

ДУХИ «КРАСНАЯ МОСКВА»

Флакочик с «Красною Москвой»
Купила ты на распродаже.
Я вспомнил маму, Боже мой!
И всё, что связано с ней также.

Духи «Шанель» и «Пуазон»
В дворцах кремлёвских оседали...
А наши мамы тех времён
О тех духах не помышляли.

Знакомый с детства аромат
Сквозь кирзачи и полушубки
Бил, словно русский автомат,
Взметая платица и юбки!

Игорь Николаевич ТЮЛЕНЕВ родился 31 мая 1953 года в посёлке Ново-ильинском, ныне Нытвенского района Пермского края. Окончил Пермский строительный техникум (1973), Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (1991). Первый поэтический сборник вышел в 1983 году в городе Москве: «Братина». Публиковался в Бельгии, Болгарии, Канаде, Польше, России, Франции. Автор двух десятков поэтических сборников. Член Союза писателей СССР/России (1989). Секретарь Правления Союза писателей России (2003). Лауреат различных литературных премий, в т. ч. международных. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. С. Лескова «Очарованный странник» (2018). Кавалер ордена Достоевского I степени (2012), других ведомственных, общественных наград. Живёт в городе Перми.

Конечно танцы! Первомай!
Красавицы, невесты, жёны...
Под музыку в Советский рай
Благоухая, шли колонны.

Флакончик с «Красною Москвой»
Купила ты на распродаже,
Как бриллиант эпохи той,
Который всё о ней расскажет!

МАЛЬЧИШКА С ФОТОГРАФИИ

Сидит мальчишка на крылечке,
С земли — четвёртая ступень.
И первоклашки, как овечки,
Чуть поодаль, как светотень.

Как бы на книжной полке книги
Сидят, друг к другу прислонясь...
И светлолики, многолики,
Перед фотографом храбрясь.

Хохочут, радуются жизни,
Как ветром всколыхнуло пруд!
Расселись на хребте Отчизны
Во глубине уральских руд.

А мальчик на четвёртой полке,
То есть ступеньке, вдаль смотря,
Грустит и плачет втихомолку —
Он маму с неба ждёт подолгу...
Такая фотография.

БЫЛО ТАК...

Мама смотрит в окно — мчу я на самокате!
Слышен грохот подшипников (звуковое кино!).
Пахнет Камой и солнцем июльским и, кстати,
Пахнет небом с землёй. Пахнет дым сединой!

Если скатишься к речке — она тебя плеском
Обольёт, как художник кувшин серебром!
С ног и до головы — нынче весь ты в советском!
За твоею спиною родительский дом!

Наползают на берег плоты смоляные,
Так на берег выбрасываются киты.
В океане шторма, как столбы соляные,
Кораблям перепутали нынче пути.

Мама смотрит в окно: — За тобой не угнаться,
Сызмальства ты такой, непоседа-сынок!
Мама, мама! Такая вся русская нация,
Вся от края до рая у Камчатских высот!

А под вечер рванутся русалки на берег,
Им мои кореша костерок разведут,
И кого-то навеки с собой заберут,
Уплывут вместе с ними без карты, как Беринг!

Надо мной замерцает свеча мирозданию...
Скоро август. Подарок небес — звездопад!
Мама, образ явился мне твой — я и рад,
Что узрел на земле то, что нынче за гранью...

А Я ТЕБЯ ЛЮБИЛ...

А я тебя любил наскоком,
Проездом, в спешке городов.
Берёзовым ты пахла соком
И обзывала — Тюленёв!

Не обижайся на природу,
Здесь свой порядок и расклад.
Глянь — березняк похож на роту,
Весь в белом, словно маскхалат.

На грудь небесную одели
Туманы или облака.
Позднее подбежали ели
И скользких речек берега.

Пишу стихи, тома читаю,
Чтоб никого не вспоминать.
Твой лик из прошлого срываю,
А имя не могу назвать.

ПОСАДКА ЛИПЫ В САДУ ЕЛФИМОВА В ТОБОЛЬСКЕ

Садит дерево писатель
У Елфимова в саду.
Хоть не всякий — душ спасатель,
Но готов спасать страну.

Садит липу вековую
Сам Распутин Валентин,
Что систему корневую
Смог восстановить один.

Липа «Валентин Распутин»
Глубоко в Тобольск выросла!
Путь России нынче мутен
Без ветрил и без весла...

И моя неподалёку
Липа в небеса растёт.
И к божественному сроку,
Может, за весло сойдёт?

Не жасмин, не куст сирени,
Не дубок, не девясил.
Скажут: — Эту вот Тюленев,
Русский лирник, посадил.

Стану думать, что в Сибири
Укрепился мой глагол
На просторах русской шири,
Как бурят или монгол?

НАРОДНЫЕ ГУЛЯНЬЯ

«Жизнь обман...»
С. Есенин

Я в татарской тюбетейке.
Слева матушка моя!
Солнце брызжет на поля,
Как лучи из Божьей лейки.

Папа в шляпе, при часах,
С папиросою «Кавказ»,
Не «Кавказ» — «Казбек», конечно...
Фото околосердечно!

Получилось, впопыхах
Вечность спряталась в углах,
Как медведь в объятых леса,
Хоть по-русски ни бельмеса.

Ну и пусть — он вождь зверей.
Кто-то замер у дверей —
Бритый наголо бандит?...
Мне семь лет. Чист и обшит,

Я уже боюсь за маму,
Палочками барабаню
Во вселенский барабан!
Прав поэт, что жизнь — обман.

Виталий БОГОМОЛОВ (об авторе см. с. 6)

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО. Очерк

Анна Ивановна Колчина проживает в устье реки Чусовой, на правом берегу, на её слиянии с Камой, в деревне Городище. Если отсюда смотреть в южную сторону, через водохранилище, за Камской ГЭС виден город Пермь. Иногда отчётливо, иногда не очень...

У Анны Ивановны детей трое, внуков семеро (плюс одна внучка приёмная) и одиннадцать правнуков, а вот общения с ними ей не хватает. В отличие от неё живут они в городах. Бывают у неё только наездами, да и то кто живёт поближе, как дочь Клавдия, она со своим внуком Ильёй — учеником старших классов — каждую неделю заботливо навещает мать.

Дом у Анны Ивановны, по деревенским меркам, большой, правда старый, и куда ты на девятом десятке лет пойдёшь, чтоб повидаться с кем-то, поговорить, поделиться заботами! Особенно зимой. Грустно старому человеку от однообразия такого. Раньше хоть до церкви ходила на службы к отцу Андрею, почти за километр. Бывало, он звонит: «Анна, воду освятил, приходи!» Теперь нет сил. Да и зрение она потеряла, видит совсем плохо.

Встретились мы с Анной Ивановной, она наговориться не может, тем более что с детства росла словоохотливая. Муж у неё, говорит она, был молчуном, случалось, за весь день слова не выдавит, а она себя числит в говорунях. А за долгую жизнь столько пришлось пережить, что поговорить есть о чём.

На печке, возле трубы, чутко спит красавец-кот Буся, но дикий совершенно, никого не подпускает, кроме хозяйки, никому не даёт прикоснуться к себе, даже руку в его сторону не протянешь — исчезает мгновенно, а так лежит на печи спокойно, ходит во двор на охоту, ловит мышей...

Мать Анны Ивановны, Ульяна Ильинична (1908 г. р.), вышла замуж в деревню Лисья Большесосновского района, за 15 км от своей. В те давние годы желания у невесты ведь не спрашивали, просватали за парня Николая, сыграли свадьбу, живи. Да только муж к супружеской жизни оказался неспособным, хотя сделать свою жену беременной всё-таки сподобился. Промучившись с ним год, беременная Ульяна сбежала от мужа домой, к родителям.

Вскоре у неё родился мальчик, назвали Ваней. Но появился он на свет не в радость, а на многолетнее горе и страдание, инвалидом: ни ходить, ни говорить Ваня не мог. У него была тяжелейшая форма умственной отсталости, какую в медицине называют идиотизмом. Освоил только одно слово «кока», которым называл всех и всё, и совершал единственное импульсивное и почти непрерывное движение левой рукой: в сторону и обратно к своей груди... Без посторонней помощи Ваня обходиться не мог... Родился он, примерно, в 1928 году, умер, опять же примерно, в 1961 году. (Из-за преклонности лет своих Анна Ивановна многие даты уже не помнит. — В. Б.)

Зная, как тяжело приходится Ульяне с ребёнком-инвалидом, некоторые «доброжелательные» односельчане советовали ей избавиться

от него: придушить потихоньку... Она так отвечала на это: «Вы своих родите и душите!..»

Конечно, настрадалась она с Ваней немислимо, прожил он в лежачем положении мучительных 33 года. Невообразимо, сколько за это время с ним было хлопот! О памперсах тогда и представления не имели, ходил под себя: нужно было убирать, обмывать, постоянно стирать. Но Ульяна своей заботой не оставила его до самых последних дней. Это был материнский, человеческий подвиг!

Может, за эти страдания, какие она претерпела, Бог вознаградил её долгой жизнью: умерла она на 102-м году 25 мая 2009 года, и только на последнем месяце жизни разум покинул её... Теперь 74-летней Анне Ивановне довелось ухаживать за матерью, которая последние годы доживала свой век у неё в Городище. Этим и крепко нравственно русский человек, что до последнего часа не оставляет своих близких.

Александр Сергеевич Пушкин в 1829 году (для 30-летнего возраста — поразительная зрелость!) написал очень значимые для человека слова, можно считать — выразил коренное чувство души:

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать...*

Важно человеку, чтоб его прах лёг в родную землю, землю отцов, здесь успокоился. А в Городище, доживая свой век далеко от родных мест, Ульяна Ильинична постоянно мучилась думой, что ей после смерти придётся лежать в чужой земле. Её успокаивали, что похоронят на родине.

Когда она скончалась, Анна Ивановна наняла шофёра за 7 тысяч рублей (для того времени — деньги немалые) и отвезла умершую мать за 300 км, чтобы похоронить её на родине, в Частинском районе. Поступила по совести. Хотя здесь кладбище, и в Красной Слудке, и на Банной Горе, находилось рядом.

Ваня был старшим. После его рождения (конечно, не сразу) Ульяна познакомилась с мужчиной по имени тоже Иван. От него и родилась 17 февраля 1935 года героиня этого очерка — Анна¹ Ивановна Колчина (девичья фамилия — Санникова).

Жили в деревне Завертуха Частинского района, на Каме, насчитывалось в ней всего 15 домов. Своей школы в этой маленькой деревне, естественно, не было, и с первого по четвёртый класс дети ходили на учёбу за три километра, в соседнюю деревню Бугры. На тот момент Пермская область с января 1934 года и до конца 1938-го входила в Свердловскую (100 лет административный зуд не утихает в России: укрупнения, разукрупнения, переименования...).

Великая Отечественная война началась, Анютке было шесть лет. Немало выпало на долю Анны Ивановны выслушать и перетерпеть

¹ Анна — имя древнееврейское и переводится как «благодать». В окружении, в котором выросла Анна Ивановна, это имя было одно из самых распространённых.

оскорбительных и унижительных слов и сплетен по поводу своего внебрачного рождения... Ведь злых людей в любой деревне всегда в достатке...

Отец её, Санников Иван Никифорович, занимал должность председателя сельсовета, но у него была своя семья, некрасивая жена Анна, которую он не любил и на которой был женат против воли своей, из послушания расчётливой воле родителей, поскольку Анна происходила из богатой семьи. Её отец был пчеловодом. Что интересно, Анну Иван Никифорович не любил, не таясь изменял ей, а она его обожала. Вот и попробуй влезть в чужую душу, недаром сказано, что она — потёмки.

Во время войны Иван Никифорович имел бронь, то есть освобождение от призыва в армию. Поскольку он был человеком несколько полноватым, то люди заглазно прозвали его Ваня Мяконький. К Ульяне Ильиничне у него было очень сильное чувство, любовь, и он готов был развестись со своей постылой Анной и жениться на Ульяне, но сын Ульяны от её неудачного брака, инвалид Ваня, оказался здесь непреодолимым препятствием.

Бабушка Анны Ивановны, Анисья Антоновна, что важно отметить, рожала 17 раз, но смертность в то время была просто огромная, вырастить удалось только троих детей: старшим был сын Владимир (1899 г. р.), за ним шла дочь Анна (1905 г. р.), младшая была Ульяна Ильинична (1908 г. р.) — мать Анны Ивановны.

Деда своего (Илью) Анна Ивановна не знала. По рассказам близких, о нём известно, что в конце XIX века он восемь лет служил в царской армии, в Кронштадте. Когда прошла половина срока, ему разрешили вызвать жену. Анисья Антоновна приехала. Там и появился на свет Владимир. Окончив служить, уже в начале XX века, дед Илья вернулся на родину, в Завертуху. Умер он по неизвестной нам причине в возрасте зрелости, ещё в расцвете лет. Подкосила его какая-то болезнь...

Ульяна Ильинична после Анны родила Валю, но в шесть лет девочка умерла от скарлатины. Медицинское обслуживание в таких глухих и отдалённых местах было в те годы очень слабым...

Самым последним, в 1938 году, родился от Ивана Никифоровича Саша. Отец его очень полюбил. Бывало, поедет утром куда-то по сельсоветским своим делам в седле на лошади, которая была за ним закреплена, обязательно завернёт к Ульяне. Дети ещё спят, он одеяло осторожно откинет, ладошкой нежно похлопает Сашу по попке, накроет заботливо и уйдёт. Каждое утро навещал детей. Вот к дочери Анне он относился равнодушно, а Сашу очень любил. Может, оттого, что у него умер у жены сыночек Саша во младенчестве. Возможно, он и настоял назвать сына Ульяны тоже Сашей... Всю жизнь он проработал председателем сельсовета. С женой впоследствии развёлся и уехал в Мичуру Еловского района...

Работал брат Анны, Саша, Александр Иванович, комбайнером в Частиномском районе, окончив после армии курсы механизаторов в Зюкайке Верещагинского района. Числился на хорошем трудовом счету. Умер он тоже рано, в 45 лет, от рака пищевода. После него у вдовы осталось пятеро детей.

В годы войны из жителей деревни многие мужья и сыновья погибли на войне. Почтальонку всегда ждали и встречали. Идёт невесёлая, мрачная — опять кому-то горе несёт, похоронку. В том доме рёв стоит на всю деревню: все сбегутся, все воют, все плачут...

«Война закончилась победой, а голод навалился такой страшный и беспощадный, — вспоминает Анна Ивановна, — какого в Завертухе и в войну не знали».

Слово «суррогат» и в 1946–1947 годах у деревенских людей не выходило из обихода. Испытание голодом — самое страшное испытание!

Поразительно: крестьяне выращивали хлеб, а сами хлеба не видели, государство забирало у людей всё, питались суррогатом. В городе (даже в блокадном Ленинграде) людям давали хоть какой-то паёк хлеба, выращенного крестьянами, а крестьянин был оставлен на произвол судьбы. Ему хлеба уже не хватало... И получается, что, с одной стороны, он существовал как бы вне государства, вне его заботы (впрочем, как и в теперешнее время), а с другой стороны — как закрепощённый постоянный должник государства. За то, что ты живёшь — отдай всё.

«Молока, к примеру, — вспоминает Анна Ивановна, — надо было сдать 320 литров, себе оставь не оставь, а государству — сдай! А корова, она же только несколько летних месяцев даёт хороший надой... Но если по жирности молоко не выходит на базовый процент, количество литров для сдачи увеличивают...»

Страшное время люди пережили! И время это надо понять. Да, советское крепостное право. Но ведь какая кровопролитная шла война, жуткая и долгая, война на уничтожение нашего Отечества! Как писал поэт Борис Ручёв: «Костёр войны пылает до небес». Людская кровь лилась потоком, солдаты неисчислимо гибли на фронтах батальонами, полками, дивизиями... Пространство от Волги до западных границ усеяно русскими костями. А сколько воинов погибло ещё и на чужбине...

Стоял вопрос спасения нации. Да, у крестьянина отнимали всё, но вынуждала на это невиданная по жестокости война: надо было накормить армию и заводы. Крестьянину приходилось очень тяжело, но ему была оставлена возможность выживания на подножном корме, какового в городе не было.

У деревни отобрали не только хлеб, у деревни отобрали пахаря, кормильца, он ушёл на войну, и на его место встала его жена, его мать, его сестра, его дети...

Памятник русской деревне

*Женщина, дед и подросток
Тянут с натугою плуг...
Всё объясняется просто:
В России — военный недуг.*

*Сзади, на поручах плуга, —
Солдат с деревянной ногой:
Увы, из военного круга
Не вынес награды другой.*

Оратаям¹ этим народным
Теперь недосуг отдыхать:
Чтоб клин² не остался бесплодным,
Кормилицу надо вспахать...

И полюшко способом древним
Вот пашут — дай, Господи, сил!
Памятник русской деревне
Мог бы — из бронзы отлил:

Женщина, дел и подросток
(Да будет им в бронзе покой!)...
На плуг налегает всем ростом —
Солдат с деревянной ногой.

2-11 января 2009 г.

Во имя победы приходилось существовать на попечении матушки-природы.

«Ульяна Ильинична пошлёт детей "бруснить"³ лебеду, — вспоминает Анна Ивановна. — Благо, что этот спасительный сорняк обильно рос в округе. Анна и Саша свои руки о ветви лебеды обдирали до крови».

Много надо было заготовить на семью такого «деликатеса». Сушили семена лебеды на железных листах (противнях) в печи. После этого толкли в большой чугунной ступе, просеивали сквозь сито, и пекли лепёшки. По цвету они получались сзелена. Достанут из печи готовые лепёшки — они рассыпаются, форму не держат, потому что хлебной муки в них ни пылиночки нет, клейковины нет. Безвкусные.

Конечно, спасались и молоком, сколько доставалось его семье...

Липовые листья заготавливали мешками. Но их очень много надо запasti. Сушили, толкли, получалась зелёная мука. Из мешка листьев выходило муки совсем немного. Из неё тоже пекли лепёшки. Вкус у них был сносный, хороший, но мучились ужасными запорами... Про эти лепёшки даже поговорка в народе бытовала: «Ешь — смеёшься, в туалет пойдёшь — плачешь».

Варили суп из крапивы, на еду шло всё, что организм способен был переработать... По весне питались пестиками (пистиками) — молодые побеги хвоща полевого, «горькой редькой» — молодыми стеблями сурепки... Целыми охапками её поедали. Ели молодые дудки пиканов — съедобная разновидность борщевика, «мохнушки» — ворсистые стебли травы со вкусом моркови. Дети страдали не только от голода, но и от обилия паразитов: вши, острицы...

Грибы сушили. Малины старались набрать и засушить, липовый цвет... Чуть заболеешь (лекарств никаких не было, врачей не было) — мать сейчас малины заварит, на ночь напоит, закутает одеялом, пропотеешь, болезнь и проходит.

«Бабушка учила Анну в школьные её годы: подойди к иве, обними её, прижмись к ней, скажи: ивушка-матушка, заberi мои боли

¹ Оратай — пахарь.

² Клин — участок земли.

³ Руками обдирать (обрыскивать) с веток лебеды созревшие её семена.

и хвори. По народным поверьям, это дерево болезни вытягивает на себя», — рассказывает Анна Ивановна.

Видимо, это были отголоски далёкого язычества.

Как ни ругай, ни кляни суррогаты, а выжить они помогли... Осип Филиппович, житель моей Межовки, помню, рассказывал, как на дорожном строительстве в те годы, на самых тяжёлых работах (дробление камня кирками да кувалдами), раз в сутки давали в качестве усиленного питания столовую ложку на человека гороховой муки. И она была бесценной наградой. Муку размешивали в кипятке и пили эту болтушку с огромной радостью... Эх, непроста история матушки-России!

В голодные послевоенные годы на полях в пору созревания хлебов дежурили объездчики, сторожили поля от людей, чтоб никто ничего не украл. Анна Ивановна рассказала случай, когда одна женщина шла с поля и несла в кармане горсть пшеницы, и объездчик при обыске обнаружил. Судили эту женщину, дали четыре года, остались у неё трое детей, старшей девочке было 13 лет. Жили одни. Отец погиб на войне.

И всё равно дети, хотя и гоняли их объездчики, умудрялись незаметно воровать стручки гороха... Бабушка Анны Ивановны, Анисья Антоновна (та, что рожала 17 раз), подучивала детей, чтоб рвали стручки возле леса и убегали в лес...

Сама она в эти голодные годы (было ей уже лет 70) ходила по окрестным деревням и сёлам собирала милостыню, и этим подаванием слабая, дряхлая старушка спасала детей от голода. Кто-то, сердобольный человек, подаст кусочек суррогата, кто-то яичко, картофелину, луковицу или какой-то другой овощ, а бывало, и муки...

Дочь Ульяна говорила ей: «Мама, не ходи не побираться, не позорь ты нас!..» Но благодаря этому унижительному занятию бабушки — и здоровых детей, и больного Ваню удавалось прокормить. Какая-никакая поддержка была. Кроме того, она пряла лён, шерсть, вязала носки, выполняла любую посильную работу, какую попросят. Ведь у колхозников времени на это не оставалось.

Умерла она в 1959 году, на 83-м или 84-м году.

Когда начинался ягодный сезон, на косогорах вызревало много клубники. Бабушка собирала ягоды, засыпала в горшок, заливала молоком и ставила их в печь парить... И это было тоже спасительное и незабываемое по вкусу кушанье...

В бане мылись без мыла, не было его. Деревянное корыто поставят, ребятишек рассадят вокруг... Головы мыли щёлоком (водой, настоянной на древесной золе), тратили экономно, чтоб всем хватило. Потом веником тело натрут, окатят водой — и готово, беги в дом.

«Сейчас дети стали испотаченные (избалованные), — делится Анна Ивановна. — Игрушек мешками... Та игрушка — не игрушка, другая игрушка — не игрушка. Опять новую давай! А мы играли в чечки: осколки от битой посуды, стёклышки; где-нибудь в укромном уголке строили так называемые клетки: дощечка на баклажках, наподобие скамеечки... Раскладывали эти чечки... Украшали клетки... Работать заставляли в раннем возрасте, так что не особенно наиграешься...»

Соседняя деревня называлась Кичижиха, стояла на самой камской бечеве¹, в три дома. До коллективизации деревня эта была большая и богатая, жили в ней старожилы, люди трудолюбивые, работные и благочестивые. Коллективизация началась — их всех раскулачили, все семьи куда-то в Сибирь сослали. Никто не вернулся. И осталось три избы, старик да две старухи: дядя Трофим, тётка Минодора и бабка Анна². Из своей деревни некоторых мужиков, врагов народа, в те годы увозили, и они тоже не вернулись: их, говорят, расстреливали...

Мать строго наказывала: «Нюрка, ничего не говори против власти!»

Председатель колхоза «Опалихинская заря» — тогда каждая деревня считалась отдельным колхозом — Асаф Егорович Санников разрешил колхозникам косить сено для собственных хозяйств (было это дело примерно в 1951–1952 году). Арестовали этого председателя, устроили показательный суд, все колхозники заступались за него, писали бумагу с просьбой о помиловании — не могли отстоять. Приговорили ему 4 года заключения. Когда отбыл срок и вернулся, плакал от обиды, считал, что несправедливо был осуждён и отсидел ни за что.

— От коммунистов одно зло было. Ох мама их не любила! — вспоминает Анна Ивановна. — Я в комсомол вступила — мать чуть не зашибла меня...

В 1949 году окончила Анна семь классов, но жили в такой бедности, что у неё даже цветных карандашей не бывало (на уроках рисования приходилось у кого-нибудь из подружек просить), но характером была весёлая. Во время наших разговоров Анна Ивановна не раз признавалась, что жизнь была тяжёлая, а жили весело. Сейчас нет такой радостной жизни. Конечно, возраст, болезни... Однако-о...

Когда подступало зимнее время, сушили в бане лён, затем его мяти, трепали, чесали, пряли нитки. Первым сортом шло волокно (тонкое, хорошо прочёсанное, как девичий волос), вторым — изгребь (грубое волокно низкого качества, третьим — отрепье. Из отрепья (всплывает в памяти фамилия Гришки Отрепьева из «Бориса Годунова» А. Пушкина) — третий сорт чёсаного льна, вычески — пряли уже грубые, толстые нити, которые шли на изготовление холстов, на половики, на мешковину, на онучи (обвёртки на ноги, портянки)...

Бабушка, Анисья Антоновна, была тонкопряха. Когда она пряла льняную чёсаную кудель, то тщательно свивала такие тонкие нити, что указательный палец её правой руки, на который ложилась основная нагрузка при вращении веретена, был у неё тонкий, изношенный. Такие нити шли на шитьё...

Из готовых ниток ткали ручную холсты на станке, который со всем прибором и с основой и назывался кроснами (и кросна, и кросны). Это очень однообразная работа, требующая большого терпения

¹ В данном случае слово «бечева» обозначает не толстый канат, с помощью которого в прежние времена бурлаки или лошади тянули баржу, а береговую полосу, кромку берега у самой воды, прибрежную линию. Вспомним строку Некрасовского стиха: «То бурлаки идут бечевой!...»

² В годы строительства Воткинской ГЭС (конец 1950-х – начало 1960-х) на перевозку домов из зоны затопления государство выделяло деньги, и людей переселили на новое место. Так, Опалиху после переселения называли Новая Опалиха. А прежнее место ушло под воду...

и усидчивости. Чтоб выткать сантиметр плотной, качественной льняной ткани, необходимо было продёрнуть лоток с нитками сквозь основу восемь-десять (а с тонкими нитями, из каких ткали пеструшки — 15–17) раз да пристукнуть нить один-два раза бёрдом.

Весной, как начинало таять и снег напитывался влагой, холсты отбеливали: утром их расстилали на снег, вечером собирали. На ночь не оставляли, могли украсть. Из самого тонкого холста бабушка шила бельё: портяные сорочки, рубашки, юбки, штаны («труссы») — всё было грубое, льняное, домотканое, вплоть до прихваток для горшков. Покупать в послереволюционное нищее время фабричное бельё было просто не на что, всё изготавливали сами. Никаких лифчиков в то время женщины, девушки не носили.

Старший брат Ульяны Ильиничны, Владимир Ильич, дядюшка Анны, в годы войны — видимо, уже негодный в 42 года к строевой службе, — был мобилизован в трудармию для выполнения по сути-то принудительной трудовой повинности (а его старшая дочь Валентина 1923 года и сын Иван 1925 года рождения побывали на Отечественной войне. Иван рвался на подвиги, но бывалые фронтовики осаживали его, оберегали. В бою он был ранен, попал в госпиталь, а тут и война закончилась).

Владимир Ильич службу свою отбывал в городе Молотове, на военной базе в районе Лёвшино. Тут располагались длинные перевалочные склады. И по железной дороге, и по Каме здесь прибывали-убывали различные грузы... (Теперь это место под водой Камского водохранилища). Владимир с товарищами загружали-выгружали то, что было необходимо. За местом, где они работали и жили, закрепилось позже (видимо, уже при строительстве Камской ГЭС) название КУРТ, что означало — комплексное устойчивое развитие территории. Обитали в барачных домиках. Положение было военное, место своей работы никто не имел права оставлять...

После войны и увольнения на гражданскую жизнь Владимир Ильич не захотел возвращаться в родную деревню, остался в городе Молотове, семью перевёз к себе¹, жили на участке в районе кислотного завода, или теперешней станции Молодёжной, в бараке. Комнатка крохотная, спали на полу. К ним и приехала Анна после седьмого класса, они и подыскивали для неё место, пристроили нянкой в семью с двумя детьми: жена бухгалтер, муж строитель.

Для того времени ситуация довольно типичная, когда деревенская девчонка попадает в город в няньки. Дети в этой семье были: девочка-школьница Неля и мальчик двух лет (имя не помнится). Их мать работала в городе Молотове бухгалтером. Район хотя и считался городским, но фактически находился тогда в пригороде. На работу она ездила пригородным рабочим поездом. В обязанности девочки-няньки Анны входило: проводить Нелю в школу и встретить из школы, стирка, глажение белья, школьной формы для Нели. Всё непривычное, всё чужое.

«Реву да глажу», — вспоминает Анна Ивановна. Готовить ещё не умела, а это тоже входило в её обязанности. Кашу варит, полу-

¹ У Владимира были дети: Валя, Иван, Петя, Зоя, Шура (она), да двое умерли малыши: Борис и Семён.

чается густая, тогда она часть отбавит собаке, вскипятит воды и в кашу вольт, размешает.

У них была корова на двух хозяев, доили попеременно: сегодня одна семья, завтра — другая. Корова была очень большая, хорошая и молока давала много. Эту корову доить, когда подходила очередь, должна была тоже Аня. А она, хотя и в деревне выросла, не приучена была доить корову, боялась её, доить не могла. Так прошёл год, но Анна не сумела освоиться, привыкнуть. По сути, из-за этой коровы Анна и сбежала из нянек.

Мать приехала навестить Анну. Она от матери не осталась, никак не захотела жить в няньках. Рассчиталась. О чём хозяйка очень сожалела, даже плакала — уговаривала Анну остаться...

Надо отметить, что в няньках Анна побывала с самых ранних лет, два лета нянчилась с детьми в своей деревне, спала по ночам дома. А потом отдали её в няньки в село Степаново, километров за 25 от дома, недалеко от Воткинска. Здесь она тоже не выдержала разлуки с домом и удрала. Как сейчас помнится: идёт по дороге босиком, лапти связала оборами, повесила чрез плечо. Бабушка увидела девочку на горе и подумала: «Совсем как наша Анка идёт...»

Когда из Молотова вернулась Анна в свою деревню, то устроилась в колхоз счетоводом, статистиком, а потом и помощником бухгалтера. И ещё почтальонкой подрабатывала: почта, правление и сельсовет — всё находилось в одной большой избе; после работы пойдёт домой — попутно почту прихватит для своей деревни и разносит. В колхозе приходилось работать за трудодни, по количеству трудодней производили натуроплату: то есть начисляли какое-нибудь зерно, сено, солому... А вот за работу почтальонкой платили деньги, хотя и очень небольшие. Так прошло около трёх лет. Жизнь постепенно налаживалась. Анна выросла.

На вечерние посиделки молодёжь собиралась на конном дворе в конюховке¹. А конюхом был Кузя-корявый. Этот Кузьма опекал Анну как родную. В детстве он переболел оспой, всё лицо у него было в рытвинах, в ямочках (таких корявых мужиков в деревне было трое: Ефимка, дядя Фёдор — брат отца будущего мужа Анны Ивановны — и Кузя). Кузьма очень любил детей. Жена у него умерла молодая, оставила ему пятёрку детей. О жене вдовец безутешно горевал.

Анне, поскольку она росла без отца, говорил: «Ты считай меня за отца, — и наставлял: — Ты бойкая, смотри в подоле не принеси матери...»

Росла Анна шустрая, была привлекательная девчонка, парней вокруг неё вилось немало. А потому мать очень строго держала дочь, опасалась за неё, что «принесёт в подоле», опозорит и мать, и всю

¹ Конюховка — изба на конном дворе, место обитания конюха, который ухаживает за лошадьми. В конюховке хранится упряжь, сбруя, после работы развешенная по стенам на просушку на деревянные спицы: хомуты, шлеи, вожжи, уздечки, седёлки, сёдла. Конюх производит необходимый ремонт упряжи. Зимой здесь всегда натоплена печка. Стоит терпкий запах конского пота от хомутов, седёлок и дёгтя, которым пропитываются сыромятные ремни гужей, подбрюшники, чересседельники. Сюда нередко собираются мужики поговорить после работы, обменяться новостями, поделиться проблемами жизни, покурить в тепле, сыграть в домино. Когда не было в деревне клуба, молодёжь нередко тоже сходилась на посиделки на конном дворе, в конюховке.

семью. Аня успокаивала Ульяну Ильиничну: «Мама, я себя блюду. Ты не беспокойся, я к себе никого не подпускаю».

Но был и такой случай: однажды летом Анна загулялась с парнем, засиделась на горочке, домой пришла часа в три. Мать граблями её побила, ночевать пришлось на сеновале, на голом потолке. В наши дни за это Ульяну лишили бы материнства...

В девках Анна очень любила плясать, гармониста переплясывала: он играет — пот градом, лицо ему оботрут платком, играет дальше до изнеможения... «Теперь вот, — жалуется Анна, — Господь наказывает — ноги болят, по ночам никакого спасения нет...»

Аннину деревню Завертуху от прибрежной линии — бечевы — отделяла гора, косогор. И вот по весне все ждут, когда на Каме тронется лёд. Ребятишки в нетерпении «дежурят» на горе. Наконец затрещало, застреляло, захрустело, зашуршало — лёд тронулся. Ребятня кричит: «Ледоход! Ледоход!» И вся деревня сбегается на гору смотреть ледоход. Такое событие зрелищное, впечатляющее! Природная силища с сокрушительным треском сдвинула с места весь массив льда, который зима лютыми морозами наращивала, утолщала и крепила почти полгода, и уже ничто не может эту силу теперь остановить, и она погнала лёд вниз по течению...

* * *

Парень, который впоследствии стал её мужем, Евгений Колчин, родом был из Опалихи, деревни рядом, бригада одна. Здесь некоторые семьи тоже были старообрядческие, как в соседней Кичижихе. Анна знала Евгения, но не более того. Гуляли, дружили с парнями одного возраста, ровней по летам, а он был на шесть лет старше её. Отслужил в армии четыре года. Вернулся в свою Опалиху. Прошло какое-то время, надо ему жениться, его сверстники уже переженились. Подружился Евгений с одной девушкой, сосватали её, она дала согласие. На определённый день назначили свадьбу, поставили брагу, пригласили гостей. Всё решено, подготовка к свадьбе идёт, бражка гуляет, набирает силу... А у этой девушки парень в армии служил, с которым она до того дружила. Он узнал о готовящейся свадьбе, прислал ей письмо. Пишет, что любит её, и если она выйдет замуж за другого, он жить ей с мужем всё равно не даст, пристрашал...

И дрогнуло сердце девичье: Евгений пришёл за невестой, чтобы вести её в сельсовет на регистрацию брака (тогда всё было по-простому: привёл невесту в сельсовет, тут же расписался с нею, и всё, ты женат), да только она ему отказ. Не пойду и всё. Ни в какую¹. Евгений в смятении, как ему быть: гости приглашены, брага стоит готовая. А свадьба разладилась. Шёл 1953 год, жили ещё очень трудно. И расстройство свадьбы в тот период — это была целая катастрофа, очень сильный убыток семье... Да и стыд какой! Позор на всю округу.

Отец Евгения, Андрей Ульянович, погиб на войне, написал лишь одно письмо с дороги на фронт, из Кирова. Потом пришло извещение — пропал без вести. После войны мать Евгения — Анастасия Ивановна, староверка, — ходила по окрестным деревням,

¹ Впоследствии девушка вышла замуж за своего парня, когда он отслужил в армии. Прожили с ним хорошую жизнь.

расспрашивала вернувшихся фронтовиков, искала, кто, может, вместе призывался и служил с её мужем Андреем.

Нашла человека из соседней деревни Пермьяковки, который прошёл войну, живым остался, он и рассказал ей, что вместе были они с Андреем. Форсировали какую-то реку под обстрелом, плыли вместе, а вокруг всё грохочет: взрывы снарядов, мин... Товариш на берег вышел, оглянулся — нет Андрея — до берега не доплыл: то ли убило, то ли ранило, то ли сил не хватило. Вот и считается, что пропал без вести. И думается с недоумением: ну почему же без вести-то пропал? Ведь очевидно, что погиб, ушёл на дно, не доплыл до берега, так напиши, что пал смертью храбрых. Ведь ясно, что тут он погиб, в этой речке...

Анастасия Ивановна осталась вдовой с пятью детьми, растила, поднимала их одна, помощи ни от кого никакой. Нелегко достались ей детки: Клия, Евгений, Фёдор, Наташа, Андрюша (умер в 6 лет и тоже от скарлатины). А теперь вот Евгению, жениху, такой позор оттого, что свадьба расстроилась. Что делать?

Поехал Евгений свататься к одной девке (тогда ведь невесту по родителям выбирали: какая в народе молва о них), но эта невеста ему не понравилась.

Конюх Кузьма Семёнович, который опекал Анну, посоветовал Евгению сватать её. Девка шустрая, привлекательная. Евгений со сватами к Анне. Она в отказ, не пойду. Не ровня он мне по годам. Старше на шесть лет. Ему было 25, а ей — 19. Замуж-то, конечно, пора, но...

«Не пойду и не пойду, — упёрлась Анна, — не ровня он мне».

Идёт невесёлый Евгений по улице, Кузьма интересуется:

«Енька, что, высватал Ньюку?»

«Не соглашается!» — признался огорчённый жених.

И решил Евгений давать уже отказ приглашённым на свадьбу гостям.

А парень-то хороший, работающий, не гуляющий. Кузьма был решительным человеком, надумал ситуацию спасти.

На следующий день утром снова пришли Анну сватать: Дарья — крёстная Евгения, Клия — старшая сестра Евгения, Кузьма Семёнович, сам Евгений. Уговаривают Анну... А она в это утро собралась ехать на лошади в Воткинск, за 40 км на базар. Подкопили флягу топлёного молока с румяными пенками, его надо было продать, чтоб выручить денег на одежку. Зима началась, первая декада ноября прошла, а одежды никакой. Молоко перетопят, остудят и — во флягу. Топлёное, оно несколько дней может стоять на холоде, и ничего ему не будет, не портится. Корова у них была хорошая, очень молочная. Вот и скопили флягу, 39 литров. Но корова эта страшно лягалась, во время дойки могла ногой баздахнуть в подойник... Поэтому задние ноги ей связывали. Мы помним, что в няньках Анна боялась доить корову, не научилась.

В конце 1940-х — начале 1950-х годов молоком спасались, очень оно выручало. Ниже села Бабка на Каме была пристань, здесь и продавали молоко. Местные жители его тоже покупали, это те, кто работал в Воткинске на кондитерской фабрике и на заводе. У них всё-таки деньги водились, в отличие от колхозников.

Как ни отнекивалась Анна — просватали её. Кузьма вызвался даже отвезти молоко на базар и продать. А Евгений уже на шаг не-

весту не отпустил от себя, ни на минуту не оставил, увёл в сельсовет, и тут же расписались: зарегистрировали законный брак. И никто их не сопровождал.

Кузя с молоком уехал в Воткинск, там его продал, деньги вручил матери невесты, Ульяне Ильиничне. На эти деньги была куплена пальтушка суконная, полупальто, в обиходе такое одеяние называли полупальтиком, укороченное пальто.

Свадьбу сыграли через неделю, 21 ноября 1953 года, в самый Михайлов день. В колхозе жениху с невестой дали лошадь, сани-розвалёнки. Уточняю, не кошёвку ли дали новобрачным? Нет, отрицает Анна Ивановна, в кошёвке ездил только председатель. Попутно замечает, что навоз возили в плетёных ивовых коробах. В таких же коробах, только, разумеется, чистых, возили больных дифтерией ребятишек в Ножовку в больницу.

Лошадь нарядили, убрали ленточками. Под дугой звонок (колокольчик) прикрепили. От дома невесты до дома жениха ехать предстояло два километра. Молодых усадили, поставили сундук невесты с приданым. В сундуке соломенный матрац, самодельное ватное одеяло и две подушки, набитые куриными перьями. Всё богатство. В ту пору это считалось нормальным явлением, и никто не плакал, не стонал от неизбежной бедности. Терпели её, проклятую. Ведь вещи, конечно, создают комфорт, но не могут, однако, заменить счастье...

Евгений позвал на свадьбу родню, собрал своих друзей-одногодков с их жёнами, пригласили гармониста, сутки веселились, плясали под гармошку, пели частушки. Не танцевали, подчёркивает Анна Ивановна. В деревне танцы тогда ещё не вошли в моду.

Интересуюсь, были ли какие-то игры, розыгрыши, шутки. «Конечно! — восклицает она. — Невесту, к примеру, заставляли воду на коромысле нести, умеет ли. Расплешет — муж, значит, будет пьяница».

Отгуляли свадьбу. Стали жить.

Не нравился ей жених. Не нравится теперь муж, без охоты вышла за него, с принуждением. Разговор у него не тот, не так говорит. Пальцы рук не те, короткие и толстые... Год ревела, не любила. Хотела уйти от мужа. Мать с бабушкой настраивали жить вместе, не позорить семью на две деревни с округой. Бабка настраивала подчинённости мужу. Это сейчас чуть что — развод. У меня, говорит, все разведены...

В 1954 году родила мальчика Гришу. Родила Гришу — открылась любовь, настроилась. Прожили вместе 49 лет. Всякое бывало. Случалось, поссорятся, муж неделю не разговаривает, пока его не прорвёт...

Видимо, когда в день свадьбы несла воду на коромысле, не расплескала, пьяницей муж не был. Но веселиться умели. У Евгения была балалайка, с детства играл. Бывало, работают дома по хозяйству что-нибудь, он скажет: «Пойдём, Нюра (позже называл бабкой), поедим, бражки выпьем, я поиграю, а ты попоёшь...»

Конечно, бывало, в получку с друзьями после работы выпьют...

Однажды произошёл такой случай. Пришёл домой Евгений Андреевич под хмельком, кто-то из ребят сказал: «О, пьяница пришёл!» Замер отец, по нему как молния пробежала, окаменел. Потом рванул рубаху пополам: «Я вас пою, кормлю, одеваю, учу, воспитываю! Хочу,

чтоб в люди вышли... И я пьяница?!» И он заплакал. Обида. Горькая обида упала на сердце. С той поры дети никаких ему поправок не делали. А сам он, если явится в «состоянии неустойчивом», никогда никаких скандалов не устраивал, но только коснётся подушки и сразу засыпал.

Евгений Андреевич был 1929 года рождения. Его брат, Фёдор Андреевич, с 1932 года, в настоящее время живёт в городе Чайковском Пермского края. Клия была самая старшая сестра, с 1927 года, её в живых нет. Младшая сестра Наташа с 1937 года, ей девятый десяток лет, живёт на Ставрополье, Будённовский район, село Преображенское. Сестра Наташа в раннем детстве во время болезни перенесла осложнение, оглохла. Но не глухонемая, говорит, только некоторые буквы произносит неправильно, с искажением. Она швея.

Когда Евгений женился на Анне, всё его богатство было — одна солдатская шинель. Позже Наташа эту шинель распоролла, покрасила в чёрный цвет и сшила брату пальто...

До рождения первенца Гриши работала Анна счетоводом, после его рождения, как подросток, перешла в бригаду.

Жизнь прошла — есть что вспомнить, немало было и трудного, и горького. Но была весёлая.

Муж Евгений трудился на Каме бакенщиком. Утром, вечером от бакена к бакену на лодке, невзирая на погоду, Евгений на вёслах, старший бакенщик с фонарями: вечером их ставят и зажигают, утром снимают и гасят. К вечеру надо подготовить фонари к работе, заправить. И так изо дня в день, до закрытия навигации. Был пост бакенщиков. Раз в месяц от поста к посту проходила «плавучка» — магазин. В нём можно было купить муку, сахар, что-то из одежды. Над бакенщиками был старшина, он контролировал работу, следил за порядком, привозил и выдавал зарплату, сообщал дату прихода «плавучки».

В зимнее время бакенщики на деревянном станке вили из мочала якорные верёвки для бакенов. К этим верёвкам привязывался камень-якорь. Хватало такой верёвки на один сезон. Мочало заготавливали сами. В летнее время рубили липовые деревья, сбивали с них лубки, которые погружали в воду, в мочище, выдерживали до осени, потом из них выдирали мочало, сушили его на вешалах, готовили к зимней работе...

Когда в начале 1960-х построили Воткинскую ГЭС и стали поднимать водохранилище, бакенщиков за ненадобностью сократили, Евгений Андреевич работу потерял. Трудиться в колхозе «за палочки» он желания не имел (трудовой стаж производственный и колхозный — о-очень разные были вещи! Земля и небо. Пенсия колхозников в то время была просто насмешкой над крестьянином).

Внутри послевоенного народа уже вызревал молчаливый приговор системе, что так относиться к колхознику больше нельзя. Хватит пить из него кровь; ему требуется роздых, а он живёт на положении раба... Именно сознание этого вызвало массовый исход молодёжи из деревни и появление «деревенской прозы» — целой плеяды талантливых писателей-заступников народных: Фёдор Абрамов, Виктор Астафьев, Василий Шукшин, Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Солоухин... В своих произведениях они показали

всему народу страны, что внутренний мир деревенского человека, крестьянина-кормильца, по своей глубине, организации и сложности переживаний не уступает миру городского человека, а ещё и превосходит его через самоотречение в нелёгком земледельческом труде. Что душа униженного «раба» по богатству и чистоте устремлений нередко превосходит душу «образованного» горожанина, интеллигента, со снисходительностью, а то и с презрением и брезгливостью поглядывающего на жителя деревни, на труженика земли.

Сергей Есенин в своей поэзии когда ещё подметил эту высокомерную особенность:

*Но этот хлеб,
Что жрёте вы, —
Ведь мы его того-с...
Навозом...*

Народ — не историческое сырьё, не хворост для коммунистического костра, а — тектоническая плита государства, на которой оно стоит и крепится.

В 1961 году Евгений отправился искать работу в Пермь. А здесь, теперь в Лёвшино, жил, как известно, дядя Анны Ивановны, брат её матери, Владимир Ильич, бывший трудармеец. У него Евгений и остановился и прожил целый год.

Работу нашёл на Пермском домостроительном комбинате (ПДК). Занимался сборкой деревянных деталей и пропиткой их антисептиком.

Через год Анна Ивановна со старшим сыном Гришей и младшим Пашей из деревни перебралась в Пермь к мужу, а дочь Клавдия осталась жить временно у бабушки Ульяны, в своей деревне, забрали её к себе только через год. На правом берегу реки Чусовой, в деревне Городище Добрянского района, сняли небольшой домишко у хозяйки, которая уехала жить в Добрянку. Крыша была худая, на улице дождь — с потолка вода течёт прямо в постель... Решили купить в Городище дом. На работе взяли кредит для этой цели.

Здесь, в Городище, Гриша и пошёл в первый класс. Школа-четырёхлетка располагалась тогда в бывшей часовне на западной стороне городищенского озера, ныне заросшего и обмелевшего. Учителями были Николай Иванович и Раиса Ивановна.

Вспоминает Анна Ивановна начало 1960-х годов, когда при правлении Никиты Хрущёва, почти через 20 лет после войны, исчез хлеб в магазинах. Ездили из Городища в хлебный парёк на КамГЭС, а там — жуткие очереди... Современный сытый человек нередко выбрасывает куски хлеба. А для Анны Ивановны, прошедшей закалку голодом военных лет, хлеб — святыня. Боже упаси, чтоб выбросить кусочек хлеба. Бывало, увидит она — кусок хлеба валяется на земле, никогда мимо не проходила, подберёт и скормит либо домашним животным, либо собакам...

Голод — страшное дело, горе. Но изобилие продуктов — тоже не всегда на пользу народу: тучных людей, и от этого больных, сегодня переизбыток... И голод — трагедия, и переизбыток — не на пользу. А управлять собой дело очень нелёгкое! Дельцы этим ловко пользуются и за хорошие деньги обещают любого обжору-дурака избавить от лишних килограммов, но избавляют, увы, от «лишних» денег.

В Городище учился только Гриша, Клавдия с Пашей учились в 45-й школе в микрорайоне ПДК. В эту школу на улице Валёжной (рядом с улицей А. Щербакова) Анна Ивановна ради детей устроилась техничкой... Иначе пришлось бы им ходить из Городища пешком далеко, в Залесную. А здесь дети ездили в школу от 5-го км до Лёвшино на электричке: две остановки, 10 минут. Удобно.

А от дома до 5-го км ходили пешком — это минут 15–20. Зимой — метели, морозы, дороги от деревни до 5-го км не было, только тропинка. А бывало, по необходимости на левый берег Чусовой ходили даже по льду.

В те годы в Городище было много детворы, летом гоняли футбол, поле располагалось примерно около того места, где стоит теперешняя церковь. Это сегодня права детей, можно сказать, превыше прав Бога, а тогда было по-другому, авторитет взрослых людей, родителей считался неукоснительным, было здоровое, логичное соподчинение прав и обязанностей взрослого человека и ребёнка, и никто его не обижал. А если и происходило какое-то наказание, то по делу, соразмерное проступку, и наказание это имело педагогическое значение. Так велось из века в век, начиная с первобытного общества. Конечно, были перегибы, но общество развивалось всё-таки с опорой не на перегибы и извращения, а на логику существования. Ванька Жуков¹ был всё-таки исключением определённого исторического периода...

Конечно, проблемы и трудности возникали, но дети в семье Колчиных росли послушными, управляемыми, нормальными людьми. Помогали родителям по хозяйству.

Когда в 1974 году началось всесоюзное строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ), Пермский домостроительный комбинат получил государственный заказ на изготовление шитовых домов для строителей БАМа. Готовые шиты комплектовали, грузили на железнодорожные платформы и отправляли по назначению... Так что семья Колчиных внесла свой ощутимый трудовой вклад во всенародную стройку века. Укладка «золотого звена» магистрали состоялась в 1984 году, с него началось сквозное движение поездов...

Работая на домостроительном комбинате, Евгений Андреевич записался в очередь на получение бесплатного жилья, но квартиру ждать пришлось многие-многие годы. Сколько там работал, столько и стоял в очереди на квартиру. А было ли жильё бесплатным — большой вопрос. Ведь строилось оно на средства из трудовых отчислений народа. Все эти деньги не из воздуха же брались государством, они закладывались в нашей плановой экономике в расценки и в зарплату. Бесплатным жильё было условно.

Когда я работал на заводах, очень отчётливо чувствовал, сколько физической энергии вкладывал в производство, отдавал, и какую несоизмеримую с этим сумму получал: вот эта разница и обеспечивала нам бесплатное жильё, недорогие детские садики, низкую коммунальную плату и пр., и пр... И наверное, это было мудрое решение. Была перспектива получения собственного угла. Обретение человеком жилья имеет стратегическое значение. Это моё глубокое убеждение! Как армия без захвата плацдарма не может форсировать большое

¹ Персонаж рассказа А. Чехова «Ванька».

водное препятствие и развить наступление, так человек без жилья не способен реализовать себя в жизни в полной мере.

Получил квартиру Евгений Андреевич только через 30 лет, в 1992 году, уже в пенсионном возрасте, когда ему исполнилось 63 года. Только тогда он ушёл на заслуженный отдых.

Анна Ивановна из школы, когда дети подросли, перешла тоже на домостроительный комбинат и проработала здесь 19 лет.

В Городище держали своё подсобное хозяйство: кур, четырёх дойных коз, огород. Жить можно было, знай только не ленись. В тяжёлые перестроечные годы чем могла помогала детям и внукам: пока в силах была, все излишки с огорода продавала на рыночке возле станции Молодёжная...

Евгений Андреевич прожил 73 года, умер в больнице 4 августа 2002 года от инфаркта миокарда.

Рассказывает Анна Ивановна: «Вот говорят, умершие приходят... И стал он ко мне ходить... А дело было так: ночью кошка скребётся в двери, просится в избу. Дверь открою — заходит большая чёрная кошка. Раз пришла, два пришла... Я соседке Марии пожаловалась, она говорит: “Это ведь нечистая сила приходит к тебе, девка! Не пускай, пока худа не случилось...” Я тапком эту кошку баздахаю: “Ах ты, сила нечистая! Ты чего ко мне ходишь!? Я тебя похоронила (Евгения-то), лежи на своём месте!...” Мария пришла со святой водой, окропила избу. Всё, не стала “кошка” ходить...”

Целый год плакала Анна Ивановна по умершему мужу: очень она его любила, привязалась к нему за 49 лет, хотя замуж за него вышла с неохотой.

Посокрушалась Анна Ивановна, что молитву «Богородице Дево, радуйся...» не знает наизусть, а прочитать с молитвослова теперь не может, не видит мелкий шрифт. Я на компьютере набрал ей эту молитву крупным шрифтом и отпечатал на принтере:

«Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою; благословена Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших».

Меня поразило в Анне Ивановне интуитивное понимание важности данной молитвы. И следом за этой молитвой мне вспомнилась ещё одна, которая сразу полюбилась, когда несколько лет назад я прочитал её:

«Величаем Тя, Пресвятая Дево, Богоизбранная Отроковице, и чтим образ Твой святой, имже точиши исцеления всем с верою притекающим».

И я думаю: если эти две молитвы прочитать с проникновением в их смысл поглубже, может нечто важное откроется через них душе человека?

Чтобы вочеловечить Спасителя Иисуса Христа, нужно было избрать отроковицу, самую для этого достойную и безупречную по своему рождению, по роду своему. И Мария стала Богоизбранною, благословенною среди всех женщин. А выносив во чреве своём и родив Христа, она обожилась, освятилась до абсолютной Богоизбранности, уже недостижимой никому из смертных людей. И через это обрела Силу и Власть управлять нами и спасать нас. Потому мы с такой надеждой и упованием прибегаем в молитвах к Богородице.

Молитву «Богородице Дево, радуйся...» Анна Ивановна выучила наизусть быстро (это в 84-го года!). Читает через увеличительное стекло, сколотое с одного края. Стекло это, вижу, от карманного фонарика, какие продавали с подобными стёклами на рубеже 1950–1960-х годов. Был у меня такой фонарик в детстве. Стекло хорошего увеличения, но неудобное в использовании. В «Спорттоварах» на Компресе, в отделе часов и оптики, присмотрел для неё лупу с ручкой...

Что показывают на экране телевизора, Анна Ивановна почти не видит, поэтому только слушает телевизор как радио. Она в курсе главных мировых событий и положения в стране... Обеспокоена международной обстановкой, душа её болит за людей: «Господи, угомони ты этих врагов, дай спокойной жизни, чтоб внуки дожили!..» — восклицает она горестно.

Беспокоит её и то, что лес «выпиливают по берегам рек».

«Сейчас люди на деньги очень жадные стали», — делает она вывод.

И такой вывод основан у неё на собственном опыте. В одну из встреч Анна Ивановна поведала, как однажды заявили к ней трое молодых оборотистых людей: парень и две девушки — и принялись одаривать её игрушками-безделушками, разной мелочью, под предлогом заботы о стариках какой-то благотворительной организации, говорят, что всё это бесплатно. Обработали доверчивую старуху потоком слов (а сколько они таких обработали?), привели её в определённое состояние умопомрачения, а после этого натиска потребовали заплатить за услугу 8 тысяч рублей. Она ахнула и в слёзы: нет у неё таких денег. Давай сколько есть! И отдала она им 3 тысячи рублей, понимая, как бессовестно облапошили её эти мерзавцы. С такой наглостью подлостью она ещё не сталкивалась в своей жизни.

Люди утратили совесть. За последнюю четверть века сменилась, по сути, цивилизация. Невероятно развилась техническая сторона жизни, но оскудела духовно-нравственная. Разрушен тонкий и чувствительный механизм привития, воспитания, развития в человеке совести с помощью всего исторического опыта человечества, его героев, его культуры: её лучших произведений литературы, театра, живописи, кино и прочих искусств. Жертвенности во имя высоких идеалов.

Но кто должен заниматься формированием совести? Семья? Да, конечно, семья. Только в бессовестной семье трудно ожидать воспитания совестливой личности. Но и прежде всего школа. Семья и школа должны быть неразрывным тандемом в воспитании человека. А не только привития ему знаний. Знания без совести могут превратиться в опасное оружие.

И религия! Невозможно представить, чтоб по-настоящему верующий в Бога человек, имеющий представление о том, что такое грех и что есть вечная жизнь, решился бы добывать средства для своего благополучия способом обмана ближнего, ограбления немощных стариков и старух. А сколько оборотистых людей во властных структурах воруют не по три тысячи, а миллиардами!

Деньги, нажива, обогащение сегодня затмили разум многим, очень многим людям снизу доверху, от приёмщика макулатуры и

металлолома до министра, только масштабы разные: один может украсть сотни, другой...

Общество сегодня поражено страстями и пороками. Многие потеряли совесть — свет Божий, и потому стали торговать подлостью, обманом, ложью, превратив самые мерзкие греховные и предосудительные качества человека — в выгодный товар, делая из них наживу. Это свидетельство деградации общества, вырождения нации, беспомощности государства... Это результат утраты духовности, то есть — заботы о душе.

Дочь Анны Ивановны, Клавдия Евгеньевна Хромцова (1956 года рождения), живёт в микрорайоне Голованово, помогает матери во всём. Скромная труженица, фельдшер по профессии, она 40 лет отработала на «скорой помощи», жертвенно служа людям.

Наши встречи и беседы проходили с ноября 2018-го по март 2019-го... И расставаясь с этими скромными, самыми обычными рядовыми гражданами России, которые ничем не выделяются среди миллионов таких же, но, опираясь на которых стоит и держится Россия, хочется от души пожелать этим отзывчивым русским людям спокойной и благополучной жизни. Они отдали государству всю свою энергию, ничего не требуя взамен, желая одного — элементарного участия и заботы. К счастью, пока они этого не лишены.

Мира вам, добрые люди!

Александр АБДУЛАЕВ

НОЧНЫЕ БЕГЛЕЦЫ. Рассказ

Лёшка Клычёв работал в ночную смену на пятом, строящемся энергоблоке Чернобыльской атомной станции. Вечером, как обычно, он отметился в спецкомендатуре у дежурного старлея и поспешил к автобусу, который развозил работяг на строительные объекты.

Срок, который он отбывал, был небольшой — два года. Один год он уже ударно отпахал, и оставалось в активе одно лето и одна зима. Городская судья, пожилая женщина с уставшим лицом, пожалела его и, вынося приговор от имени Союза Советских, определила этот срок на строительстве объектов народного хозяйства, коих было немало по всей стране.

А вообще попал он на лагерную зону по-глупому. Однажды Лёшка, придя домой пораньше с работы, застал свою благоверную со своим закадычным другом, а что было потом, он плохо помнил. В голову сразу бросилась яростная кровь, крепкие пролетарские кулаки сжались, и всё кругом завертелось чехардой... Так он оказался на «стройке века». Плакат с таким названием висел напротив общаги, где жили расконвоированные зеки.

Жена Нюра писала ему жалостливые письма, в которых она изливала в своих любовных чувствах, обещала непременно дожидаться и начать медовую жизнь с начала. Лёшка, получив очередной конверт, не читая, рвал на мелкие куски и, проходя мимо ближайшей урны, выбрасывал его. С прошлой жизнью, как ему казалось, он крепко завязал и старался не вспоминать блудливую жену, благо детей совместных не жили.

Солнце закатывалось, и небо окрашивалось в красный цвет. Природа пробуждалась, и весенние дни стояли тёплыми. Автобус пылил по грязным окраинным улочкам провинциального Чернобыля. До станции надо было трястись километров двадцать. Первое время от томившей скуки Лёшка разглядывал проплывавшие за окном деревеньки. Кое-где виднелись аккуратные белые хатки с соломенной крышей. Он пытался осмыслить, как в XX веке строится атомная станция и совсем рядом глинобитные хатки с земляными полами. Но скоро ему наскучило заниматься философскими размышлениями, и он развалился на мягком сиденье, хлопнул по плечу сидевшего перед ним Витьку Хлыща. Это был рецидивист, отсидевший большую часть срока в зоне и тоже переведённый на «химию».

— Как отдохнул, Витёк?

Александр Шарифович АБДУЛАЕВ родился 6 октября 1955 года в городе Душанбе, Таджикистан. Окончил Чайковский политехникум лёгкой промышленности (1984), факультет риторики университета марксизма-ленинизма Пермского обкома КПСС (1991). Работал в тресте «Воткинскгэсстрой»: прошёл трудовой путь от рабочего до начальника участка СУ-2. Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Первая творческая публикация относится к 1975 году. Первая книга вышла в 1998 году (в соавторстве): «Имя сей звезды — горькая полынь». Автор более десятка книг. Член Союза писателей России (2008). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов. Кавалер ордена «За личное мужество», ордена Достоевского I степени (2017). Живёт в городе Чайковском Пермского края.

Тот в ответ широко улыбнулся, блестя передними фиксами из нержавейки:

— Да, порыбалил немного на реке, там вода всегда тёплая, как парное молоко. Поймал в-о-от такую рыбину, — широко развёл руками — только так могут порой показывать незадачливые рыбаки свой улов.

Почти всю дорогу до станции проговорили о рыбалке, которая была в этих местах знатной. Только вышли из автобуса и стали отряхиваться от пыли, как мастер Ладынин громко окликнул Лёшку:

— Подойди ко мне! Хочу сказать, что сегодня меня не будет. Свадьба у брата в Припяти, останешься здесь за старшего. Задание простое: будете собирать каркасы из металлических стержней. Арматура лежит там под навесом. — Он рукой показал, где лежала арматура, и передал Лёшке свернутую в рулон монтажную схему. — Будете варить стержни электродами «четверкой». Так положено по технологии. Утром приеду и всё проверю. Лады? — Прошаясь, мастер энергично протянул сухую, узкую ладонь. Постоял немного на месте, будто вспоминая, всё ли он сказал, потом сел в свои недавно купленные жёлтые «Жигули», хлопнул дверью и поддал «газку» так, что за машиной за клубилась серая пыль.

С высокой мачты ярко светили прожекторы. Они выхватывали из темноты светлые пятна, на которых неторопливо суетились рабочие. Разложив на земле стержни из арматуры, Лёшка с напарником принялись за работу. Дело подвигалось споро, он любил работать и получал от этого процесса удовольствие. Хотелось выполнить сменное задание побыстрее и немного вздремнуть в бытовке. Вспомнил, как совсем недавно приезжали большие начальники из Москвы, торопили руководство стройки со сдачей. Тогда было принято сдавать объекты к красным датам календаря, и стройка, на которой он работал, не была исключением. Кто-то потом проделывал дырочки в пиджаке для очередной правительственной награды. Поговаривали даже, что директора станции Брюханова хотели представить к Герою Труда.

Небо стало немного светлеть, и угадывался скорый рассвет, как вдруг раздался глухой и сильный хлопок на четвёртом работающем энергоблоке. В небо взметнулся столб огня и дыма, напоминающий гриб из учебного пособия по гражданской обороне. Тревожно завыли противопожарные sireны. На строительной площадке возникла испуганная женщина лет сорока — стрелок ВОХРа, на поясе у неё болтался наган в брезентовой кобуре. Она нервничала, это было видно по лицу, губы плотно сжаты и в серых глазах спрятался страх. Она быстро подошла к Лёшке и, хлопая глазами, спросила:

— Ребятки, вы не знаете, что случилось?

Послышались ещё два хлопка с небольшим интервалом. На них волной пахнуло жаром, словно из парной, обожгло лицо и руки. Многие, кто был на строительной площадке, в панике бросились к ближайшему леску. Но уже тогда каждый получил свою дозу радиации.

Лёшка растерянно посмотрел в сторону разрушенного блока и никак не мог понять, что же произошло. Только что блок стоял, целёхонек, а сейчас все строительные конструкции валялись на земле бесформенной грудой. Совсем недавно приезжий профессор из Киева читал им лекцию о безопасности атомных электростанций. «Их можно ставить даже на Красной площади», — утвердительно говорил

он. Да все были уверены, что наши атомные электростанции были самые лучшие в мире. Даже гордились этим фактом. Правда, мастер Ладынин иногда рассказывал, что раньше случались аварийные выбросы радиации, но об этом умалчивали. Проедут по ночным улицам Припяти поливочные машины, смоят радиоактивную грязь в сточные канавы, и всё опять спокойно.

Кто-то настойчиво дергал Лёшку за рукав спешковки. Он обернулся и увидел Хлыща. Тот был возбуждён, глаза лихорадочно блестели, острые скулы под желтоватой кожей поигрывали.

— Слухай сюда, Лёха! Есть предложение отсюда рвануть! Сейчас паника, может, нас и нескоро спохватятся. На попутке доберёмся до града Киева. Хочется глотнуть воздуха свободы. А там ищи нас, как ветра в поле, леса кругом, с собаками не найти!

Хлыщ так азартно говорил скороговоркой, что возбуждение передалось Лёшке, и в нём проснулось непонятное чувство, которое сжимало и давило грудь. В горле стоял сухой комок. Неведомая сила подхватила их, и они побежали следом за другими. Над четвёртым энергоблоком стояло яркое свечение. Отдалённо слышались сирены пожарных машин.

Сутки они с Хлыщом бродили по густому лесу, кружа вокруг деревенек, боясь попасть кому-нибудь на глаза. К вечеру вышли на окраину Припяти — местную «нахаловку», где неуёмные горожане разбили свои садовые участки. Хотя снабжение города энергетиков было прекрасным, человека всё равно тянуло ближе к земле. В сумерках белели фруктовые деревья, тут и там стояли неказистые постройки. Сорвав хлипкий замок, они вошли в сколоченный из горбыля домик. Усталость давала о себе знать, и они уснули рядом на деревянной кровати.

Проснулся Лёшка от вертолётного гула. Спросонья он никак не мог понять, где оказался. Испуганно рванулся к небольшому оконцу и отодвинул ситцевую занавеску, увидел низко летящий вертолёт с красными звёздами на борту. «Может, нас уже ищут?» — тревожно мелькнула мысль.

Из маленького оконца виден повреждённый реактор. Над ним плотной завесой висел дым — это всё ещё выгорала графитовая кладка. Вертолёт завис над реактором, и из него сбрасывали мешки с речным песком в жерло реактора. Вертолётчики только что вернулись из Афгана, и их срочно перебросили в Чернобыль. Приказ есть приказ, и его не обсуждают.

Заместитель председателя правительства СССР Борис Щербина летел к реактору вместе с академиком Легасовым, чтобы посмотреть сверху на разрушенный реактор. Внизу было видно, как внутри кратера полыхает ярко-жёлтым цветом.

— Что будем делать? — коротко спросил Щербина у академика.

— Дальше сбрасывать песок в реактор, больше пока вариантов нет! — нахмурился академик.

— Какая радиация здесь, на высоте? — Щербина приник к иллюминатору и смотрел, не отрываясь вниз.

— Пятьсот рентген в час! — громко прокричал Легасов.

Беглецы совсем не подозревали, что оказались в полосе жёсткого излучения. Недалеко от садового домика стоял сосновый лес, спалённый радиацией. Позже его назовут «рыжим». Буквально всё

перевернули в поисках пищи, но, ничего не найдя, они двинулись в сторону города. Издали увидели длинную колонну автобусов с людьми в сопровождении милицейских машин с мигалками. Началась эвакуация жителей, но они об этом и не подозревали. В тот же день в Припять ввели подразделения МВД и внутренних войск для пресечения мародерства. Всем был отдан приказ применять оружие без предупреждения.

Дождавшись вечерних сумерек, Лёшка с Хлышом пробрались в город. В цоколе ближайшей многоэтажки заметили сберкассу с большими витражами и красочным плакатом с призывом хранить в ней деньги. Быстро, чтобы не привлечь чужого внимания, пробежали к крайнему подъезду. Нажали кнопку вызова лифта, тот загудел двигателем где-то наверху — и вот уже перед ними тихо раскрылись двери. На девятом этаже, воровато оглянувшись, они выбрали обитую дерматином дверь, с золочёными шляпками гвоздей. Хлыш подошёл к двери, принял ухом и, убедившись, что за ней никого нет, с размаху пнул по ней ногой. Косяк дрогнул и от него отвалился кусок древесины, дверь затрещала и широко распахнулась. Первым делом Хлыш проскочил в просторную и светлую кухню. На газовой плите стояла кастрюля со вчерашним борщом — люди уезжали налегке, забрав только документы и деньги, так как вывозили их «на три дня».

Лёшка пошарил в шкафах в поисках спичек. Только с третьей попытки зажёл газ.

— Что ты так долго копаешься, лох!? — зло сказал Хлыш, роясь в холодильнике. Он достал палку копчёной колбасы и небольшую банку маринованных венгерских огурчиков. В верхнем шкафу нашёл початую бутылку водки. — Ну вот, а ты говорил, что голодные останемся! Наливай борща по полной тарелке. Хлыш уверенно плеснул водку в стаканы и, блеснув передними зубами, стал жадно глотать, так что острый, выпирающий из-под кожи кадык судорожно дёргался вверх. Выпив и быстро охмелев, Хлыш сквозь глазные щёлочки буравил Лёшку:

— Надо сматываться отсюда. Нас, наверное, ищут с собаками. Давай переоденемся. Там, в комнате, гардероб забит новыми тряпками. Одеваемся — и быстро отсюда! А ты видел, Лёха, сберкассу внизу? В жизни денег много не бывает. Мы с тобой горбатились на государство, и пришло время с нами рассчитаться. С деньгами мы не пропадём нигде! Выправим себе новые паспорта, и ищи нас...

Кое-что из хозяйской одежды подошло им, и они напоследок прошли по комнатам, посмотрели, как жили хозяева. В немецкой стенке, набитой разнокалиберным хрусталём, стояла семейная фотография: весело смеющийся мужчина в белой панаме и женщина в больших очках прижимали к себе круглоголовых пацанов-двойняшек. Хлыш не удержался от соблазна, прихватил с собой японский двухкассетный магнитофон «Шарп», и через несколько минут они уже были внизу.

На улице сквозило пустотой и не видно никого. Через дорогу во дворе сушилось бельё на металлических вешалках. На зелёной траве валялся бесхозно красный трёхколёсный детский велосипед. Серая кошка вышла из кустов и смотрела на них с осторожностью. Подойдя ближе к сберкассе, они увидели, что на массивной железной двери висел амбарный замок и белела полоска бумаги с синеватой печатью.

Хлыщ глазами пошарил вокруг себя, подобрал валявшийся неподалеку кирпич и сильно размахнулся, бросил в окно. Толстое стекло выдержало удар, только трещинки, словно паутинки, разбежались в стороны. В то же время на пульте райотдела милиции сработала сигнализация. Тревожная группа, схватив автоматы в оружейке, быстро заняла места в БТРе. Броня надёжно защищала от радиации.

Хлыщ и Лёшка в азарте не заметили, как подъехала бронированная машина и из неё выскочили три милиционера с респираторами на лицах.

— Стой... стрелять буду! — приказал молодой старшина и передёрнул затвор автомата.

«Всё, конец нашему путешествию! — промелькнуло в голове у Лёшки. — Обратно в зону?» — и, как по команде, они резко сорвались с места и побежали за угол жилого дома.

От быстрого бега у Лёшки ноги совсем отяжелели, словно к ним были привязаны пудовые гири, а сердце в груди заходило и бухало так, что он ничего не слышал, что происходит вокруг него. Он бежал бледный, широко раскрыв рот и, размахивая руками в стороны, словно хотел себе помочь. Вдруг что-то больно толкнуло его в спину, и только потом он услышал звук выстрела.

Лёшка по инерции пробежал ещё немного вперёд. Ноги надломились, и он, обмякнув телом, упал на асфальт, подогнув ноги под себя, будто продолжая свой бег. Последнее, что он увидел в затухающем сознании — оставленную на асфальте детскую куклу. Хлыща автоматная очередь остановила у самой кромки высокого кустарника. Он бежал, петляя, словно хотел запутать свои следы, сутулясь, втянув голову в острые плечи. Ещё рывок до спасительных кустов, и он скрылся бы из виду за зелёной густой листвой.

Наталья Гумерова

Я ЗНАЮ, ДОЖДЬ ПОД УТРО — НА УДАЧУ...

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Нам никак уже не встретиться —
 Столько вёсен позади...
 Жизни круг юлою вертится,
 В душу плачутся дожди.
 И печаль тревожит колкая —
 Недалече до седин...
 Вся исколота иголками,
 А виною — ты один...
 Ты, в которого так искренне
 Влюблена я до сих пор...
 Но прошу тебя — не сниться мне
 Чувствам тем наперекор...
 Ведь наивные признания
 Не вернуть из прошлых снов.
 Но за гранью понимания —
 Эта первая любовь...

* * *

Отчего кручинишься, земля?
 Отчего не рада снегопаду?
 Отдохни... Пускай твои поля
 Примут сны как добрую награду.

В сладостной дремоте дерева,
 Полон лес возвышенною грёзой...
 День придёт, и новая трава
 Поглотит предугренье слёзы...

Отоспись... Снегами подыши...
 Тишину вселенскую послушай.

Наталья Евгеньевна ГУМЕРОВА родилась 30 января 1973 года. Окончила строительный факультет Пермского государственного технического университета (1994). Работала в управлении «Подземметаллзащита». Увлекается декоративно-прикладным искусством: мастер-кукольник. Занималась в литературной студии «Тропа» при Дворце детского (юношеского) творчества города Перми. Лауреат нескольких поэтических конкурсов, в т. ч. Пермского краевого — им. А. Решетова (2011). Публиковалась в различных сборниках и альманахах, в т. ч. «Литературная Пермь». Автор поэтических сборников «Когда приходит вдохновение» (2006), «Я нарисую бесконечность» (2008), «Туда, где царствует любовь» (2016), «Улыбнись восходящему свету» (2019). Член Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России (2016). Живёт в городе Перми.

До чего ж снежинки хороши —
Чистотой вылечивают душу...

Я сама бы в эту чистоту
Прыгнула, как девочка, с разбега,
Чтоб вернули детскую мечту
Хлопья свежеснежавшего снега...

* * *

Солнце в небе народилось,
Стала ярче глубина,
Синим шёлком расстелилась
Над землёй голубизна.

Глянешь — сердце восторгается
От вселенской красоты...
И нечаянно взгрустнётся —
Крыльев нет, но есть мечты!

Те мечты влекут и манят
В высь бездонную взлететь...
Ах... Слезинка взор туманит,
Так и хочется запеть!..

ДОЖДЬ

Пускай ты холоден со мной
И плачешь одиноко...
Ты лучше, чем томный зной...
Дождинки — слезы Бога...

Я эти слезы сохраняю,
Как чистое лекарство.
Нет!.. Я погоду не виню...
Я пью земное счастье...

МАСЛЕНИЦА

Снег белёхонький и свежий,
Что кипенное бельё...
Пёс лохматый, будто леший,
Сторожит своё жильё.
Воробьи, нахохлив перья,
Жмутся в нише под окном.
Вьюга шепчется за дверью.
Спит природа сладким сном...
А в доме — тепло и сухо...

Блин пыхтит в сковороде.
 Навострил котище ухо,
 Носом тянется к еде...
 Кыш, разбойник, кыш, хитрюга,
 Ишь ты, баловень какой!..
 Слышь, посвистывает выюга?!
 Сыпет снежною мукой...
 Нынче Масленица рано,
 И тебе перепадёт...
 Будет масло да сметана,
 Да цветочный сладкий мёд...
 Напечём блинов горячих,
 Загуляем до утра...
 Пусть метелица заплачет
 От весеннего костра!..

* * *

...А небо таинственной жизнью живёт, —
 То тучи разгладит, то кудри завьёт...

Там город воздушный искрится вдали,
 Легко и послушно плывут корабли,
 И ветры разносят по белым домам
 Невидимый ворох немых телеграмм.

Там дышит листвой удивительный лес,
 Зайчишка в пуховую норку залез,
 Безмолвное стадо мечтательных лам
 Бредёт по своим неотложным делам.

Любуюсь на небо, и кажется мне,
 Что я — в разноцветном, неведомом сне...
 Что там, в этом сне, никуда не спеша,
 Гуляет моя молодая душа...

Гуляет и шепчет с большой высоты:
 Не бойся, родная, всё выдержишь ты...

* * *

Медлительная хмурая погода...
 Заплаканное утро сентября.
 Безмолвно плачет купол небосвода,
 На сердце меланхолию творя.

Раздумья стали искренней и чище,
 Прозрачней мысли, радужней мечты.
 Пусть слёзы тихо падают на крыши
 С бездонной предрассветной высоты,

Душе светло... Душа моя не плачет,
А радуется серому дождю!..
Я знаю, дождь под утро — на удачу...
И я сегодня в ногу с ним иду.

Легко вдыхаю пасмурное утро,
И листьев огневые вороха
Мечты мои укладывают мудро
В шемящую мелодию стиха...

* * *

Я разучилась улыбаться...
Не знаю, что тому виной,
Но мысли, что уже не двадцать,
Срезают крылья за спиной.
И где она... Былая лёгкость?
Девичий солнечный задор?..
В глазах проскакивает строгость,
Печаль, тревога и укор...
Укор чему? Тому, что время
Так быстротечно пронеслось?..
Что годы навязали бремя
Морщин да прядь седых волос?..
Что всё, о чём тогда мечталось,
Осталось в прошлом навсегда?
Надеюсь, это лишь усталость...
А годы?.. Годы — не беда...
Не время мне ещё сдаваться...
Сама себе скажу: «Держись!..
Учись, как в детстве, улыбаться.
Улыбка облегчает жизнь...»

ЛЮБОВЬ И МУЗЫКА

Подобна музыка любви
Любовь мелодии подобна...
Они извечно визави,
Извечно живы и свободны...

Одна не может без другой.
Любовь и музыка — всевластны.
Всесильны поселить покой
И осчастливить в день ненастный.

Способны душу беречь,
Раскрасить каждое мгновенье
И в каждом сердце пробудить
И свет, и страсть, и вдохновенье...

* * *

Художнику не надо много:
Река, трава, лазурь небес,
Вдаль уходящая дорога,
Да за холмом ветвистый лес...
Ряд покосившихся избёнок,
Церквушка на краю села,
Бегущий мимо ребятёнок,
На клевер севшая пчела...
Во всём увидит вдохновенье,
Узрит прекрасное — во всём!..
И жизни краткое мгновенье
На чистый холст перенесёт.
Чтобы потом, минуя годы,
Потомки, глядя на холсты,
Проникли в прошлое природы,
Поверив в силу красоты...
В той красоте — простой и милой,
Порой обыденной на вид, —
Скрыта истинная сила
Любую душу оживить...

Я ПОМНЮ

Я помню этот старый дом,
Большой и столько повидавший.
И сад вишнёвый за окном,
Дождём цветочным опадавший...
Скамью под кроною берёз,
Цветник душистого горошка,
Очарованье чайных роз,
Травой поросшую дорожку...
Горячей бани томный дух,
Подполья влажное дыханье,
И тишь, ласкающую слух,
В рассветной дымке утром ранним...
И посиделки на крыльце,
И игры простенькие наши,
И свет улыбки на лице
Родной, душевной бабы Саши...
И то, как в страшную грозу
От страха ёжились в прихожей,
И пятки мылили в тазу,
Чтоб смыть песок с ребячьей кожи...
Но не воротишь дни назад —
К чему наивной притворяться?..
Тот старый дом и милый сад
В моей судьбе не повторятся...

Леонид КОПКО

В ПОИСКАХ ГЕРОЯ. Рассказ**Нужен герой!**

Просто срочно нужен герой!

Но где же этого героя взять? Сосед у меня с десятого этажа, Павлик, в третьем классе учится, собак не боится. Но это разве героизм? Вот если бы он щенка от волков спас, тогда да. Но про это я ничего не слышал. На втором этаже мальчик, Руслан. Но тоже пока не герой. Потом, может быть, когда-нибудь, когда Черномор какой-нибудь во дворе нашем объявится, а он его за бороду — хватить, да по бороде его — брызнуть, да от него через двор — драть... Ну, тогда ещё может быть. А с другой стороны, если он тогда от Черномора драть, так какой же он герой? Его тогда любая Людмила хоть маленькая, хоть старенькая, в нашем дворе засмеёт! Нет, Руслан тоже не герой... Глеб ещё есть, но он пухлый как пирожок, а повесть может оказаться сказочной, да тогда его любая Баба Яга вмиг... ох, даже и думать об этом не хочу!

Кто же ещё? У внуки в третьем классе мальчишек полно. Все они ранцами дерутся, мешками со второй обувью кидаются, на улице плечами толкаются, поди пойми, кто из них настоящий герой. Герой у них, пожалуй, классный руководитель, так она женщина. Не про неё повесть. Сложно, ох как сложно стало с героями! Сейчас «герои»-то всё больше в гаджетах сидят, книжки и то лишь в пределах программы школьной читают. Где им героического-то набраться?

Хотя кто сказал, что нужен герой героический? Нужен просто хороший персонаж. И не обязательно должен он быть смелым да храбрым. Может быть, он просто хорошо учится. А может, и не очень хорошо, но в классных мероприятиях участвует, спортом занимается. Человек активный, инициативный, честный, благородный, не врёт никогда... Так, стоп, ведь это же опять героизм какой-то получается. А нам персонаж нужен, просто персонаж!

Как поступает писатель, когда рассказ какой-нибудь задумывает? Правильно, ходит, наблюдает, что-то записывает, а потом раз-два, да и придумает героя сам. Персонаж, то есть. Да и поместит его в повествование. А потом уже о другом думать начинает: как это я одного человека задумал, а он чего-то того... не совсем тот оказался.

Леонид Николаевич КОПКО родился 20 октября 1954 года в городе Оханске, ныне Пермского края. Окончил экономический факультет Пермского государственного университета (1976). Жил и работал за пределами Пермского края. Занимался профсоюзной деятельностью. Творчеством занимается с 1982 года. Детский писатель. Изданы книги: «На руинах мечты» (2001), «Как Петя Белочкин и кот Дымка Вселенную спасли» (2003), «Крах секретного плана дона М.» (2004), «Олигарх из восьмого «Б» (2006), «Золото Фазтона» (2015). Член Союза писателей России (2011). Лауреат Пермской литературной премии имени А. Ф. Мерзлякова (2015). Кавалер ордена Достоевского III степени (2014). Живёт в городе Перми.

Даже совсем не тот. Даже и писать-то о нем и не стоило, а оно вон как вышло...

Но тем не менее посмотрим, что получится у нас.

Витя и «маршал»

Ну вот видите, и имя у нашего героя-персонажа появилось. Витя, Виктор — победитель, значит. Для начала неплохо. Посмотрим, как с победами у него будет.

В июле Витя, папа и мама собрались лететь в Турцию. Далеко, конечно, но все сейчас летают в Турцию. Упаковали чемоданы, вызвали такси, и айда в аэропорт. Посидели там часов пять, рейс задерживали, зашли в самолёт, разместились в креслах, пристегнулись, конечно, и решили залечь в полётную спячку.

Так, между прочим, все пассажиры в самолётах поступают. Но не всем уснуть удаётся. Вот и Вите не удалось. Да и чего спать, когда ты впервые на самолёте летишь? А Витя уже в четвёртый класс перешёл, осенью десятилетие своё справлять будет. Первый, так сказать, юбилей. А на самолёте летел впервые. Всё интересно: и как моторы гудят, и как облака за бортом плывут, и как стюардессы напитки разносят и не проливают. И на пилотов интересно бы посмотреть, но их в кабине прячут, на ключ закрывают. Наверное, это правильно, а то каждый бы стал к пилотам подходить да кланяться «дяденька, дай порулить». И ведь нашёлся бы какой-нибудь добрый пилот, да и сказал бы «на, мальчик, порули, а я пока кофе попью», что бы тогда было? Хотя в небе сложно в аварию попасть, вон какое пространство, но иногда попадают на горизонте встречные самолёты, Витя сам один видел. Не ровён час, там тоже пилот какому-нибудь мальчику даст порулить...

Витя вздохнул — уж он-то бы правильно рулил, у него опыт есть: его папа в машине на колени садил и давал руль. Витя ни разу в кювет не заехал. Да что там говорить, Витя был прирождённый пилот, вот только пока годами не вышел.

В самолёте все спали. Вите не спалось. Он тихонько выкарабкался из своего ряда сидений и оказался в проходе. Смешные все какие! Кто журналом прикрылся, а журнал так и ходит вверх-вниз от храпа, кто соседу на плечо пристроился, кто губы трубочкой сложил и «фью-ть» да «фью-ть» выводит. Дети в основном калачиком свернулись, а маленькие у мам на руках заснули. Дядька один ноги в проход вытянул, башмаки здоровенные, как ласты. Витя попытался через них перешагнуть, но дядька вдруг сказал тихо, не открывая глаз:

- Ты, парень, зря здесь крутишься, обзор мне закрываешь.
- А вы разве за кем-то наблюдаете? — удивился тихо Витя.
- Наблюдаю, — так же тихо согласился дядька.

Странно, наблюдают обычно за шпионами, преступниками всякими. Так неужели у них в самолёте преступники летят? Вите стало немного страшно. Он вгляделся в дядьку. Тот всё так же спокойно лежал, прикрыв глаза. И руки у него лежали на коленях. И лицо не казалось напряжённым.

- Вы полицейский? — шёпотом поинтересовался Витя.
- Я — авиационный маршал.

Вот это да! Сам маршал авиации летит с ними в самолёте! Витя внимательно вгляделся в лицо загадочного пассажира: молодой, пожалуй, для маршала авиации всей страны. Витя видел по телевизору всяких генералов, маршалов, правда, ни разу «живьём», но те всё же постарше были. Да и лица у них более суровые, а у этого на лице прямо предвкушение турецкого мороженого написано было!

Витя спросил с сомнением:

— Маршал авиации всей страны?

— Во чудак человек! — дядька приоткрыл глаза. — Авиационный маршал — это тот, кто самолёты сопровождает, чтобы их преступники не угнали.

Витя удивился ещё больше: значит, всё-таки в самолёте есть преступники и этот странный маршал за ними следит!

— А что, с нами вместе летят преступники? И они хотят угнать наш самолёт?

— Пока не знаю, но ты мне явно загромождаешь видимость.

Витя давно уже хотел попасть в настоящее дело. С погонями, с перестрелками. Уж он-то бы показал этим бандитам, на что способен четвероклассник, который уже два месяца ходит в секцию ушу. Уж он-то бы им наставил подножек. Уж он-то бы прокричал им «руки вверх»! Витя нагнулся к «маршалу»:

— А можно я буду вам помогать?

Дядька широко открыл глаза и внимательно посмотрел на Витю:

— А сможешь?

Витя кивнул.

Дядька задумчиво оглядел салон самолёта. Взгляд его упал на пухлого пассажира, свесившегося с кресла в проход и чудом ещё не свалившегося в него. Вите была видна лысина этого неудобно уснувшего человека. Сзади он казался вполне мирным гражданином: на его лысине блестели капельки пота, а рука, сжимавшая во сне подлокотник кресла, была мягкой, с забавными веснушками.

— Вот этот, — указал на пассажира взглядом «маршал».

— Этот? — удивился Витя. Вряд ли во всем самолёте можно было найти более безобидного туриста.

— Этот, — подтвердил «маршал». — Он у них самый главный. А лысина у него накладная, видишь как потеет? Жарко ему в лысом парике. Оч-ч-чень опасный тип! Так что ты давай, не броди без дела, а садись на место и начинай за ним следить. А если заметишь в его действиях что-то подозрительное, сразу кричи — «ваша карта бита, ваше место в тюрьме!». А тут и я подоспею.

— А оружие у вас есть?

— А как же! Полная сумка, — и «маршал» похлопал по туго набитой мужской сумочке, что лежала у него на коленях.

Витя вернулся на своё место и принялся выполнять важное задание, полученное от авиационного маршала, благо, что подозрительный мужчина сидел наискосок от него в соседнем ряду.

Пока всё было спокойно, никто не пытался захватить самолёт. Но вот пилот объявил, что самолёт снижается, и попросил всех пристегнуть ремни. Подозрительный пассажир проснулся, потянулся и наклонился к мальчику лет пяти, что сидел с ним рядом в кресле. Тот, видимо, что-то выпрашивал у него, пассажир его увещевал, потом вздохнул, поднялся с кресла, встал на ноги и полез в багажную

нишу над головой. «Какой хитрый, — подумал Витя, — маскируется, ребёнка с собою взял. У них, видимо, в банде с малых лет к преступлениям приучают».

И тут произошло неожиданное: «подозрительный» вынул из багажной ниши спортивную сумку, расстегнул молнию, покопался внутри и вытащил из глубины... чёрный пистолет!!! Он держал его в правой руке дулом вверх и что-то ещё искал в сумке.

«Бомбу, он ищет бомбу! — догадался Витя. — Сейчас он её достанет и скамандует “всем не двигаться!”». Витя пружиной соскочил с места и закричал на весь самолёт:

— Ваша карта бита, ваше место... — тут Витя забыл, где должно быть место этого лысого преступника, но не растерялся и продолжил ещё громче: — Руки вверх, вы арестованы!

«Подозрительный» удивлённо оглянулся, словно проверяя, кому могли быть адресованы Витины слова, затем повернулся к Вите и спросил:

— Что с тобой, мальчик?

Но Витю было не провести:

— Бомба! У него в сумке бомба! — ещё громче закричал он.

— Бомба? Какая бомба? — Пассажиры испуганно начали вскакивать со своих мест. В салоне назревала паника. Из-за шторки выскочили стюардессы:

— Пожалуйста, все оставайтесь на своих местах, — призывали они пассажиров к порядку. — Никаких бомб у нас на борту нет и быть не должно! Все пассажиры проверены, весь багаж проверен! Самолёт снижается, всем необходимо пристегнуться!

«Подозрительный» в это время вытащил из сумки детскую курточку и передал жене. Его сын выхватил из рук отца чёрный пистолет, направил его на Витю и сказал «бах!». Пистолет оказался детским.

Мама пыталась усадить Витю в кресло, но он упрямо не хотел садиться: не верил, что преступник оказался ненастоящим. Бывший «подозрительный» миролюбиво успокаивал Витину маму: «Ничего особенного, приснилось что-то мальчику, бывает». Витя же всё оглядывался назад, пытаясь найти глазами «маршала». Наконец он увидел его — лицо «маршала» было красным: он буквально давился от смеха.

Такого с Витей ещё не было. Все взрослые, с которыми он имел дело на протяжении своей хотя ещё и не длинной, но вполне обстоятельной для школьника-хорошиста, начинающего спортсмена, вежливого ученика и послушного сына, жизни (ого, каким оказался наш персонаж!), были людьми серьёзными, умными, склонными подавать подрастающему поколению хорошие примеры и даже иногда поучить разной морали. Что такое мораль, Витя пока не знал, но часто про неё слышал и думал, что это какой-то предмет для взрослых, как, к примеру, основы семейной жизни, уход за новорожденным или правильная смена подгузников грудничкам. Но этот фальшивый «маршал» оказался из совсем другой, неправильной жизни, в которой могут так бессовестно посмеяться над ребёнком. Когда пассажиры выходили из самолёта, Витя услышал, как впереди идущий его обидчик говорил своему соседу, с которым сидел рядом в самолёте:

— Я ему говорю: «Пацан, не мельтеши перед глазами, мне вон тех “гёрлов” не видать!», а он всё крутится и крутится... Пришлось ему соврать, что я авиационный маршал!

Сосед расхохотался:

— Так это из-за тебя весь сыр-бор? Потеха: бомба, бомба!.. Весь самолёт всполошился. Я чуть в иллюминатор не выскочил.

Пассажиры спустились по трапу и стали грузиться в поданный аэродромный автобус. Тут «маршал» встретился глазами с Витей, улыбнулся, похлопал рукой по своей сумочке, где должен был покоиться пистолет, достал оттуда пачку сигарет, затем вытянул указательный палец в сторону мальчика и сказал «пуф!». Подул на воображаемое дуло и подмигнул Вите.

«Дурак ты, а не маршал», — подумал Витя и презрительно отвернулся.

(Придётся простить это крепкое мужское выражение нашему персонажу, ведь, согласитесь, любой бы обиделся на такой розыгрыш).

Турция встретила приезжих с турецкой гостеприимностью: пахла морским бризом, персиками, жареным попкорном, сладкой ватой, и Вите даже показалось, что вкуснейшим мороженым. Хотя, наверное, мороженое всегда вкуснейшее, это же не морковка какая-нибудь, которую нюхай не нюхай, она всё равно оранжевой останется. Было жарко. Даже очень жарко, но в здании аэропорта, наоборот, хотелось накинуть на себя куртку — так хорошо работали кондиционеры. На стенах висели рекламные плакаты на английском и турецком языках. Впрочем, были и на русском: «Лучший отдых на берегах гостеприимной Турции!», «Турция ждёт вас!» и что-то в отношении самых надёжных банков, хотя мама всегда говорила, что в банках всегда приятно получать деньги, нежели их туда класть.

Нужно было пройти паспортный и таможенный контроль, и в зале прилёта образовалась довольно большая очередь: прибыло сразу несколько бортов. В зале слышалась разнообразная речь. Витя вслушивался, но так и не мог ничего понять. Стал определять прилетевших по одежде. На одном туристе была футболка с британским флагом, но он часто говорил своей спутнице «битте», на другом — бейсболка «Я люблю Нью-Йорк», но на майке нарисована Эйфелева башня. Группа молодых девушек со светлыми волосами что-то ворковала как будто на французском языке, но на французенок мало походила, а вот высокий парень с усами из соседнего потока, вылитый д'Артаньян, вдруг громко сказал по-русски: «Ёлки-палки, тянутся как вошь на аркане!» Ничего не поймёшь, всё перемешалось в мире, и Витя оставил попытку определять прибывших по внешним признакам. А тут и их очередь подошла. Папа и мама подали свои паспорта, а у Вити своего паспорта не было, и поэтому его предъявили лично. Пограничник подозрительно оглядел Витю, будто бы это он был недоволен работой турецкой миграционной службы и сказал только что по этому поводу «ёлки-палки». Витя ему широко улыбнулся и принял самый кроткий вид. Именно с таким видом Витя обычно выпрашивал у мамы в магазине сухарики или чипсы. Пограничник нахмурился, заглянул в мамин паспорт и, словно убедившись, что Витя похож на маму, вдруг улыбнулся и сказал на чистом русском языке: «Хороший мальчик, проходите».

«Хороший мальчик» с родителями прошёл в зону таможенного контроля. Там папу и Витю заставили снять ремни, обувь, маму заставили положить на движущуюся ленту сумочку, провели через

металлоискатель, никто из них не «зазвенел», и их впустили на территорию Турции.

Территория оказалась совсем неплохой: кругом маленькие, яркие магазинчики, бары, ресторанчики, кафе. Вышли из аэровокзала и стали искать автобус с названием их отеля. Автобус нашёлся быстро, так как возле автобусов стояли представители принимающих турфирм с табличками. Когда они поднялись по ступенькам в салон автобуса, Витя был неприятно поражён: фальшивый «маршал» вместе с другом уже сидели в автобусе и о чём-то весело переговаривались. Завидев Витю, «маршал» сделал «под козырёк» и немного привстал со своего места:

— Представителям Интерпола — большой привет!

Папа и мама с удивлением посмотрели на него, потом на Витю:

— Вы разве знакомы?

На что «маршал» поспешил ответить:

— Ну как же, ведь мы всем самолётом ловили террориста!

— Ах, да, — сказала мама и улыбнулась.

— Было дело, — согласился папа и похлопал Витю по плечу.

Всей семьёй они прошли вглубь автобуса и уселись в мягкие, высокие кресла. Скоро автомобиль наполнился людьми. Представитель фирмы проверила всех по списку, и автобус тронулся в путь.

Ах эта Турция! Кто не был в Турции, не знает, чем она хороша. А если так и не побывает, то и дальше знать не будет. Да и не многое потеряет. Зато побывает в Сочи или в Крыму, а может быть, и на Байкале. Или у бабушки в деревне. Тоже неплохо.

Скажем просто — в Турции было тепло. Нет, не так — в Турции было жарко. В автобусе негромко играла спокойная музыка, видимо на турецком языке, потому что певец всё время подвывал в конце куплета, а Витя именно так себе и представлял восточную музыку — он когда-то был с родителями в Казани и слышал, как пел с минарета мулла. Все с интересом поглядывали по сторонам, а девушка, что представляла принимающую сторону, на чистом русском рассказывала об Анталии, о стране, о климате, о морях, омывающих берега Турции, но почему-то ни разу не сказала о том, как Суворов и Нахимов били не раз турецкую армию. Как какой-то там паша ответил, что «скорее луна упадёт на Землю, чем падёт Измаил». Ну и всё в этом роде. «Может быть, она не знает?» — подумал Витя. Он-то хорошо знал, читал книжки о русско-турецких войнах. От этих знаний Витя почувствовал гордость за своих великих предков и даже некоторое превосходство над турками. Как-никак, потомок победителей едет по стране!

Отель, в который они прибыли, был красив, ярок, затейлив, но почему-то носил совсем не турецкое название — «Венеция».

Их номер оказался просторным, обустроенный кондиционером, телевизором, кожаной мебелью, холодильником, картинами на стенах и лоджией с видом на море. «Нет, пожалуй, у бабушки в деревне из окна можно было бы только баню увидеть». В общем, такой роскоши Витя никогда ещё не видел. Он с удовольствием проверил мягкость кресел, яркость телевизора, прохладу холодильника, холод кондиционера и выскочил на лоджию. Да, пожалуй, здесь бы он остался жить! На него всей своей бирюзовой бескрайностью взирало Средиземное

море. И не просто море. Витя читал в книжках об отважных греках, бороздивших его обманчивую гладь, римлянах, покорявших его просторы в предвкушении новых завоеваний, троянцах, так вероломно похитивших у царя Менелая прекрасную Елену, об алжирских пиратах, наводивших ужас на береговое население. Это море присутствовало в вековых легендах средиземноморских народов. Оно само было историей этих народов. И теперь оно распростёрлось перед ним! Вите даже показалось, что он увидел вдали едва различимые очертания военных многомачтовых парусных судов.

— Ну как пейзажик? — вдруг раздалось сбоку.

Витя оглянулся в сторону говорящего.

Вот тебе и на! На соседней лоджии возлежал в шезлонге фальшивый «маршал»: лениво развалился, был уже в шортах и тёмных очках. «И когда только успел переодеться?» — пронёсся в Витиной голове вопрос: сами-то они вот только-только заселились в номер, а этот сидел хозяином, будто бы тут живёт уже целый месяц!

Витя молча отвернулся от своего обидчика.

А тот продолжал:

— Понимаешь, летать я боюсь, вот и пытаюсь шутить, чтобы страх побороть. Тебе одному говорю по секрету, никто больше об этом не знает.

«Да-да, рассказывай сказки! — подумал про себя Витя. — Нет тебе больше веры».

А «маршал» продолжал.

— Ты зря обиделся. Я даже стюардессу пытался разыграть. Сказал, что у нашего самолёта колесо деревянное. Не поверила. Сказала, что только Буратино всё кажется деревянным, потому что он сам из полена. Чувствуешь, как тонко она меня поддела? Я посмеялся. А тут полёт... Кого ещё разыграть? Вдруг ты крадёшься, как шпион какой-то, ну я и решил над тобой подшутить. По-моему, классно получилось! «Руки вверх! Ваше место в тюрьме!» Этот лысый здорово струхнул. Как ты считаешь?

Витя повернулся к «маршалу»:

— Взрослый человек так не должен поступать. Тем более этим не шутят.

«Маршал» примирительно протянул:

— Да ладно, не обижайся... Каждый взрослый в душе ребёнок. Ну пошутил маленько. Нам с тобой ссориться не резон, как-никак соседи. — «Маршал» показал рукой, что их лоджии разделяет невысокая стенка. — Меня Игорёхой зовут. Можно Гоша, можно Игорь. А тебя как кличут?

Ох, не хотел Витя знакомиться с этим типом, но ведь и вправду соседи. Куда теперь деваться?

— Витя, — просто ответил он.

— О-о-о, Виктор! Победитель, значит?.. Я тебя буду просто звать Вик! Не возражаешь?

Витя пожал плечами. Ему было всё равно, тем более встречаться с этим Гошей-галошей ему больше не хотелось вовсе.

Тут из глубины комнаты его позвала мама:

— Витя, ты где?

Витя повернулся и, не говоря ни слова, скрылся в глубине своего номера.

(Да, странный у нас какой-то сюжет получается. Как они рядом-то в номерах оказались? Ну эти, герои нашего повествования. Что-то здесь не просто, придётся к ним приглядеться повнимательней.)

А Гоша, он же Игорь, после ухода Вити остался сидеть в своём полосатом шезлонге и потягивать из стаканчика «Кока-колу». «Забавный пацан, — подумал он. — Всё за чистую монету принимает. Наверное, отличник... Прикольно».

(Всё-таки странный этот ненастоящий маршал, даже подозрительный какой-то. Вы не находите?)

А Витя с родителями уже был на пляже. Витя на море раньше успел побывать. На Чёрном. Средиземное ему показалось более солёным. Вот посмотрите: на Чёрном он ложился на спину и, чтобы не утонуть, слегка подгребал под себя руками. А сейчас он просто лежал на воде раскинув руки, и вода его отлично держала сама. Папа сказал, что это от повышенной плотности соли. Да и на вкус вода здесь была более горькая, тоже от того, наверное, что соли здесь было прилично. Откуда соль берётся в морях, для Вити было загадкой, да и папа объяснил как-то непонятно. Сам точно не знал, так и сказал: «Надо, Витя, посмотреть в энциклопедии поточнее».

Вите было известно, что папа его человек серьёзный и не будет говорить того, в чём не был уверен до конца. Витя очень хотел походить на папу, быть таким же немногословным и обстоятельным. Кто такой «обстоятельный человек», Вите пока было неизвестно, но мама часто говорила про папу: «Наш папа человек обстоятельный!» И Витя верил ей на слово.

Витя с удовольствием сплавал туда и обратно, потом снова туда, потом снова обратно, потом ещё два раза туда и обратно, а потом почувствовал, что устал, выбежал на берег и шлёпнулся на горячий песок. «Красота!» — подумал он и закрыл глаза.

Солнце тут же принялось кусать его своими горячими лучами за лоб, за нос, за уши. Витя явственно ощущал сквозь опущенные веки его яркое присутствие. Где-то далеко играла музыка, изредка покрикивали чайки. И слева, и справа слышались негромкие голоса. От моря доносился шелест волн, гомон детворы. Витя ощущал себя вполне счастливым человеком. Даже слишком счастливым, ведь кроме того, что он сейчас нежилась в Турции, на песочке, он ещё и третий класс закончил лишь с двумя четвёрками, а остальные-то пятерочки были! И Витя очень гордился этим. Как-никак, он хотел стать человеком обстоятельным, а это уж точно не троечник какой-нибудь!

Приятные Витины мысли были прерваны звуком плюхнувшегося рядом с ним тела. Он повернул голову и увидел рядом с собой...

(Ну, читатель, напрягись для удивления!..)

Нет, не «маршала», а просто какого-то толстого дядьку. Тот распластался на горячем песочке и, как показалось Вите, даже похрюкивал от удовольствия.

— Не, у нас в Воркуте такого моря нет! — заявил он, глядя на удивлённое лицо мальчика. — Да и песка такого нет...

Тут он поднял голову вверх, обвёл взглядом пляж, и с сожалением добавил:

— Ни фига у нас такого нет! Да...

Отвернулся от Вити и затих, широко раскинув руки.

Витя тоже обвёл взглядом пляж. У них в Перми такого пляжа тоже нет. Но есть другой. И река Кама довольно широкая, найдётся где поплавать. Так что турецкий пляж ему не очень-то и нужен был. А у дядьки этого, видно, в его Воркуте, и Камы нет, и пляжа, вот он и переживает сильно. Вите стало жалко дядьку.

— А Вы, дяденька, сфотографируйте всё это и домой с собой фотографии возьмите.

Мужчина повернулся к Вите:

— Умный, да? Вот она, молодёжь нынешняя, всё ёрничаете, смешки над старшими строите. Как я всё это домой привезу, когда я официально в командировке в Хабаровске нахожусь? Откуда там пальмы?

Да-а-а, не поймёшь этих взрослых: то надо им всё это, то не надо... Витя решил оставить незнакомца в покое, вскочил на ноги и пошёл по песочку к родителям.

Мама натирала папу кремом от солнечных ожогов и приговаривала:

— Надо, надо тебя кремом намазать, а то будет как тогда, в Геленджике: все загорают, а ты в футболке сидишь.

Папа с ней не спорил, стоически переносил процедуру натирания и молчал. Не хотел снова в футболке загорать. Вот так, наверное, и ведут себя все обстоятельные люди.

Хороший выдался первый день в Турции: никто не сгорел на солнце, никто ничего не забыл на пляже, даже дядька, который одновременно оказался и в Хабаровске, и в Турции, проходя мимо Витиной семьи довольно пропел: «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!»

— Почему Болгария? — удивился Витя. — Мы же в Турции?

На что мама ответила:

— Песня такая, старая, была. После войны...

— С болгарями? — ещё пуше удивился Витя.

Тут уже и папа хмыкнул:

— Да, и болгарам досталось. С фашистами они были заодно в Великую Отечественную войну. Правда, потом одумались вовремя. А то, что Россия лучше всех, это и папуасу понятно.

Витя в силу своего возраста ещё не встречался в жизни со словом «папуас», и поэтому подумал, что папуас — это папа ас, то есть ловкий и отчаянный папа. Он посмотрел на своего отца со стороны: «Нет, мой, пожалуй, не ас, а обстоятельный».

С этим они и вернулись в свой номер.

Заморские штучки

Благополучно Витя, папа и мама прожили в Турции половину срока их заграничного отдыха. Хорошо прожили, весело, с купанием, мороженым, экскурсиями. Видели крабов, цикаду, богомола, набрали на морском дне ракушек всяких, камушков цветных. В общем, всё было здорово.

Как-то уже перед окончанием их праздного времяпрепровождения и когда уже впереди явственно маячила дата возвращения

домой, они оказались на набережной, как всегда многолюдной и разноязычной, но в самом дальнем её уголке, куда раньше не забирались. Витя шёл рядом с папой солидно, не забегал вперёд и не плёлся сзади, как это иногда делают дети, с интересом разглядывая новое место. Мама, как любая впечатлительная женщина, восхищалась бескрайним морем, синевшим слева от них.

— Какой простор! Не представляю, как моряки отваживались пускаться в такую неизвестность? Как только вспомню «Девятый вал» Айвазовского, так прямо ужас охватывает!

— Это море! А в океане? — поддержал её папа. — Но не было бы этих отчаянных, так и Америку бы никто не открыл. А кстати, вот и к слову пришлось, смотрите — «Открой для себя Турцию».

— Где? — в один голос спросили Витя и мама.

Папа указал рукой на яркую вывеску, что светилась метрах в пятидесяти по курсу их движения.

Вывеска венчала большие ворота, напоминавшие ворота древних крепостей: крепкие широкие доски, окованные железными полосами в виде решётки, в центре ячеек которой клыками шетинились острые шишаки. На каждой из створок ворот было прибито по круглому зелёному шиту, обрамлённому затейливым восточным орнаментом. В довершение ко всему по краям ворот стояла пара усарых янычар весьма грозного вида.

— Вот заграница! — восхитился папа. — Из всего могут спектакль сделать! Пойдёмте-ка посмотрим, что это за представление.

По мере их приближения к воротам лица янычар становились всё более жёсткими. Когда семья подошла ближе, они уже выражали такую ярость, что мама инстинктивно ухватилась за папину руку, а другой рукой прижала к себе Витю. Все трое замерли в недоумении.

— Ничего себе, представление! — услышали они голос сзади. — Так они всех туристов распугают!

Папа, мама, Витя, как по команде, обернулись.

Перед ними стоял и белозубо улыбался фальшивый «маршал».

— Да эти турки большие шутники, — весьма спокойно продолжил он. — Я десять лет назад переезжал с экскурсией из Болгарии в Турцию, так они наш автобус три часа продержали в отстойнике. А главный у них пограничник, ну вылитый был Карабас-Барабас! Смотрите, даже по-русски не поленились написать. — И он кивнул головой в сторону яркой вывески.

И тут произошло невероятное: лица янычар вдруг расплылись в улыбке, а сами они, ухватившись за металлические скобы, широко распахнули массивные створки дверей навстречу ошеломлённой публике.

Маме совсем не хотелось заходить в ворота. Даже поменявшиеся лица янычар её не успокоили. «Какие лицедеи!» — только и сказала она.

— Ну чего ты испугалась? — попытался успокоить её папа. — Посмотри, у них и ятаганы-то ненастоящие. Деревянные, скорее всего.

Он покосился на кривые мечи стражников. Они, как назло, отливали на солнце зеркалом дамасской стали.

— Или из нержавеющей стали... — неуверенно добавил он.

«Маршал» с ним не согласился:

— Нет, похоже, настоящие. Из музея, наверное. Да! — вдруг воскликнул он. — Это же и есть музей! Вот и звучит так — «Открой

для себя Турцию!» Значит, узнай её историю в прошлом и настоящем! Так все турфирмы пишут в своих рекламных проспектах.

Всем сразу стало легче: что мы музей не видали, что ли? Да динозавры нас не напугали, мамонты там всякие, а в Турции какие динозавры? Только джинны, возможно. Так это же сказка — «Старик Хоттабыч!» Так и она весёлая!

И уже с лёгким сердцем их нечаянная компания дружно двинулась внутрь музея.

Музейная «внутрь» оказалась не менее экзотической, чем ворота и двуличные стражники-янычары. Огромная базарная площадь: старики в полосатых халатах, сидящие под сенью раскидистых персиковых деревьев и не спеша пьющие чай из расписных пиал, ревушие верблюды, едва удерживаемые погонщиками, купцы в ярких восточных одеждах, восседающие на рулонах ковров и тканей, торговцы, предлагающие покупателям из раскрытых мешков пряности: в воздухе стоял терпкий запах зиры, барбариса, тимьяна, розмарина и чёрт знает ещё чего. Между рядов ходили живописные личности в высоких шапках, как у дервишей. На согнутых в локтях руках у них висели бусы, четки, цепочки из серебра. Среди покупателей преобладали женщины. Лица их были скрыты под прозрачными чёрными накидками. Поражало большое количество военных: в красных фесках, видимо офицеров, судя по золотому шитью на мундирах, и простых солдат — за их плечами шетинились ружья. Сквозь толпу народа то там, то здесь пытались пробиться смешные наездники на ослах. Ну разве не потеха, когда на маленьком животном пытаются ехать толстенные всадники, а ноги их едва не касаются земли?! Всадники взнуздывали своих «коней» шлепками, на что ишаки непременно отвечали зычным «и-а-а!» Кроме наездника, ослы везли на себе ещё и объёмные полосатые мешки, перекинутаые с обоих боков!

— Как только не жаль животных! — воскликнула возмущённая мама.

— Для восточных стран это в порядке вещей, — объяснил папа. — Тем более средневековых...

Витя чуть не подпрыгнул на месте:

— А мы разве в средневековые попали? Вот это кино!

Тут проявился и «маршал»:

— Для кино, пожалуй, слишком много статистов и богатых декораций.

Папа решил внести ясность в ситуацию:

— Если это музей, то здесь должны быть всякие декорации. Я не исключаю и какого-либо представления, вон как много здесь артистов и какие богатые у них костюмы! Сейчас мы, скорее всего, в Турции XVII–XVIII веков. Но такой огромный зал, целая торговая площадь... Не многовато ли для музея? Всё это выливается в огромные затраты. Так ведь, маршал?

— Так и я о том же, — подхватил «маршал». — Хотя, что говорить, Турция богатая страна, чего бы ей и не удивить русских туристов? Да, и не зовите меня «маршал». Это была шутка. Для всех я просто Гоша.

— Он же Гога, он же Жора, он же Юрий Иванович? — улыбнулась мама.

— Да, можно и так. Как в фильме «Москва слезам не верит». Только Магомедом не называйте — он в Турции святой, а вот я вряд ли.

Туристы с интересом разглядывали окружающую их жизнь. Казалось, никому не было никакого дела до четвёрки озирающихся людей. Никто не подходил к ним, никто ими не интересовался.

— В музеях, вообще-то, полагается покупать билеты, а тут ни кассы, ни административной зоны. Или я чего-то не вижу?

Все дружно начали крутить головами в поисках признаков того, о чём говорил папа.

— Странно, но и ворота, в которые мы вошли, тоже исчезли. Ничего не понимаю, что это за музей? Надо спросить военных, которые ходят здесь с ружьями. Может быть, это и есть охрана музея?

С этими словами папа двинулся к ближайшему от них патрулю.

— Скажите, любезный, где мы могли бы оплатить за посещение музея?

Патруль состоял, как и обычно, из троих военных: офицера и двух солдат. Они были одеты в соответствующую эпохе форму. И ружья у солдат были, похоже, что кремниевые. И сабля, судя по её богатой инкрустации, у офицера была старинная, дорогая. Такую не в каждом европейском музее можно увидеть. Но самыми удивительными у троих были лица — свирепые.

«Да что же они тут все такие сердитые? — подумал Витя. — И стражники, и эти военные. Поругались они тут все, что ли?»

Офицер с интересом уставился на папу. Усы его грозно топорщились. Папа попытался объяснить с военными по-английски. Затем по-немецки, но офицер его явно не понимал. Затем он вдруг ткнул папу пальцем в грудь и что-то прорычал. Теперь уже папа удивлённо уставился на офицера. Тот повторил свой вопрос. Гоша решил папе подсказать:

— По-моему, он спрашивает, кто мы такие.

Он встал рядом с папой и громко, почти по слогам, произнёс:

— М ы — р у с с к и е !

— Урус! — возопил турок. — Урус!

Лицо его стало почти багровым. Мама с Витей даже отшатнулись от него. Офицер что-то коротко скомандовал солдатам, те сорвали с плеч ружья и наставили их на русских туристов.

— Что-то здесь не так, — тихо сказал папа. — Мало это похоже на музей. Какой-то розыгрыш. Нет ли здесь скрытой камеры? А то прославимся на всю Турцию!

Подвинувшись ещё ближе к турецкому офицеру, он, глядя прямо ему в глаза, произнёс миролюбиво:

— Ну ладно, господин артист, пошутили и хватит. Мы русские туристы, отдыхаем в отеле «Венеция». Где здесь ваш главный менеджер?

Но глаза офицера уже наливались кровью:

— Венеция? Урус? Шайтан!!!

Тут офицер отдал солдатам команду, те зашли за спину незадачливым русским туристам и, больно пихая их ружьями, принялись толкать вперёд. «Урус, шайтан, у-у-у!» — неустанно приговаривали они при этом.

— Не сопротивляйтесь, — попытался успокоить всех папа. — Явный розыгрыш. Ладно, подыграем им. Интересно, куда они нас приведут?

(Ну как поворот событий, дорогой читатель? Признаться, и сам автор в недоумении, куда это его занесло в поисках героя.

Ну что же, надо что-то делать, ведь не бросать же своих персонажей на произвол судьбы! Двигаемся дальше.)

Русских туристов под ружьём провели через весь базар, при этом многие торговцы злобно шипели на них, слышав от конвоирующих солдат «Урус, шайтан!».

Каменный дом в два этажа, на втором виднелись зарешеченные окна, встретил их прохладой и неприятным запахом пота, прогорклого масла и чего-то ещё, заставляющего поморщиться. Всех интересовало, что это за здание. Для администрации музея — слишком грязно и не обихожено. Для торговой лавки — так только для такой, где бы торговали конским навозом (вот от чего хотелось поморщиться!). Всех четверых посадили на длинную лавку, вытертую до глянца множеством ранее сидевших здесь людей.

— Почему-то здесь не любят русских, — констатировал Гоша.

— Особенно, наверное, маршалов, — попытался пошутить папа.

Офицер прямо подскочил на месте.

— Маршал, урус маршал? — Он выхватил из ножен саблю и замахнулся на Гошу. Гоша отклонился в сторону.

— Но-но, — недовольно протянул он. — Обойдёмся без холодного оружия. Да и бить туристов не полагается. Даже такому турку, как ты.

Бусурманин что-то пролопотал по-турецки и, оставив туристов на попечение солдат, скрылся в соседнем помещении. Гоша обратился к одному из охранников, жестом давая понять, что его интересует вопрос, куда их привели.

— Зиндан, — коротко бросил тот и перебросил ружьё из одной руки в другую.

— Ничего себе, — присвистнул Гоша. — Вот тебе и экскурсия! Мы в тюрьме. Никогда бы не подумал, что могу оказаться в тюрьме. Тем более в турецкой. Но ведь всегда считалось что зиндан — это яма в земле?

Папа с ним не согласился:

— По-турецки «зиндан» — это тюрьма, а в земле она или над землёй — она всё равно останется тюрьмой.

— Тюрьма в музее! Очень интересно! Интерактивная игра, такое и у нас в городе практикуется. Все сейчас стремятся внести что-нибудь новенькое!

Мама явно была настроена положительно: будет что рассказать подругам по возвращении домой, ведь не каждому туристу удаётся побывать в таких экзотических местах.

— А не переигрывают они? — с сомнением протянул папа. — В спину ружьями толкали довольно ощутимо.

Он передёрнул плечами, давая понять, что его спина всё ещё помнит прикосновение турецкой винтовки.

Гоша тоже не выражал восторга по поводу этой новой интерактивной игры, в которую они попали.

Только Витя с интересом разглядывал стены, пол, солдат, ружья. Он жевал жевательную резинку и крутил головой направо и налево.

— Всё как настоящее, — констатировал он. — Я такую форму у турецких солдат видел на картинках в книге «Рассказы о Суворове».

Папа тоже оглянулся вокруг.

— Да, — сказал он, — очень достоверно... Что ты жуёшь, Витя?

— Резинку, — коротко ответил сын.

— Из жевательной резинки, килограммов из пяти, можно выплюнуть ботинки для последнего пути, — грустно резюмировал «маршал» Гоша.

— Непонятный у вас пессимизм, мужчины! — укорила мама папу и «маршала». — Берите пример с Вити: сидит человек, спокойно жуёт резинку, не ноет — «куда мы попали, да зачем мы попали...». Что может быть плохого в цивилизованной стране? Турция — одна из ведущих держав Ближнего Востока. У неё, если хотите знать, вторая по численности армия в НАТО. Сидите спокойно и ждите начала представления.

Мужчинам стало стыдно, а Витя, наоборот, взбодрился от мамин похвалы. Но резинку жевательную изо рта достал и приклеил её за ухо, как это делают иногда подростки. (Зачем — это загадка для взрослых: этой резинки в любой торговой палатке завались, а они, вон чего, экономят...)

Папа с Гошей стали усиленно шутить, придумывать, кого и как будут допрашивать. Сошлись на том, что папе будут шекотать пятки, пока он не выдаст военную тайну, а Гошу поить через воронку шампанским и требовать принять ислам. В их фантазиях Витю, видимо, должны были насильно кормить рахат-лукумом и заставлять написать письмо директору школы на турецком языке, а маму — отречься от российского паспорта или танцевать день и ночь восточные танцы во дворце султана. Но только утих их беззаботный смех, как из помещения, куда скрылся офицер, этот офицер появился в сопровождении невзрачного человека неопределённого возраста, одетого в гражданскую одежду и увенчанного не первой свежести чалмой.

— Руссы? — спросил человек.

— Да, да, русские туристы, — закивали все головами. — Мы отдыхаем в отеле «Венеция», сюда пришли на экскурсию. Посмотреть на Турцию в прошлом и настоящем.

Последнее обстоятельно доложил уже папа.

— Руссы это плёхо, — на ломанном русском заговорил турок. — Я — толмач. Султан ведёт война с Россией. Это, — турок обвёл вокруг себя рукой, — Измаил. Руссы ведут осада. Суворов. Пух-пух! Вы у султан в плену. Как вы здесь оказались? Как перешли крепостной стена? Вы — шпионы?

Вот те на! Толмач, переводчик, значит, смотрел на туристов спокойно, без угрозы, чего нельзя было сказать про офицера. Но к нему уже все привыкли, к морде противной. Но ВОЙНА? ИЗМАИЛ? СУВОРОВ?

— Полноте, господа артисты, достаточно! Шутка затянулась. Мы готовы заплатить за аттракцион, и покажите нам выход из этого музея.

Всё это папа сказал спокойно, даже с каким-то достоинством. Но никакого впечатления его слова на турок не произвели. Наоборот, офицер указал рукой на Гошу и прорычал что-то по-турецки. Переводчик дал пояснение:

— Да-да, за вас должны будут заплатить выкуп ваши родные. Но после снятия осады. А пока — тюрьма.

Тут толмач топнул ногой, показывая, что там, где они стоят, и есть тюрьма.

— А маршал пойдёт со мной к коменданту Измаил.

Солдаты тут же скрутили Гошу и поволокли следом за удаляющимся переводчиком. Гоша сопротивлялся, извивался, но после того как получил пару хороших тумаков, смирился и поплёлся за переводчиком. Папу, Витю и маму повели в противоположную сторону, по каменной лестнице заставили подняться на второй этаж, и втолкнули в тюремную камеру.

Тяжёлая дверь за ними гулко захлопнулась.

Измаил

Если читатель спросит автора о том, что происходит, то не получит сколько-нибудь внятного ответа. Автор и сам находится в растерянности. При чём здесь Измаил? При чём здесь Суворов? Какой султан в современной Турции, когда правит страной Раджеп Эрдоган? И вообще, есть впечатление, что всё выходит из-под контроля автора. Но, как говорится, поживём — увидим.

Тюремная камера — большая полутёмная комната. Под потолком небольшое зарешеченное окно. В углу — куча соломы, на ней уже лежали два человека. У одного из них голова была наспех забинтована когда-то белой тряпкой, на которой расплылось кровавое пятно. У второго левая рука висела на перевязи. Но во что они были одеты! Витя не поверил своим глазам. Он видел эти мундиры российской армии зелёного цвета с красными обшлагами и медными пуговицами на картинках о русско-турецких войнах да ещё в фильмах времен царствования Екатерины Второй. На ногах белые высокие сапоги из непонятной материи с рядом пуговиц вдоль голени. Через плечо — широкий ремень, на котором покоилась сумка для пуль и пороха. Сейчас они, конечно же, были пусты. Всё в точности с ушедшей эпохой. Тот, что имел руку на перевязи, обречённо жевал сухарь, раненый в голову лежал на соломе и негромко стонал. На вошедших они не обратили никакого внимания.

Папа, мама и Витя огляделись вокруг себя: сесть некуда. Лечь, кроме как на солому, тоже. Пришлось присесть на солому. Раненый в руку наконец повернул к ним голову:

— Мучается, — кивнул он головой на лежащего сослуживца. — Янычар, супостат, хватил палашом. В засаду мы попали. Его превосходительство языка велели пленить и в лагерь доставить, а оно вона как худо вышло.

Солдат со вздохом махнул рукою с сухарём:

— Третий день туто-ка пленёнными сидим. Голодом морит нас турок, ладно хоть воды даёт чуток. Вот сухарики-то свои, слава тебе Господи, и доедаем, а то бы уж и померли... У вас, Ваше благородие, поисти нечего? — с надеждой обратился солдат к папе. — Уж извольте не гневаться, с голодухи и стыда не имешь...

Видно, что солдату и вправду было неловко от своей просьбы, деревенская его натура не терпела нахальства, была кротка и терпелива. На груди у солдата сквозь разорванный ворот рубахи виднелся простенький медный крестик. Папа достал из нагрудного кармана своей летней рубашки упаковку «Чоко-Пая»:

— Возьми, родной, — и, обернувшись к маме, сказал, извиня-

ясь: — В обед прихватил в ресторане, думал — вдруг пригодится. Вот и пригодился.

— Спасибо, барин.

Солдат не знал, что делать с обёрткой. Попытался откусить печенье вместе с ней.

— Что это за диковинное чудо, на зуб не имеется?

Папа взял у него печенье из рук:

— Никакой я не барин. А это делается так, — он сдернул с печенья обёртку и протянул обвалынное в шоколаде лакомство солдату. — Ешь.

Солдат с сомнением взял заскорузлой рукой лакомство. Осмотрел его и осторожно надкусил. Лицо его выразило недоумение. Он посмотрел на папу и вдруг, словно боясь что у него отберут вкуснятину, запихнул весь «Чок-Пай» в рот. Прожевав еду, он облилизал свои не очень-то чистые пальцы и произнёс тихо:

— Вот, значит, барин, что вы изволите кушать... Шибко хороша еда-то господская. — Он молча прожевал остатки лакомства. — Сами-то издалёку ли будете? Вон одёжа-то на вас как диковинная. Никогда такой не видал. Не пруссаки, чай?

Мама и папа переглянулись: спектакль продолжается? Ладно, подыграем.

— Мы, служивый, русские. Из Перми. С Урала.

Солдат вновь принялся за сухарь. Молчал долго. Потом сказал:

— Ни Перми не знаю, ни Урала никакого. Рязань знаю, о Сибири слыхивал. Наша она, Ермак Тимофеевич ещё при царе Иване её воевал. А далеко он, Урал-то ваш?

— Так чуть ближе Сибири. А сам-то ты какого полка-воинства будешь?

Солдат насторожился: не тайну ли военную хотят выведать у него незнакомцы? Может, продались неприятелю за пряник-то медовый, что он сейчас смолотил? На всякий случай ответил:

— Турка бить мы сюда пришли. Граф Потёмкин да другие славные генералы, волею царицы нашей Екатерины. Больше года уж стоим, одолеть никак не можем. Да слава господу, Суворов-батюшка прибыл, сейчас зададим жару бусурманам. Дожить бы только...

Солдат вздохнул, поправил на раненом товарище повязку — «потерпи, родной», и надолго замолк.

Молчали и папа с мамой. Витя от нечего делать разглаживал на колене обёртку от «Чоко-Пая». Заскрежетала открываемая дверь. На пороге показался толстый турок, одетый в белые одежды, в сопровождении уже знакомого толмача. На чалме турка сияла брошь из драгоценного камня, на перевязи висела богато инкрустированная кривая сабля. Толмач оказывал вновь пришедшему всяческое внимание и уважение. Толстяк важно протиснулся в камеру... и замер в недоумении.

— Ярлык! — наконец выговорил он. — Ярлык! — повторил он и указал пальцем на обёртку в руках у Вити. Толмач почтительно склонился перед толстяком в поклоне. Тот что-то сердито говорил ему на ухо и всё поглядывал на Витины руки. Наконец, переводчик выпрямился и сказал укоризненно папе:

— Почему не сказал, что ты посланник? Юсуф-бей сожалеет, что вы попали в зиндан. Юсуф-бей приглашает вас в свои покои.

Юсуф-бей оказался начальником тюрьмы. Папу, маму и Витю провели в большую комнату, устланную коврами, усадили на самый красивый ковёр и предложили зелёный чай.

Слуга внёс кальян. Юсуф-бей предложил папе присоединиться к действию, но тот вежливо отказался. Толмач перевёл слова начальника:

— Сейчас за вами придут и отвезут во дворец сераскера Айдозле-Мехмет-паши, правителя Измаила. А пока угощайтесь тем, что есть на столе.

А на столе уже стояли вазы с восточными лакомствами: персики, дыня, сушёные фрукты. Возвышались горы сладкого лукума, медового чак-чака. Но гости не притронулись ни к одному из лакомств. Все были напряжены и ожидали продолжения...

Но продолжения чего же ждали наши гости? Всё так походило на правду, что и Витя, и родители начали свыкаться с мыслью реальности происходящего. А раз всё это уже реальность, так чего же ждать от этих непредсказуемых турков?

— Папа, что такое ярлык? — тихонько спросил Витя.

— Это такая грамота татарская, которая давала право на правление московским князьям во времена Золотой Орды. Видно, и у турков она идёт за какую-то важную бумагу.

Не прошло и получаса, как за окнами послышался цокот копыт. В комнату вошли вооружённые воины. Они поклонились Юсуф-бею, с почтением одарили полупоклоном Витю и родителей.

— Я передаю вас личной охране сераскера, правителя Измаила. Велик Аллах! — Юсуф-бей приложил обе руки к сердцу и, прощаясь, вежливо поклонился семье.

На улице туристов ждали слуги с тремя носилками. Мама пыталась протестовать, но папа остановил её. Со словами «не стоит обижать хозяев», первым взгромоздился на плоскую подушку носилок.

Слуги подняли все трое носилок и, слегка покачиваясь при ходьбе, понесли русских туристов по запруженной народом улице. Сейчас никто уже не шипел на них и не говорил вслед «шайтан». Наоборот, все почтительно расступались и кланялись в пояс. Папа вошёл в роль: сидел прямо, скрестив руки на груди, и важно смотрел вдаль. Мама, наоборот, застенчиво улыбалась и слегка кивала кланяющимся людям. А Витя не знал, как себя вести: опустил голову, смотрел на свои колени. А колени, надо сказать честно, затекли уже через пять минут (сидели-то по-турецки!).

Процессия двигалась медленно и довольно долго: солнце готовилось уже вот-вот закатиться, и обещал настать тёмный южный вечер, вполне похожий на ночь.

Дворец правителя Измаила впечатлял. Впрочем, именно так и представлял Витя дворцы восточных падишахов: в белом камне, с арками, с восточным орнаментом лепнины на фасаде. По аллеям, как и положено, ходили павлины. Тенистые аллеи, беседки в лёгких прозрачных занавесках. Сераскер Айдозле-Мехмет-паша встретил русских туристов восседаая на высоких, разноцветных шёлковых подушках. Он был не стар, но и не молод. Взгляд его был твёрд, руки перебирали коралловые чётки. Увидев вошедших в зал путников, он почтительно кивнул им и указал рукою на разостланный ковёр, на котором уже ждал гостей небольшой столик и, по устоявшемуся восточному гостеприимству, — пиалы для чая.

— Мне сказали, что вы являетесь посланниками неведомой нам страны, — начал переводить слова правителя толмач. — Покажите свой ярлык и расскажите, зачем вы прибыли в Измаил в столь трудный для него час?

Папа взял из рук Вити обёртку от «Чоко-Пая» и важно протянул Мехмет-паше. Тот бережно принял «документ» и стал разглядывать его со всех сторон.

— Впервые вижу такую бумагу, — перевёл толмач. — Из чистого серебра. — Мехмет-бей внимательно рассмотрел изнанку обёртки. — Золотом написаны слова. А что означает этот плоский коричневый круг, от которого будто бы откусили изрядный кусок?

Папа слегка напрягся, но тут же стал довольно уверенно описывать значение их «верительной грамоты»:

— Позвольте вам пояснить, достопочтимый сераскер. Плоский коричневый круг не что иное, как наша Земля, ведь доподлинно известно, что она плоская...

— Да? — повёл головой правитель. — Плоская и стоит на трёх слонах?

— Конечно, — заверил его папа. — А слоны на огромной черепахе.

— Да, на огромной черепахе... — задумчиво протянул Мехмет-паша. — Ну что же, продолжай дальше свой интересный рассказ. Что означает кусок, что откусили от целого?

— О, здесь кроется глубокий смысл, достопочтимый паша. Этот кусок говорит о том, что надо беречь свою землю, иначе враги могут отторгнуть от неё часть территории. Надо всегда быть начеку.

Мехмет-паша согласно кивнул головой:

— Это абсолютно справедливо! Даже очень справедливо! Руссы пришли на наши земли воевать их. Они хотят откусить жирный кусок от пирога нашего султана, да продлятся дни его! Но это им не удастся. Им не взять Измаил! Посмотрите, какое послание прислал мне вновь прибывший их генерал Суворов: «Я с войском сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — воля. Первый мой выстрел — уже неволя. Штурм — смерть! Потёмкин не смог взять Измаил, а этот выскочка смеет ставить мне такой ультиматум! За мной султан, со мной брат Крымского хана Каплан Гирей, потомок рода Чингисхана! Я ответил этому неверному: «Скорее Дунай потечёт вспять и небо упадёт на землю, чем сдастся Измаил!»

Правитель вскочил с подушек и яростно погрозил кулаком в сторону, где, видимо, были русские войска. Он отдёрнул занавеску на стене, и взору присутствующих открылась большая карта.

— Вот, видите карту укрепления Измаила?! На всех стенах установлено по полсотни пушек, у пушек — самые опытные пушкарки и по сотне солдат на обслуживании. Стены города очень толстые, под каждой башней — пороховые склады. Гарнизон — 15 тысяч отборных воинов, более 20 тысяч ополчения. Два года пытаются руссы овладеть городом, но всё бесполезно. Султан велел казнить каждого труса из моего гарнизона, где бы он не был найден, в случае сдачи Измаила! Никто не посмеет послушаться своего султана. Никогда не бывать тому, чтобы Измаил пал. Но продолжай, чужестранец. Только почему же ты говоришь на языке русских? И представился руссом?

Папа замялся: он мог бы что-нибудь сказать по-английски, французски или немецки, но как знать в каких отношениях сегодня Турция с этими странами? Не попасть бы впросак. Поэтому он ответил так:

— Измаил окружён русскими войсками, приходится быть осторожным. А турецкого мы не знаем. Наш родной язык — пи. Пия пишёл писюпида пигопивописать с питопибой пипапиша.

У Вити глаза чуть не вылезли из орбит, а мама едва сдерживала смех: на глазах её появились слёзы, и, чтобы не расхохотаться, она решила закашляться. Папа подхватил супругу. Мама, вытащив носовой платок из заднего кармана, стала вытирать им глаза, лицо. Зачем-то подняла платок и посмотрела на него, словно хотела через ситец платка разглядеть правителя.

— Что это с женщиной? — насторожился паша.

— Давно не слышала родной язык, до слёз растрогалась.

— Понятно, — кивнул головой правитель. — Любит свою страну.

Откуда было знать паше выдуманный школьниками 1960-х годов смешной язык «пи», которым они пользовались, чтобы учителя не могли их понять: знай вставляй «пи» перед каждым слогом и никто тебя не поймёт! Мама, конечно же, знала этот прикол и едва не подвела папу. Она спрятала платок назад в карман, прокашлялась и приняла снова соответствующий моменту величавый вид.

— Да, велик мир поднебесный, много стран на Земле. Говорят, что где-то есть очень маленькие люди — пигмеи, а где-то живут великаны. Кстати, в вашем посольстве был и русский маршал. Это правда?

Папа и мама переглянулись: говорить правду или придумать какую-нибудь новую сказку? Что с ним? Нельзя бросать товарища в беде, поэтому, конечно же, надо говорить правду. Но правду им говорить не пришлось. Как и неправду. Дверь распахнулась, и в зал вошёл... татарский хан во всей ханской красе: яркий зелёный халат, белейшая чалма с пером, красные сафьяновые сапоги с загнутыми носами, за широким поясом покоились кинжал и кремневый пистолет, на перевязи висела кривая татарская сабля в серебряных ножнах — ГОША!

Хан-«маршал»-Гоша, он же Гога, ну и так далее, поклонился правителю и приветливо кивнул растерявшейся семье.

— Ты пошёл служить туркам? — недоумённо спросила мама.

— А что здесь особенного? — спросил бывший «маршал». — Вся эта катавасия уж больно похожа на правду. Тем более, они уверены в том, что я русский маршал, и пригрозили: или я иду служить к ним, или они меня привязывают к пушке и... фьють! Как барона Мюнхгаузена! Пришлось выбрать службу.

— То есть предать? — уточнила мама.

— Почему предать? — не согласился Гоша. — Оказаться внутри ситуации.

— Да, вовремя предать — это не предать, а предусмотреть! — глубокомысленно и с осуждением сказал папа. — Предусмотрительный ты наш. И чем же ты их взял? Как они тебе поверили?

— О! Они меня считают великим стратегом! Ведь все мы учили историю и отлично знаем, как пал Измаил. Суворов приказал возле деревни Касьяны или Марьяны какой-то построить стены, равные стенам Измаила, выкопать подобный же ров, и тренировал свои войска на этих потешных стенах, отрабатывал будущий штурм. Я поделился с их военачальниками возможными действиями осаждающей

стороны. Ну, в отношении этой... Чёрт, забыл всё-таки правильное название этой деревни!

— И ты всё это рассказал туркам? — с ужасом в голосе воскликнул папа. — Ты же раскрыл неприятелю тайный суворовский план! Ты не просто предатель! Те предатель истории! Ты представляешь, что будет, если Суворов не возьмёт Измаил?

Гоша несколько смутился.

— Что будет, что будет... Ну, не возьмёт Суворов Измаил. Не станет фельдмаршалом. Не на ядре же мне из-за этого лететь?!

— Суворов после Измаила не стал фельдмаршалом. Им стал Потёмкин. — Всё это папа произнёс мрачно. — А ты всё равно предатель, и история тебе этого никогда не простит. Знать тебя не желаем. Так ведь, семья?

Мама и Витя пренебрежительно отвернулись от новоиспечённого хана.

Мехмет-паша, видя, что между соплеменниками идёт перепалка, остановил их решительным окриком.

— Прекратите споры! — перевел слова правителя толмач. — Ты подтверждаешь, что это посланники далёкой страны «Чоко-Пай»? — обратился он к Гоше.

Гоша мстительно посмотрел на троицу бывших товарищей и сказал с презрением:

— Никакие они не посланники. Они — русские лазутчики! Их надо казнить, иначе они принесут много бед тебе, правитель. Поверь мне!

Мехмет-паша вперил пронзительный взгляд в русских.

— То-то удивление моё не знает границ! — воскликнул он с возмущением. — Я не мог постичь разумом, данным мне аллахом, что в XVIII веке есть где-то народ, который считает, что Земля плоская и стоит на трёх слонах, а слоны на черепахе! Мне показалось, что они очень бедны, раз не имеют возможности прикрыть стыд одеждой, — сераскер указал рукой на шорты, в которые были одеты папа, мама, да и Витя тоже. — Думал, что они сродни диким племенам бедуинов, у которых есть только верблюды и старый халат, и потому такие отсталые. Но ты уверен, что их надо казнить, а не требовать за них выкуп? — спросил он Гошу. — Ведь они твоего роду-племени. На смерть их обрекаешь. На ужасную. Мы с лазутчиками поступаем очень жестоко — отрубаем голову. Не будешь жалеть, когда увидишь их головы на пиках на крепостной стене?

Гоша отступил на шаг назад и склонился в полупоклоне:

— На всё воля твоя, повелитель.

— И кланяться научился, собака! — тихо произнёс папа.

Сераскер хлопнул в ладоши, и в зал вбежали воины. Они схватили папу, маму и Витю и потащили назад в зиндан. При входе в узилище произошла заминка: Витя вдруг обхватил тюремщика руками и ни за что не хотел заходить в помещение. Витю отрывало сразу трое стражников, но он держался крепко, а в конце, когда его уже почти оторвали от толстого надзирателя, Витя схватился руками за ключ от камеры, который висел у тюремщика на поясе. В конце концов сила победила, и мальчик оказался в камере. На соломе лежал лишь солдат, у которого была ранена рука. Папа вопросительно посмотрел на него и тот ответил, едва сдерживая слёзы:

— Помер, сердешный. Три года мы воевали с ним вместе. Из одной деревни были. Вот где пришлось упокоиться — в чужой стороне. А дома детки малые, один другого меньше. Ох судьба наша горькая, солдатская, знай войю за веру, царя и отечество...

Все помолчали. Жалко было русского солдата. И себя было жалко, похоже, и не игра это вовсе была, а истинная реальность. Думали, что только в кино такое бывает, а оно воно как, жестокой правдой обернулось. Закручинились и папа, и мама, и Витя. А солдат давно уже в кручине был.

(Да, и автор тоже загрустил вместе со всеми, не ожидал такого поворота событий, а спрос, как ни крути, с него будет. Его это задумка, ему и отвечать. С кем-то бы посоветоваться. К адвокату, может быть, обратиться? Так денег запросит уйму. Вот так тебе и надо, голубчик! Платить надо за удовольствие рассказы придумывать. А что же наши герои?)

Но Витя, как оказалось, закручинился понарошку. Он покручинился, покручинился да и выдал папе новость:

— Есть у меня план побега, — сказал он твёрдо. — Вот он.

И сунул папе под нос ладошку, на которой лежала лепёшка из жёванной жевательной резинки.

— Остроумно! — холодно ответил папа. — Хочешь выдуть из неё воздушный шар и улететь? А если получится просто «пук»? Что тогда?

Но Витя не огорчился:

— Это слепок с ключа от нашей камеры. Думаешь, я зря там такой спектакль устроил? — спросил он папу. — Надо изготовить ключ и выйти отсюда.

(Вот, оказывается, для чего подростки не выбрасывают из жеванную резинку, а прячут её за ухом! Готовятся к неожиданным ситуациям!)

— Знать бы ещё из чего этот ключ сделать? — с сомнением протянул папа.

И вот тут на помощь пришла мама. Она достала из кармана шорт плоскую алюминиевую расчёску и протянула папе.

— Да, неплохой материалец, — согласился папа. — А чем же зубцы ключу будем выпиливать?

Но и тут у мамы было решение. Она вытащила из того же кармана (прямо не карман у неё, а мешок фокусника) пилку для ногтей.

— Извини, дорогой, но пистолета нет, а пилка крепкая, пилит хорошо.

Папа тут же принялся за дело.

— Сейчас изладим, — приговаривал он. — Зря, что ли, я в детстве ходил в кружок «Юный техник»? Алюминий — материал мягкий, пилится хорошо. Да и замки у них хорошо смазаны, не жалеют гусяного жира, вон как тихо ключ в замке ходит, беззвучно почти, — похвалил он турецких тюремщиков.

Но папа ошибался: пилка хорошо пилила ногти, но алюминий был для неё не такой уж и мягкий материал. Вдвоём с солдатом они колдовали над заготовкой, пробовали использовать кирпичи камеры, просто камушки, валявшиеся повсюду, пряжки ремней. В итоге часа через три у них получилось подобие ключа. По толщине, правда, потоньше оригинала, но «главное зубцы захватить», говорил папа. Довольный своей работой, он растянулся на соломе. Прилёг и солдат.

— Значит, барин, в побег пойдём? — удовлетворённо спросил он папу. — Ты не гляди, что я об одной руке, яшибко злой в бою. Больно у меня руки-то чешутся на турка. Надо только ночи глубокой дожидаться. Стражник у темницы нашей крепко спит по ночам, на всю тюрьму храпит, ирод.

На том и порешили. Ждать пришлось недолго. За работой и не заметили, как наступила та самая глубокая ночь. За дверью весь вечер были слышны движения охранника, но вот его суета сменилась вначале на лёгкое похрюкивание, а потом раздался громоподобный храп. Турок сотрясал им своды тюрьмы и давал понять узникам, что он здесь, на службе, а не дома на мягких перинах.

Папа с солдатом подкрались к двери.

— Как тебя хоть зовут, служивый? А то неизвестно, чем всё закончится, так знать хотя бы, с кем в неволе был, — спросил тихо папа солдата.

— Тимофей, — так же тихо ответил солдат. — Смоленские мы, деревня Ерши.

— А я Егоров Михаил, — представился папа. — Пермской губернии, города Перми. Хотя тебе это неизвестно, ты же говорил... Давай, вставляй ключ в скважину.

Папа достал из кармана зажигалку, и камера осветилась ярким светом. Солдат отпрянул.

— Что это, барин? Никак огонь сатанинский из руки твоей пыхнул!

— Не задавай вопросов, Тимоха, — упрекнул его папа. — Некогда тебе объяснять, сатанинский это огонь или небесный. Крути ключ да не лязгай, а то проснётся настоящий чёрт бусурманский, вот и будет нам то ли рай, то ли ад.

Солдат не стал спорить, привык к барским причудам. Ключ вошёл в скважину без проблем, повернулся легко, замок щёлкнул едва слышно, но дверь не поддавалась. Папа и солдат переглянулись.

— Тушей навалился, — предположил солдат. — Надо и нам навалиться всем на дверь и подвинуть его маненько.

— А не проснётся? — встревожился папа.

— Бог не выдаст, свинья не съест, — заверил его солдат. — А ну-ка, барыня, навалитесь вместе с барчуком на дверь, подсобите нам.

Вчетвером они стали двигать дверь от себя. Турок был тяжёл, но не тяжелее усилий восьми рук: дверь медленно, но верно приоткрывалась. Стражник всхрапывал встревожено, но не просыпался. Когда появилась достаточная щель, чтобы в неё мог протиснуться человек, все четверо оказались в тюремном коридоре. Стражник так и не проснулся, лишь повернулся набок и стал выдавать замысловатые трели.

(Вот какие дела свершились с нашими героями. Разве могли они подумать, собираясь в далёкую Турцию в начале XXI века, что попадут аккурат в век XVIII? Ага, скажете вы, всё это проделки автора, а наши герои дома сидят, телевизор смотрят да «Пепси-колу» потягивают. Что ж, вполне может быть и так, но нам до других и дела-то нет никакого, нам герой наш нужен. Бесстрашный. Смелый. Ловкий.)

Вот Витя и побежал впереди всех. Бесстрашно, но папа его остановил.

— Куда? — шёпотом закричал он. — Стой на месте, дай мужчинам подумать!

Вот, значит, указал Вите его место, мал мол ещё решения самостоятельные принимать. Не знал, не ведал, что автор сына его в герои готовит. Вот и поплатился за это. Бежать надо было вслед за Витей, а не раздумывать. На этаж поднялся отряд турок во главе с толмачом. Увидев оказавшихся на свободе узников, у переводчика глаза полезли на лоб. Он даже слова русские забыл.

— Йок, йок! — закричал он и стал тыкать рукой в сторону пленников, давая понять стражникам, что вот этих вот надо схватить немедленно. Что стражники и попытались сделать. Но тут папа нашёл оригинальное решение: он выхватил из кармана зажигалку и выставил руку с ней навстречу страже.

Вот зажигалки газовые бывают разные. Некоторые горят едва-едва, особенно когда не новые, а эта была куплена папой буквально перед свершившейся нашей эпопеей. Она прямо полыхнула из папиного кулака костром пламени. Многие видели на своем веку турецкие воины, но чтобы из руки человеческой пламя било — никогда. А толмач даже лицо закрыл ладонями, так испугался. А тут ещё и Витя выхватил свой айфон и хотел включить фонарик, а нажал на вспышку. Камера в-ж-и-к — и сфоткала толмача в тот момент, когда он физиономию свою напуганную из-под ладоней высунул. А Витя раз — и повернул экран в сторону турок. А на экране толмач с перепуганной мордой (ой, простите, лицом!). Он как увидел своё изображение на экране, так и вообще на колени упал и давай молиться. Только и слышно было: «Алла! Алла! Алла!»

Надо сказать, что в мусульманской религии вообще нельзя изображать художникам живые существа, а тут сам толмач из Витиной ладони на себя глядит. А Витя, недолго думая, отступил на шаг и сфотографировал всю стражу вместе с толмачом. Да ещё, хохмы ради, в фотошопе приделал им ослиные уши, а толмачу — свиное рыло. Это было верхом оскорбления для бедных турок. Они бросили оружие и упали перед Витей ниц. А толмач с мольбой обратился к Вите:

— О маленький волшебник! Не превращай нас в поганых животных! Смилуйся над нами и проси что хочешь!

Чего хотел Витя? Конечно, он хотел на свободу! Но в голове его родился геройский план. Именно геройский, а как вы думали? И он величественно провозгласил:

— Если ты не хочешь остаток своих дней провести свиньёй, а вы, — указал он на стражников, — с ослиными ушами, то должны вывести нас из города и передать русскому генералу!

Хотел Витя сказать Суворову, но заробел маленько. Хотя генералу — тоже неплохо получилось.

— Будет исполнено! — только и смог выдавить из себя толмач.

По ночному городу турецкий отряд повёл бывших пленников к городским воротам. Столь внушительное сопровождение не вызвало ни у кого никаких вопросов. Они благополучно дошли до ворот, толмач что-то сказал городской страже, и ворота приоткрылись. Хотел толмач на этом проститься со страшными «дивами», но Витя грозно постучал по айфону и напомнил:

— И передать нас русскому генералу!

Что делать туркам? Боясь остаться с ослиными ушами и свиным рылом, они вышли вместе с русскими за ворота города и зашагали в сторону русских позиций. Да так ладно! В ногу! Отбивая шаг! А Тимофей ещё и песню надумал запеть, что-то вроде «Солдатушки, бравы ребятушки...». Другую, конечно, но на неё очень своей удалую похожую.

Так они маршировали в сторону Дуная, пока их не остановил русский разъезд генерала Де Рибаса.

(Да, да, в его честь ещё улица в Одессе названа — Дерибасовская!)

Весьма удивился генерал Де Рибас, когда к нему доставили пленных турок и наших героев! Такого ещё не было, чтобы турки с русской песней сдаваться шли. А Витя поступил честно: как только узнал, что их ведут к русскому генералу, так сразу телефон достал и на глазах у бедных турок все их фотографии стёр вместе с ушами и свиным рылом. За что получил от бедолаг огромную османскую благодарность. Что с ними дальше было, нам неизвестно, но как туркам нужны переводчики с русского на турецкий, так и русским нужны переводчики с турецкого на русский. Так что без дела толмач не остался. А может, даже прижился у нас да предпринимателем каким-нибудь стал.

И Суворова наши герои увидели. Чудо-богатырями Суворов их, правда, не назвал: он так только своих солдатушек называл, но руку всем пожал. А маме особенно. Помните, как мама тогда у турецкого паши закашлялась? Так это она специально сделала: когда платком укрывалась — она на свой смартфон карту турецких укреплений сфотографировала. И Витя ещё рассказал, что солдат у паши более тридцати тысяч, что пушек двести штук будет. Всё, о чём паша хвастался (не думал самоуверенный сераскер, что русские живыми останутся). А ещё Витя поведал, что среди них предатель оказался. Что рассказал предатель этот туркам о той деревне, возле которой Суворов будет тренировочные укрепления, подобные измаильским, возводить. Назвал её то ли Касьяны, то ли Марьяны.

— Да, — сказал Александр Васильевич. — Хотели мы возводить их у деревни Касьяны, да, видно, придётся поправить наш план. Строить укрепления потешные будем у деревни Сафьяны! Быть посему!

Обнял Суворов Витю, снова пожал руку папе, галантно ещё раз поцеловал руку маме, а солдата Тимофея медалью наградил и в полк родной отправил, дальше турка бить.

— Нам бы домой попасть, — робко попросил Витя.

— Не вопрос, — ответил Суворов. — Героям везде широкая дорога. Проводите гостей к дому!

Вывели папу, маму и Витю за пределы русских укреплений в тыл да показали, как идти:

— Идите вот этой дорогой все прямо и прямо! Так и выйдете к дому.

Ну, к дому — это сильно, пожалуй, было сказано, дом-то, как-никак, на Урале, но пошли наши путники в указанном направлении. И что вы думаете? Через полкилометра попался им киоск с шаурмой, потом ещё один, потом трамвай показался, а на нём реклама «Кока-колы». Сели они все вместе на трамвай этот, и через полчаса были в своём отеле «Венеция».

Долго потом сидели в номере и слова не могли вымолвить. Каждый обдумывал то, что с ними произошло. А потом дружно решили, что попали они в какую-то квест-игру. Но не простую, а с коллективной игрой воображения. А что? Сейчас чего только не придумали всякие там блогеры, квестеры и прочие шутники. Вот и им невольно пришлось в подобной игре побывать. Правда, непонятно, при чём здесь Измаил, когда он совсем не в Турции, а в Бессарабии тогда находился, да и от моря Чёрного в восьмидесяти километрах? Но главное не в этом, а в том, что все они не робкого десятка оказались, а сын их вообще героем себя проявил.

(А автор что говорил? Надо только дать возможность качеств героическим раскрыться, да помочь немного персонажу. И будет на кого равняться! Вот только резинку жевательную за ухо наш персонаж прилепляет, некрасиво как-то это, да и не эстетично. Ну, будем надеяться, что это подростковое, проходящее. Хотя, в нашем случае, это даже и полезным оказалось.)

Оставшиеся четыре дня семья провела в полном соответствии с намеченной программой: море, солнце, аквапарк, мороженое, сбор ракушек, вечерние прогулки. Соседа Гоши, Гоги, короче — хана новоявленного, нигде не было видно. Но всё-таки с ним они встретились. В самолёте. Сидел он на последнем ряду тихо, зажавшись в угол. Встретившись глазами с Витей, Гоша отвернулся. Так и глядел, не отрываясь, в иллюминатор весь полёт, будто все облака за бортом самолёта пересчитать хотел.

Наконец, самолёт приземлился, пассажиры медленно стали грузиться в поданный автобус, образуя длинный людской ручей, струящийся из чрева воздушного лайнера в нутро аэродромного трудаги. Витя с родителями уже сидели в автобусе, когда на трапе последним показался фальшивый «маршал». При нём была спортивная сумка, на голове — знакомая бейсболка. Но что-то было с ним не так. Что-то не так. И Витя наконец понял — сапоги! Сапоги! Из-под джинсов Гоши торчали носами вверх КРАСНЫЕ сафьяновые турецкие сапоги!

Вот вам и игра!

Так вот закончилось наше повествование. Так и у нас появился герой. Читает Витя сейчас этот рассказ и усмехается скромно, на-верное. Вроде, какой я герой, действовал по обстоятельствам... А мы всего-то хотели персонаж рассказа придумать, и не обязательно героический, а получилось как раз и героически. Вот что такое фантазия автора да интерес читателя! Супер!

Да, а дядьку этого, что одновременно в Турции и в Хабаровске оказался, с работы уволили, потому что быть такого не может. Ведь не сказку же мы сочинили!

Пермская БУКА

Андрей ЗЕЛЕНИН

ПРО КНЯЗЯ АНДРЕЯ, ПОГУБИВШЕГО НЕ ОДНОГО ЗМЕЯ, НЕ ПРО ОДНУ КНЯЖНУ, ДА ПРО ОДНУ ЖЕНУ. Сказка

Из-за леса, из-за гор
Ехал дедушка Егор,
Да до дома не доехал –
На чужой заехал двор.
Ночь-полночь в окно стучится,
А хозяевам не спится –
За еду, постель да ласку
Просят с деда на ночь сказку.
Дед перечить не посмел,
Даже каши не доел –
Почесал себе затылок
Да к свече поближе сел:
— Ночь-полночь в окно стучится,
А хозяевам не спится.
За еду, постель да ласку,
Так и быть, скажу вам сказку!

«На Руси в далёкий год
Жил да был честной народ.
Над народом из князей
Был поставлен князь Андрей.
За престол сразиться рад,
Был он силою богат.
Ну и равных по уму
Не встречалось ему.
Год за годом — тридцать лет
Князю стукнуло в обед.
Тридцать лет — беда одна:
Князю надобна жена!
По народу тут же слух:
— Князь не стар, не глуп, не глух.
Сам красавец, не урод.

Андрей Сергеевич ЗЕЛЕНИН родился 21 января 1969 года в городе Перми. Был главным редактором книжных издательств «Пушка», «Открытие-Пермь», «Пермский край». С 2008-го — руководитель Клуба юных сказочников при Пермской краевой детской библиотеке имени Л. И. Кузьмина. Детский писатель, драматург. Член Союза писателей России (1999). Член Союза театральных деятелей РФ (2007). Автор более 34 книг и нескольких пьес, поставленных в различных театрах страны. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2015), Пермской краевой премии в сфере культуры и искусства (2015), первый лауреат Пермской городской литературной премии им. А. Ф. Мерзлякова (2001). Кавалер орденов Достоевского II и III степени (2014, 2012). Живёт в ЗАТО Звёздный Пермского края.

Где же он жену найдёт,
 Чтоб по силе, по уму... —
 Чтоб понравилась ему.
 Чтоб красой блистала так,
 Как... Не знаем даже как!
 У Андрея дума та:
 «Что милее? Красота!
 Я за эту красоту
 Не одну промчусь версту
 И за радость, не за грусть
 С целым войском я сражусь!
 Я силен, умён, богат —
 Кто же будет мне не рад?»
 С думой князь, а к князю гость —
 С виду чисто старый гвоздь:
 И горбат, и рыж, как есть —
 Иноземец. С ним и весть,
 Мол, ты — князь, а есть княжна.
 Будешь — муж. Она — жена.
 — В путь! — вскричал Андрей. — Пора!
 На коня — и со двора!
 А вослед ему:
 — Постой!
 Не поедешь же пустой!
 Латы надобны и меч,
 Чтобы головы отсечь!
 Князь назад:
 — Чего отсечь?
 Я к княжне! А мне — про меч?
 Иноземец же:
 — Там Змей!
 Двухголовый он, злодей.
 Он княжну в полон забрал,
 И за выкуп не отдал!
 Князь взял меч — и снова вскачь!
 На коне летит, горяч,
 В тридешатую страну,
 Добывать себе жену!

Тёмной ночью, ясным днём
 Пыль за всадником — столбом!
 Время тоже не стоит —
 Поспешает да спешит.
 На тридцатый день дворец
 Увидал наш молодец.
 «Здесь княжна!» — решил Андрей.
 А навстречу — Змей-злодей:
 Двухголов, крылат, хвостат...
 — Биться будем, супостат! —
 Князь кричит и меч берёт,
 И на Змея мчит вперёд!..
 Ох, и дело было там!

Жарко было небесам!
Змей огнём дышал-палил,
Но Андрей его свалил —
Обе головы посёк,
От сраженья занемог.
И заходит во дворец —
Запыхался, удалец.
Глянь! — бежит к нему княжна —
Черноока и нежна;
Глаз не можно отвести.
Вот же повезло спасти!
Дрогнул сердцем князь: краса! —
И поцеловал в уста.
— Назову женой своей!
Напои водой скорей.
Да умыться надо мне,
Видишь, почернел в огне.
Да поешь. Устал, прости.
Бился, чтоб тебя спасти.
Князь воды да ласки ждёт.
У княжны ж другой расчёт;
Бровки хмурит, ножкой — топ!
— За водою шла я чтоб?
Чтоб кормила? Спать клала?
Эки выдумал дела!
Я — княжна, а не слуга,
У меня нежна рука.
Быть женой твоей хочу.
Но приказов — не прошу!
Лучше ты послужишь мне,
Мне, прекраснейшей княжне!
На слова княжны Андрей
Осерчал на много дней,
Но смирил обиды дух
И не выдал гнева вслух.
Лишь сказал:
— Прощай, княжна!
Будешь не моя жена!
На коня вскочил тот час —
И долой с прекрасных глаз!

Снова пыль летит столбом.
День — и ближе милый дом.
На другой заметил князь:
Нет дороги, всюду грязь,
Будто кто-то землю бил,
Лес да травы погубил.
«Что такое?» — встал Андрей.
А по небу — новый Змей:
Трёхголов, крылат, хвостат... —
В общем, тоже супостат.
Змей в полнеба затрубил:

— Брата моего сгубил!
Я за то не погрожу —
Лютой смертью накажу!..
Снова драка. Вновь с огнём!
Змей летает за конём,
Князь — на верном на коне;
Тяжелей почти вдвойне,
Ведь голов не две, а три.
Ну, попробуй-ка, сруби!
Потрудиться надо тут,
А не то живьём сожгут!
Долго ль, коротко ль... В бою
Князь кричит:

— Ну вот, рублю!
И летит со Змея в грязь
Голова, что рубит князь.
Змей о двух главах дрожит,
Змей попрятаться спешит —
Улетает Змей скорей,
Но за Змеем мчит Андрей!
Кровь у князя горяча,
Снова рубит князь с плеча;
И с одною головой
Змей торопится домой.
Дом — ещё один дворец,
Змею в нём настал конец.
Как ни бился, как ни выл,
И его Андрей свалил.
Князь снимает шлем, и вдруг
Слышит:

— Здравствуй, милый друг!..
Что такое? В очи свет!
Красота, — прекрасней нет!
И румяна, и нежна...
— Кто ты, милая?

— Княжна, —
Отвечает без прикрас:
— Змей украл меня, ты — спас.
Князь с княжны не сводит глаз,
Тоже молвит без прикрас:
— Я силен, умён, богат.
Я тебе, девице, рад.
И прошу тебя, такой:
Стань моею ты женой!
Напой водой меня,
Прикажи насчёт коня,
А потом — прощай, дворец! —
Ты со мною под венец!
Князь Андрей ответа ждёт,
А княжна ведёт расчёт:
— Напою водой тебя.
Прикажу насчёт коня.

Но, дворец иль не дворец,
Нам с тобой не под венец.
И не хмурь ты брови, князь!
Надо мной другая власть,
Я другому отдана,
Одному ему жена.
Больно слушать девы речь,
Но что делать? Пряча меч,
Князь вздохнул — глаза грустны:
— Быть мне, видно, без жены!
Пять голов пришлось срубить.
Двум княжнам на счастье жить,
Князю — горе горевать
Да до дому отбывать.
— Стой! — красавица кричит,
Слова молвить не велит.
— Ты двух дев от Змеев спас,
Помоги ещё хоть раз,
Сильный, храбрый князь Андрей!
Есть на свете третий Змей.
Братьям мёртвым он — отец.
Не нашёлся удалец,
Кто бы Змея наказал
Да героем славным стал.
Князь Андрей в седло:
— Пора
Ехать с этого двора!
Подскажи, княжна, мне путь.
Справлюсь с Змеем как-нибудь!

И опять Андрей в пути:
Реки, доли, гор хребты,
Чаши, рощи да поля... —
Велика она, земля!
Но, велика или нет,
День настал, а света нет.
Смотрит в небо князь Андрей,
А над ним... стоглавый Змей!
Князь за меч:
— Сдавайся тут!
Но и головы не ждут —
Вмиг сожгли Андрея меч,
Без меча ж голов не ссечь!
Конь устал, упал, — прости,
Мол, хозяин: не спасти.
Князь от Змея пеш — долой.
Ну а Змей уж в ярость злой:
Пышет пламенем, кричит
Так, что всё вокруг дрожит!
Князь с дороги на поля:
— Сохрани меня, земля!
И тот час же, не пройти,

Деревенька на пути.
 Князь — туда, а Змей — за ним.
 Следом пал да едкий дым.
 Вот такая вот беда!
 Люди — лезут кто куда:
 Кто меж гряд, а кто в сарай —
 Чай, опасно! Страшно, чай!
 Князю б меч! Да кто подаст?
 А, глядишь, кого б и спас!
 Вдруг! Сквозь стон людской.

— Помочь? —

Кузнеца выходит дочь:
 Два меча в руках несёт —
 Один князю подаёт.
 Говорит:

— Давай вдвоём

Змею головы снесём!
 Удивиться б надо тут,
 Да того гляди сожгут!
 А девица меч даёт
 Да ловчее свой берёт...
 Да, такого Змей-нахал,
 Ну никак не ожидал,
 Чтобы сразу с двух сторон
 Под мечи попался он!..
 Бились три часа подряд
 Дева, князь и супостат.
 На четвёртый... сгинул Змей!
 Тут и понял князь Андрей
 Не на шутку, не на смех,
 Кто ему милее всех.
 Пусть девица не княжна —
 Станет княжева жена.
 Пусть краса её тиха —
 Сохранится на века!
 Князь к девице:

— Я — Андрей!

Назовись и ты скорей.
 Засмушалась дева тут:
 — Катериною зовут.
 А зачем тебе, мой свет,
 Этот надобен ответ?
 Кате князь:

— А чтобы знать,
 Как жену родную звать!»

...Был наш дедушка Егор
 На рассказ не слишком скор.
 Когда сказочку закончил,
 Солнце встало из-за гор.
 В окна солнышко стучится,
 В избу весело глядится.

А хозяйева за ласку
 Просят деда кончить сказку.
 Дед перечить не посмел,
 Кашу стылую подъял,
 Почесал себе затылок
 Да и песенку запел:
 — В окна солнышко стучится,
 В избу весело глядится.
 Я хозяйевам за ласку
 Допою сегодня сказку!

«...Свадьбу князь Андрей играл —
 Целый месяц пировал.
 Я там был: и пил, и ел,
 Да на молодых глядел.
 С той поры прошло сто лет
 Или двести, или нет.
 Только слышал я, Андрей
 Поучал своих детей:
 — Не гонитесь за красотой,
 Вдруг за нею ум пустой!
 Слово дали там аль здесь,
 Уважайте, значит, честь!
 А любите тех, кто мил,
 Тех, кто с вами в горе был...
 А княгиня князю вслед
 Всем желала жить без бед!»

...Из-за леса, из-за гор
 Ехал дедушка Егор,
 Да до дому не доехал,
 На чужой заехал двор.
 Ночь-полночь в окно стучится,
 А хозяйевам не спится —
 За еду, постель и ласку
 Просят с деда на ночь сказку.
 Дед расскажет, не соврёт!
 А как солнышко взойдёт,
 Он до новых до хозяев
 Сказок воз свой повезёт!

Инна РАЗДОЛЬСКАЯ

СКАЗКИ МАЛЕНЬКОГО ВЕТРА. Отвертки из книги**ХОЗЯИН ЛЕСА**

Посреди леса, в самой чаще, куда с трудом пробираются даже настырные зимние ветры, стоит крохотная избушка. Единственное её окошко, простенькое, без ставней, в морозных узорах. Из низенькой трубы клубами валит дым. Это топит печку дедушка Леший — хозяин избушки и всего леса.

У дедушки Лешего много хлопот: и печку надобно протопить, и снега в кадушках натаскать, ну чтобы он потом водой сделался, и обед приготовить — из того, что в погребе отыщется. Но и это ещё не всё!

Каждый день, хоть зной, хоть стужа, ходит дедушка Леший по лесу, смотрит, всё ли в порядке. Все ли звери в лесу здоровы, все ли деревья на своих местах стоят? А все изменения в специальную книгу заносит, «Книга леса» она называется. Все звери, все деревья у него в этой книге подсчитаны да пронумерованы. А некоторых он даже по номерам помнит!

Например, зайца под номером пятнадцать. Прошлой зимой дедушка Леший его от неминуемой смерти спас — в избушку к себе впустил. Волк за ним гнался под номером тридцать пять! С тех пор Тридцать пятый избушку Лешего стороной обходил, а Пятнадцатый, наоборот, стал там частым гостем. То капуста с морковкой дедушке принесёт, то хворосту натаскает. Да и так — чайку попить, да лесные новости обсудить прибежал.

Раз как-то прибегает, когда Леший ещё только в кровати потягивался, и давай звать его да в дверь тарабанить. «Опять, что ли, за ним кто гонится?» — подумал хозяин леса, поднялся потихоньку, ноги в валенки сунул — уж больно с утра пол студёный — и пошёл открывать. Высунулся за дверь, от мороза заиндевелую, а там... Пятнадцатый. Приплясывает на месте, чтоб согреться, и никто за ним даже не гонится.

— Ты чего ж это безобразничаешь — шумишь с утра пораньше? — нахмурился Леший. — Поди весь лес разбудил!

— Да не спит уж никто, дедушка! — запрыгал косой. — Как можно спать, когда тут такое?

— Какое?

Инна Анатольевна РАЗДОЛЬСКАЯ родилась 29 января 1985 года в посёлке Саракташ Оренбургской области. Окончила с отличием факультет гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета. Работала корреспондентом журнала «Православный Духовный Вестник Саракташского благочиния». Печаталась в альманахе «Гостиный двор» и в его детском приложении — «Гостином дворике». Автор книг «Тэдди Райтер и его второе Я» и «Сказки Маленького ветра». Лонг-листер Всероссийского литературного конкурса «Короткое детское произведение» (весна, 2015). Автор сказки «Хозяин леса», вошедшей по итогам конкурса «Читалкин в Оренбуржье» в «Энциклопедию сказок родных городов» (2018). Ныне ведущий методист областного Дома литераторов им. С. Т. Аксакова. Живёт в Оренбурге.

— В лесном домике человек поселился, да не один, а с собакой!
— Как? Опять? — всплеснул руками дедушка Леший. — Ведь это уже двадцать седьмой!

— Кто двадцать седьмой? — не понял Пятнадацый.

— Лесник — двадцать седьмой! И чего им тут надо? Неужели думают, что я сам за своим лесом не присмотрю?

Так, бормоча себе под нос, дедушка Леший (а вслед за ним и заяц) зашёл в избу, достал из-под подушки «Книгу леса», нашёл там нужную страничку, глаза б её не видели, и сделал там нужную отметку.

— Ну вот, я же говорил — двадцать седьмой! И собака, говоришь, есть?

Косой закивал, тряся ушами.

— А собака, стало быть, двадцать вторая! — быстро посчитал дедушка Леший и снова отметил что-то в книге. — Пятеро лесников без собак в моём лесу жить пытались! Последний такой был, без собаки. Я его даже напугать не успел — ревматизм меня тогда схватил, а он уже из леса сбежал!

Потом дедушка Леший немного помолчал и добавил:

— И этот сбежит, хоть и с собакой!

* * *

Пятнадацый уже давно убежал по своим заячьим делам, а дедушка Леший всё ходил из угла в угол, от кровати к печке и обратно, и повторял: «Ведь это я хозяин леса, я, а не Двадцать седьмой!» В итоге за целый день он так ничего и не сделал: изба осталась нетопленной, воды не было, еды тоже.

Наконец он не выдержал — надел тулуп, шляпу, варежки (валенки он не снимал с самого утра) и вышел на улицу. Вечер был звёздный, морозный! Прячась от мороза, лесные жители раньше времени залезли в свои дупла и норы и сладко спали. Тихо было в лесу, только снег под валенками пел — скрип-скрип! Так с этой песней дедушка Леший дошёл до домика лесника.

Стоявший на краю леса, он по-прежнему был покосившимся, но уже жилим: торчавшая на крыше ржавая труба выпускала в небо столб белого дыма, в окошке теплился свет, на улице, опершись о бревенчатую стену, отдыхала после трудного дня пара деревянных лыж, тявкала на привязи рыжая собачонка. Почувяв незваного гостя, она громко позвала хозяина — лесника, но дедушка Леший спрятался за угол дома и остался незамеченным.

— Уф, — выдохнул он, когда за лесником, вернувшимся в дом, захлопнулась дверь, и тут же сам на себя рассердился: хотел соперника напугать, а вышло — сам испугался. «Нет, — подумал он, — так дело не пойдёт, леший я или не леший?» — и как закричит прямо под окном «У-у-у-у-у».

От такого воя прежние-то лесники на все замки закрывались, да ещё мебелью дверь подпирали, а новому хоть бы что — сошёл с крыльца (с ружьём, правда), огляделся, собаку успокоил, бородёнку пригладил и в дом.

— Ишь ты, толстокожий какой! — заворчал дедушка Леший. — И страх его не берёт! Ну ничего, с первого раза не взял, авось со второго получится! — и давай снова лесника пугать. Но и в этот раз ничего у него не вышло, только собака снова разлаялась.

Делать нечего, пошёл дедушка Леший домой — спать. Пришёл, лёг в кровать, даже валенки с тулупом снимать не стал — такая изба студёная, а ему не спится. Лежит и думает, как бы Двадцать седьмого из леса выжить. Думал-думал, только за полночь заснул.

А со следующего дня стал он леснику козни строить да ещё лесных жителей к этому привлекать. То Пятнадцатого попросит его собачонку в лес заманить, вдруг не вернётся она к хозяину, а без собаки-то в лесу худо. То к медведю под номером три за помощью обратится: мол, попробуй ещё ты его напугать, вдруг тебя заботится. Не хотели лесные жители в этом участвовать — что же, говорят, плохого, если лес двое охранять будут, да разве дедушке Лешему откажешь, вот и делали, что он просил. Только не получилось у них ничего — собачонка хоть сначала и побежала за зайцем да тут же назад вернулась, а медведь, как увидел ружьё в руках лесника, так и дал дёру.

Решил тогда Леший сам действовать. Дождался ночи, взял воды ведёрко да мёду кадочку и к домику лесника пошёл. Пришёл, воду перед крыльцом выплеснул, мёдом лыжи намазал и, довольный, домой вернулся.

В ту ночь спал он как младенец. Так, наверное, до обеда и проспал бы, если бы не Пятнадцатый! Прибежал и давай пуше прежнего в дверь стучать. Поднялся дедушка Леший, пошёл открывать, а заяц его с порога новостью огорошил: пришли, дескать, в лес мужички какие-то и давай ёлки рубить.

Леший тулуп схватил и побежал, куда заяц сказывал. Бежит, а сам голову ломает, что делать, ружья-то у него нет, как у лесника. «Ну ладно, — думает, — припугну, а там видно будет!» Прибежал, за пушистой ёлочкой спрятался, да как завоет, ну прямо как тогда у домика лесника. А мужички, как рубили ёлки, так и рубят, даже ухом не повели.

«Что ж такое, — думает дедушка Леший, — неужели не боится меня уже никто?». А потом пригляделся — уши-то у них заткнуты чем-то и оттуда вроде как что-то бумкает. Музыка, что ли? «Ну, — думает Леший, — совсем люди сдурели — с музыкой в лес приходят! Будто тут своей музыки нет!»

Вышел он из своего укрытия, подошёл к гостям непрощенным. Те его увидали, затычки из ушей вынули.

— Чего тебе, — говорят, — надо, дед?

— Мне надо, — отвечает Леший, — чтобы вы ёлочки не рубили — лес не губили!

А те: иди, мол, дед, своей дорогой, не лезь, куда тебя не просят.

— Да вы знаете, кто я? — не выдержал Леший. — Я — хозяин этого леса!

Мужички только посмеялись:

— Ступай-ка ты, хозяин, подобру-поздорову! Не мешай нам ёлки рубить — на них нынче спрос велик!

«Ну я вам покажу — спрос!» — рассердился дедушка Леший и припустил к домику лесника. Прибежал, видит — лыжи на месте, собака тоже, значит, дома ещё хозяин. Хотел в дверь постучать да перед крыльцом растянулся — вода-то из его ведёрка, как и задумано было, в скользкий лёд превратилась!

На лай из дома бородатый мужичонка выскочил. Смотрит — старичок на снегу лежит, стонет, ругается. Подошёл к нему, помог

подняться, да в дом на чай с баранками пригласил. Тут дедушка Леший смягчился:

— Чай, — говорит, — конечно, дело хорошее. За приглашение благодарю. Только что ж это ты за лесом не приглядываешь, ёлки рубить позволяешь?

Мужичонка плечами пожал: никому, мол, не позволял. Ну а то, что не углядел, так не разорваться же ему, один он на весь лес! А тут ещё как назло без лыж остался! Встал поутру, хотел с дозором по лесу прокатиться, а лыжи, точно блины на Масленицу, мёдом намазаны!

Тут уж дедушке Лешему стыдно стало. Хотел, прямо не сходя с места, леснику во всём признаться, да время поджимало — надо было лес спасать!

Взял лесник ружьё, собачонку окликнул и вперёд. Без лыж дорога, конечно, долгая, но они всё равно успели. А уж как мужички от них бежали! Ущербу, правда, много наделали, но зато с тех пор никто их в лесу не видел!

Ну а Леший с лесником с тех пор подружились. Стали друг к другу в гости ходить, горе-радости делить. А чего им ссориться-то? В конце концов, какая разница, кто в лесу хозяин, главное, чтобы там порядок был!

МАРТА. Сказка о доброй сосульке

В том году весна пришла со снегами и метелями. Она словно хотела воздать людям и матушке-природе за бесснежную или, как говорят в народе, сиротскую зиму. За один день дворы укрылись пуховыми одеялами, деревья укутались в меховые шубы, а дома нахлобучили высокие и белые, как папахи, шапки. Правда, стоило Солнышку выглянуть из-за тучки, как эти шапки потекли. И стекли бы, да только Мороз-то — дедушка неуступчивый! Капельки с крыш стекают, а он их своим ледяным дыханием замораживает! Капелька за капелькой — получается сосулька! Так и появилась Марта.

Поначалу она ничего не видела из-за яркого солнца и ослепительно белого снега, но потом, привыкнув и оглядевшись по сторонам, воскликнула:

— Ах, как хорошо!

— Что же тут хорошего? — пробурчала её соседка — старая, ещё февральская, сосулька. Она только-только собралась вздремнуть, а тут вдруг столько шума.

— Как что? — удивилась Марта. — Всё!

«Странная эта новенькая, — подумала Старая сосулька. — Что может быть хорошего, если рождаешься без рук и без ног и при мороженной к крыше!» Но из любопытства она всё-таки спросила Марту, что её так осчастливило.

— Вот это яркое и круглое! — сказала Марта.

— А, Солнце! — догадалась Старая сосулька.

— Это Солнце? А что тогда вот это белое-белое, аж смотреть больно?

— Это Снег!

— Снег... — мечтательно повторила Марта.

Она хотела спросить, что это лёгкое и невидимое, похожее на дуновение, щекочет её бока, но тут её внимание привлекли лепившие снеговика дети.

— А это кто? — полюбопытствовала она.

— О, это наши враги!

В этот момент дети весело засмеялись.

— Но они не похожи на врагов!

— Много ты понимаешь! Это, если хочешь знать, сосулькоеды!

— Сосулько что?

Старая сосулька повторила сказанное и, роняя слёзы, поведала Марте, как на прошлой неделе один сосулькоед съел её любимую подругу.

Марта не хотела в это верить, но вдруг один сосулькоед вынул из кармана оранжевую сосульку и захрумкал ею.

— Какой ужас! Я не могу на это смотреть! — воскликнула Марта и зажмурилась. Но Старая сосулька успокоила её, сказав, что на сей раз сосулькоед ест не сосульку, а морковку.

— Вообще справедливости ради надо сказать, что бывают неправильные сосулькоеды, — добавила она.

— Как это, неправильные?

— Они не едят сосульки! Видишь того сосулькоеда?

Старая сосулька показала на мальчика. Он не играл, как другие ребята, а сидел в инвалидном кресле.

— Это Витя — неправильный сосулькоед! Сколько я здесь вишу, я ни разу не видела, чтобы он ел сосульки!

Марте стало любопытно, почему Витя сидит, в то время как другие ребята бегают и резвятся.

— Он не может ни бегать, ни ходить! — объяснила ей Старая сосулька. — Он как мы! И хотя у него, в отличие от нас, есть ноги, они не слушаются его. Поэтому он приморожен к креслу, как мы — к крыше.

Весь оставшийся день Марта думала про непослушные Витины ноги и про то, что он приморожен.

«Может, попросить Солнышко греть лучше, и тогда он сможет встать с кресла?!» — размышляла она. Но попросить об этом Солнце означало обречь все сосульки на гибель, а этого Марта сделать не могла! И тогда она решила молиться за Витю.

Другие сосульки не понимали её.

— Как можно молиться за сосулькоеда?! — недоумевали они.

— Но ведь он не ест сосульки! — защищала его Марта.

— Это теперь не ест, а раньше, наверное, ещё как ел! Потому он и не может ходить, что полез за сосулькой на крышу и упал!

— Не слушай ты этих сплетниц! — успокаивала Марту Старая сосулька. — Им только волю дай — такого насочиняют! А ходить он не может по другой причине!

И тут Марта услышала историю, такую грустную, что даже заплакала. Оказывается, раньше у Вити была сестрёнка. Однажды они перебежали улицу, и попали под машину. Сестрёнка погибла, а Витя попал в больницу. Его долго лечили, и казалось, вылечили, но ходить он всё равно не мог.

— Врачи говорят, что у него нет воли к жизни и поставить его на ноги может только чудо! — закончила свой рассказ Старая сосуль-

ка. Всё это она узнала из разговора Витиной мамы с соседкой. Они беседовали у подъезда, а Старая сосулька, несмотря на почтенный возраст, всё прекрасно слышала.

Отныне Марта стала просить Солнышко о чуде, которое поставило бы Витю на ноги. Из-за этого некоторые сосульки раззадорились пуще прежнего. Так, одна заявила, что теперь Марта — её враг. Правда, эта особа недолго шипела от злобы. Уже на следующий день, когда Солнышко пригревало сильнее обычного, она, желая наказать погрозившего ей сосулькоеда, упала с крыши.

Тогда Марта впервые увидела, как падает кто-то из её сестёр. Она искренне считала всех сосуллек своими сёстрами, ведь все они были дочерьми Мороза и Талой воды, и очень расстраивалась из-за случившегося.

— Да будет тебе так переживать! — подбадривала её Старая сосулька. — Все мы когда-нибудь растаем или упадём. Ну, если, конечно, нам повезёт и нас раньше времени не съедят сосулькоеды!

Но Марте было не до шуток. Она думала — а можно ли упасть вверх?

— Конечно, нет, — сказала Старая сосулька, когда Марта спросила её об этом. — Упасть можно только вниз. А вверх не падают, вверх поднимаются, но мы этого сделать не можем!

— Жаль! — вздохнула Марта. Ей вдруг показалось, что её настоящий дом — это не крыша, а та самая высь, что зовётся небом — не случайно же именно там живёт Солнце и оттуда прилетает дедушка Снег.

Но потом Марта подумала, что жалеть, пожалуй, не о чем. Ведь если бы она поднялась высоко-высоко, то не увидела бы оттуда Витю! Да и Старую сосульку, а ведь она к ней уже привязалась.

С той поры всё пошло своим чередом. Солнышко с каждым днём всё больше припекало. А Мороз совсем разленился. Не хочет морозить, и всё тут!

Расплакались сосульки — растаять боятся. И Марта туда же — нет-нет, да и уронит слезу. «Что, — думает, — я в своей жизни сделала? Провисела на крыше льдистой морковкой, и всё! Вот растаю, и следа от меня не останется!» Так крепко задумалась, что даже не сразу поняла, что внизу делается.

А там — хорошенький котёнок! Прижался к стене дома, точно спасения у него ищет, а на него огромная псина нападает — того и гляди разорвёт.

Испугалась Марта за усатого-полосатого. Ведь некому его спасти — днём во всём доме один Витя остаётся. Остальные в школе да на работе.

Вдруг подъездная дверь хлопнула. «Наверное, — подумала Марта, — кто-то всё-таки дома остался!» Смотрит, а это Витя! Причём на своих ногах! На костыли опирается, правда, но так раньше он и на костылях ходить не мог!

Доковылял Витя до котёнка, протянул руку, чтобы взять его, а собака возьми и схвати его за руку.

Что делать? Не оставлять же Витю в беде!

Забыла Марта, что у неё ни рук, ни ног нет, дёрнулась что есть силы, а крыша её не отпускает — крепок лёд ещё! Обратилась Марта к Солнышку, чтобы растопило лёд, что к крыше её приковал, но

только так, чтобы другие сосульки не растаяли. Услышало её мольбу Солнышко, направило свои жаркие как огонь лучи туда, куда нужно. И тут же Марта полетела вниз.

Приземлилась она, как и хотела, прямо на собаку. Та от неожиданности аж на месте подпрыгнула, а потом как пустится наутёк — только её и видели!

Вот так сосулька Марта спасла неправильного сосулькоеда Витю. Никто из её сестёр, кроме Старой сосульки, так и не понял, зачем она так поступила. Весь день сосульки оплакивали её, а вечером дружно попадали вниз. Только Марты там уже не было! Солнышко, видя её доброту, растопило её и превратило в облачко пара, а Ветер понёс это облачко ввысь.

И чем выше поднималась Марта, тем явственнее ей казалось, что небо и есть её настоящий дом. Не случайно же именно там живёт Солнце и оттуда прилетает дедушка Снег, и от этого она чувствовала себя очень счастливой.

А как же Витя? Неужели Марта по нему не скучала?

Очень скучала. Поэтому в один тёплый майский день во дворе Витино дома появилось презабавное облачко. Сначала оно прильнуло к окошку Витиной комнаты, а найдя её пустой, стало, словно потерявший хозяина щенок, носиться по двору. И только увидев Витю — он, здоровый и счастливый, гонял мяч с ребятами, — облегчённо вздохнуло, перекувыркнулось и закружилось в прекрасном облачно-небесном танце!

НУЖНАЯ БУКВА

Как-то раз пригласила буква Ё своих соседок Е и Ж на день рождения. Те пришли, да не с пустыми руками, а с подарками: Е шарф принесла, а Ж — варежки. Расцеловались. Ё, как хлебосольная хозяйка, гостей за стол усаживает. А там чего только нет: и картошечка печёная, и селёдка под шубой, и паштет печёночный, а воды кипячёной — вообще сколько хочешь — вон он, самовар, на столе пытит, гудит, горячится.

Сели. Ж ест да нахваливает. Дескать, какая ты, Ё, умница-разумница. Самая из нас молодая — двести лет всего стукнуло, а какая хозяйка!

А Е молчит, точно язык проглотила.

— Ты что всё молчишь? — не выдержала Ж. — Али не согласна со мною?

— Ну почему ж? — отвечает Е. — Хозяйка она хорошая, спору нет. Но вот люди её не очень-то уважают. Вместо неё меняшают!

От таких слов у именинницы лицо краской залило, на глазах слёзы выступили.

— Ты что ж говоришь такое, Е? — возмутилась Ж, потом помолчала немного и добавила: — Хотя это не ты, это в тебе зависть говорит!

Тут и Е покраснела. Ну какой после этого праздник? Засобирались гости домой. Ж всё Ё успокаивает да извиняется перед ней, а Е всё бочком да молчком.

Ушли, даже чаю не попили. Посидела Ё, погрустила и решила прогуляться. Выходит на улицу, а там белым-бело — пока она соседок потчевала, в город зима пожаловала! Натянула Ё новые варежки, воротник пальто запахнула — без шарфа-то холодно (не стала она подарок Е надевать, уж больно обидно ей было), и побрела по заснеженным тропкам-дорожкам.

Шла-шла, смотрит — люди толпятся. Волнуются, руками размахивают, выкрикивают что-то. Подошла узнать, что случилось, а это, оказывается, из-за неё такой сыр-бор! Собрались равнодушные в день её рождения и спорят, нужна она или нет. Одни говорят — да, а другие — нет. И так спорят, что того и гляди в драку кинутся. Испугалась Ё, чего доброго и ей достанется, отошла подальше, стоит, слушает.

Вдруг один старичок — вся грудь в орденах — говорит:

— Я вам сейчас объясню, зачем буква Ё нужна!

Тут Ё и узнала, что во время Великой Отечественной войны вместо неё сначала Е писали. Из-за этого, бывало, путали населённые пункты и срывали целые военные операции! Тогда букву Ё вернули на военные карты и вообще в русский язык!

Потом люди говорили что-то об историке Карамзине, который первым стал писать Ё в своих работах, о московской типографии, первой напечатавшей книгу с буквой Ё, в 1796 году это было, о писателе Аксёнове, любившем Ё, и шахматисте Алёхине, её не любившем, и много ещё о чём. Ё с упоением их слушала, но ветер, забиравшийся к ней под воротник, всё настойчивее советовал ей ступать домой. А тут ещё и горло заболело!

Делать нечего, побрела она назад. Еле-еле дошла, снегу-то по колено намело. Смотрит, а у двери её Е с виноватым видом поджидает. Поняла та, что не права была, зря соседку обидела, пришла прощения просить. А Ё, пока гуляла, её уже и простила — не могла она долго зла на близких держать. Обнялись они, позвали Ж и пошли чай с мёдом пить — простуду лечить.

Вот так и закончилась эта история. Хотя, пожалуй, не совсем так! Через несколько лет на том самом месте, где Ё на спорщиков наткнулась, горожане в её честь монумент поставили. Чтобы уже никто не сомневался, какая она нужная буква!

Часть 2

Алексей МАЛЫЦЕВ

СВЕТ ЗАБЛУДИВШЕЙСЯ ХАНДРЫ

Её величество Хандра
 пришла ко мне позавчера.
 Явилась, села на тахте...
 Как будто фары в темноте,
 зажглись коленки...
 В свете их
 я растерялся, я притих.
 Она ж, как будто вспомнив что-то,
 зашелестела, как банкнота,
 вечерним платьем в тишине:
 — Привет, поэт.
 Иди ко мне!
 Где у тебя тут «ян», где «инь»?
 Я заблудилась,
 ты прикинь!
 Вы, стихоплёты, без меня
 не проживёте и полдня,
 вы рухнете, как Древний Рим...
 Ну что, земля, похандрим?
 Мы с ней хандрили как могли —
 ни слов, ни чувств не берегли.
 На потолок и на простенок
 её ксеноновых коленок
 неясный свет всю ночь метался...
 Хандра исчезла,
 свет остался.
 И виден мне до сей поры
 свет заблудившейся Хандры.

Алексей Васильевич МАЛЫЦЕВ родился 20 октября 1961 года в городе Усолье Пермской области, ныне Пермского края. Окончил Пермский государственный медицинский институт (1985). Работал по специальности. В настоящее время трудится в ЗАО «Новомет-Пермь». Первая творческая публикация относится к 1986 году. Первый поэтический сборник вышел в 1995 году в Перми: «Траектория». Издавался в Москве, Перми. Автор более десятка книг — поэзии, детективов, мистики. В качестве сценариста сотрудничает с центральными телеканалами. Член Союза писателей России (1999). Лауреат литературной премии правительства Кировской области им. Н. Заболоцкого (2013). Кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Живёт в городе Перми.

Елена ДОЛГОВА,
Артём КОЗЛОВСКИЙ

НОЧНАЯ ПОГОНЯ. Рассказ-хоррор

1. Рассказ неизвестного

Я узнал, что Тимур исчез, ровно в полдень. Стоял ветреный и холодный декабрь, метель накрыла Астану, и ледяная крупа била в лицо. Снег с дороги сгребали машинами, их яркие мигалки сверкали сквозь пелену метели. В полдень Анара-апай позвонила мне на сотовый, он звякнул коротко и словно бы хрипло, я же стоял, повернувшись спиной к ветру, и слушал в трубке её сбивчивый голос.

— Тимура нигде нет. Да, в пятницу его видели в последний раз.

— Куда уехал, с кем?

— Говорил, что с друзьями на их джипе, на охоту, на выходные, по трассе на Кокшетау.

Мы поговорили пять минут. Анара-апай, казалось, немного недоговаривала. Тогда я сам заехал к ней, забрал ключи от комнаты Тимура и обещал помочь. Помню, как поднимался по чужой лестнице, в подъезде стояла полутьма, ключ коротко щёлкнул в замке...

Я осмотрел мебель и вещи, проверил все укромные уголки, но поначалу не нашёл ничего странного — ни следов драки, никаких подозрительных предметов. На столе осталась чашка с холодным недопитым чаем, здесь же валялись исписанный фломастер, конспект лекций по математике, старая флешка без колпачка и смятая квитанция с неразборчивой датой. Квитанцию выписал магазин, который носил странное название «Самая надёжная техника».

Квитанцию и флешку я сунул в карман, закрыл комнату, снова спустился по гулкой лестнице, ненадолго окунувшись в метель, и снова завёл машину. «Надёжную технику» точно следовало посетить, и я сделал это, потому что надеялся отыскать хоть какую-то зацепку.

Магазин оказался комиссионкой, которая торговала техническим хламом — устаревшими смартфонами, видеокартами сомнительной годности, на почётном месте в стеклянной витрине застыли «почти новые» процессоры, покрытые тонким слоем пыли.

— Покажите мне вот это... — попросил я девушку с тонким, бледным лицом и сердитыми тёмными глазами, протягивая квитанцию.

Елена Владимировна ДОЛГОВА родилась 24 апреля 1964 года в городе Соликамске Пермской области. Окончила электротехнический факультет Пермского политехнического института (ныне — Пермский национальный исследовательский политехнический университет — ПНИПУ), после чего занималась исследованиями в области технической кибернетики и искусственного интеллекта; доктор наук. В настоящее время работает в ПНИПУ: профессор кафедры информационных технологий и автоматизированных систем. Член Союза писателей России (2005). Известная писательница-фантаст. В жанре фантастики впервые выступила в 2001 году. Автор более десяти книг, в основном вышедших в московских издательствах. Кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Живёт в Перми.

Артём КОЗЛОВСКИЙ работает заведующим Лабораторией физики твёрдого тела в Институте ядерной физики МЭ РК (Нур-Султан, Казахстан). В свободное от работы время увлекается фантастикой, аналитикой и коллекционированием.

— Откуда у вас квитанция? — недоверчиво бросила она, и я спокойно, твердо солгал, придумав историю про заболевшего друга.

— Продавать передумали? Без паспорта всё равно не отдам, — категорически отрезала продавщица, но, тем не менее, нехотя показала мне навигатор. Он был незнакомой модели, или, возможно, в тот смутный миг я забыл эту модель.

— А вы купите его для себя, — предложила девушка. — Хорошая вещь, совсем новая. Этим утром принесли, если сейчас не возьмёте, другие заберут.

Я «поверил» и приобрёл сомнительный навигатор. Тимур, возможно, был жив и здоров, если это он с утра появился в комиссии.

Уже дома я внимательно разглядел купленный прибор, сенсорный, компактный и прочный, с возможностью не только проложить маршрут, но и вести съёмку. Навигатор и видеорегистратор с несколькими камерами — вещь действительно оказалась стоящая. Только вот почему Тимур от неё избавился? Деньги нужны?

Декабрьский короткий день клонился к вечеру. Метель стучала в стекло. Следовало, пожалуй, позвонить Анаре-апай, успокоить её, но в глубине души я понимал, что делать это пока рано. В моей практике частных расследований случалось всякое, и квитанция мало что доказывала: не факт, что навигатор в «Надежную технику» парень продал сам. Исчезнуть он мог по самым обычным причинам, например заночевал в степном ауле, где нет сотовой связи, только вот как тогда навигатор вернулся в Астану? Если Тимур сейчас в городе, зачем прячется от матери? Купить дорогой навигатор, один раз покататься с ним и продать за бесценок — странное решение.

Внезапно я понял, что, вопреки обещанию, не хочу ввязываться в это дело. Мыслишка так себе, некрасивая, я прогнал её и проверил нестёртые записи в памяти прибора. Маршрут там был только один — от Астаны до какого-то аула вдоль по трассе. Поездка в одну сторону, отметка о прибытии не стоит. Получается, что до цели джип не доехал, обратно не вернулся, или вернулся, но уже без этого навигатора.

На улице совсем стемнело. Что-то почти живое ударило в окно — то ли кусок снега с крыши, то ли оторванная ветром ветка. Это нечто царапнуло, прошуршало по стеклу, шлепнулось на подоконник и свалилось вниз. Я почему-то поёжился — холод, ветер, и бешеный ритм последних дней нагоняли мутную усталость.

Видео с регистратора я, прежде чем смотреть, перенёс на компьютер.

Поначалу машина в обычном темпе ехала по Астане, хорошо просматривался «новый город» и его широкие, ярко освещённые улицы. Я узнал место возле национальной библиотеки, через некоторое время — мост, в кадре статуя архара. Дальше — старые постройки ещё советских времен, ограда завода или ТЭЦ. Опять дома, джип притормозил, остановился, кто-то вылез наружу. Тимур?

Я ненадолго задержал кадр. Безусловно, на видео был Тимур — может быть, слегка осунувшийся, но с виду уверенный. Из невзрачного домика ему навстречу вышел другой парень, их губы двигались в безмолвном разговоре. Мне позарез был нужен звук, внезапно он раздался, словно кто-то невидимый исполнил моё невысказанное желание.

— Салам! — это слово едва пробилось сквозь шум двигателя и помехи.

— Здорово, Баха! Тоже едешь?

— Да, Серый обещал хорошую охоту. В прошлый раз кабан вырвался.

— Больше не вырвется!

Оба парня залезли в джип. Звук снова заглох, видео тоже обрвалось, похоже, кто-то на время отключил регистратор. Через миг вернулась безмолвная картинка дороги — под колёса стлалась холодная, чистая белая равнина. Ветер гнал по ней метель, мелкий снег создавал призрачные силуэты, словно белые волки мчались сквозь пургу, и в моей тёплой комнате вдруг повеяло мертвецким холодом. Потом всё исчезло — на экране снова ровная дорога. Возможно, середина прошлого дня, и, кажется, ничего интересного.

...Я прервал просмотр и сделал себе кофе. Видео не прояснило судьбу Тимура, но всё же давало зацепку. Кто-то из людей в джипе записывал разговоры на регистратор. Кем бы ни был этот человек, он, возможно, придерживался определённой цели. Полное имя Бахи, скорее всего, Бахтияр. Но кто такой Серый? Неизвестный мне человек по имени Сергей? Предстояли не самые приятные в жизни часы — я решил просмотреть все сохранившиеся записи.

2. История пропавшей охоты, восстановленная по записям с регистратора

Метель разыгралась внезапно. Вчера вечером небо оставалось чистым, без единого облачка, и солнце опускалось за горизонт, раскрашивая его багровыми всполохами. Старики говорят, что если солнце на закате красное, значит ночью прольётся кровь. Баха забрал проводника в деревне, позвонил другу из Кокшетау — узнал, какая там погода. Тот сказал, что всё тихо, только снежок идёт.

Серый обрадовался, снег — это хорошо, на снегу видны следы. Много следов — добрая охота. Нужно гнать зверя, пока он не выбьется из сил, а потом убить.

Чёрная спина кабана промелькнула в отдалении. Загнанный зверь бежал, топоча копытами, шетина на его загривке стояла дыбом, с клыков падала пена.

— Стреляй! — неистово заорал Серый.

Грохнул выстрел, заряд без толку ушёл мимо.

— Уйдет, чёрт! Опять уйдёт!

Снова грохнул выстрел — алый фонтанчик крови взлетел в воздух, тяжёлые капли бусинами рассыпались по снегу. Раненый кабан вильнул в сторону, пытаясь всё же оторваться от погони.

— Врёшь, не уйдёшь, зверюга!

Джип мчался без дороги, его трясло на ухабах. Охнул ударившийся обо что-то Баха. Загнанный кабан бежал уже помедленней. Горячая кровь из раны всё сильнее хлестала на снег. Спустя короткое время животное пошатнулось и рухнуло набок с жалобным поросычьим визгом.

— Всё, мы взяли его!

Серый, а за ним и Тимур вылезли из машины, глотая промёрзший воздух.

Тимур закашлялся.

— Смотри, зверь шевелится!
 — Я добыю, — предложил Тимур, вытаскивая нож.
 — Ну, как хочешь, — согласился Серый, но сам с места не сдвинулся.

Маленькие глазки кабана подёрнулись мутью и остекленели.
 — Готово? — через некоторое время спросил Серый. — Тогда забираем его в багажник.

— Всё, залезаем, поехали!
 Снег снова ложился под колёса, словно бесконечное белое полотно. Метель вернулась, усилилась, создавая призрачные силуэты, в лобовое стекло неистово колотил ветер. Ещё один порыв налетел сбоку. Невероятно, но он заставил машину вильнуть, вылететь из колеи.

— Держи руль, иначе хрен потом вылезем!
 — Заткнись, без тебя знаю!
 Машина въехала в сугроб, двигатель заглох и больше на заводился.

— А красиво всё начиналось, — хмыкнул Баха.
 — Что, струсил уже?
 — Я-то? Нет. Просто ничего хорошего тут не жди. Местные говорят, что во время метели мороза не бывает, а на градуснике минус двадцать семь.

Небо, точнее та блёклая муть, которая сейчас заменяла небо, заметно посерело.

— Ночевать в машине нельзя — замёрзнем, — с непонятным равнодушием произнёс Баха.

Он словно бы и впрямь не боялся, по крайней мере говорил ровным голосом. Серый, выругавшись, застегнул куртку и вылез наружу, разбрасывая ботинками снег.

— Что там? — резко спросил Тимур.
 — Ничего. Кажется, бензин кончился.
 — Ты что, сдурел? Мы перед охотой заправились.
 — На прибор погляди. Или, если не веришь, раскрой глаза пошире и проверь бензобак — в нём, может, дырка. Бензином не пованивает?

— Точно?
 — Нет, пошутил.
 — Откуда дырка взялась?
 — А я знаю?
 Серый яростно сплюнул на снег.

— Да пошёл ты!
 — Между прочим, смеркается, — тихо добавил Баха. — А проводник о чём предупреждал? Чтобы не останавливались. Особенно если темно. Особенно если...

— Заткнись ты! — разозлившись, отрезал Серый. — Ага, верь сказкам больше, особенно про глаза в темноте.

— Нельзя было останавливаться, машина от этого в снегу вязнет, — хмуро возразил проводник, который до этого момента молчал.
 — Ты же про глаза в темноте болтал.

— Ну, предупреждал. А что — надо было молчать? Тут всякое рассказывали.

— Может, и не глаза, а темнота нам точно обеспечена. Этак через часик.

Смеркалось, действительно, на удивление быстро.

— Канистра в багажнике есть? Раз есть, тогда дырку заткнём, дозаправимся и сваливаем.

— Кабан в багажнике совсем застыл, твёрдый и ледяной.

— Сколько сейчас времени?

— Не знаю, часы встали.

— Зато ветер вроде стихает. Слышишь?

Тимур чуть отошёл от джипа и хрипло выругался, заметив широкую полынью.

— Проводник ты нас куда завел? Ещё немного — въехали бы на лёд и провалились к такой-то матери.

— Тихо, не ругайся! Беду разбудишь.

Пара косматых, грязно-белых псов крутилась у самого края воды. Невысокая старческая фигура, в тюрбане и рваной шубе, замерла неподалёку.

Тимур проглотил застрявший в горле комок.

— Саям, атай! — закричал он, обращаясь к старику. — Скажите, далеко ли до аула?

Старик обернулся. Сначала почудилось, что дед слеп — глазницы прикрывала густая тень. Потом морщинистые веки дёрнулись, открылись нечеловеческие, почти белые глаза. Сумерки внезапно придвинулись. Исчезла полынья, белые псы снова превратились в завитки метели. Раздался глубокий, низкий гул, который тут же перешёл в нечеловеческий вой. Удар, нанесённый словно бы никем, пришёлся в лобовое стекло. Когти процарапали насквозь налипший снег и со скрипом прошли по этому стеклу, оставляя глубокие царапины. Массивная и вместе с тем прозрачная фигура появилась из мглы.

Кто-то закричал, наверное проводник, а может быть, Баха.

Через миг раздался выстрел, но фигура даже не качнулась, лишь моргнула глазами и шагнула поближе.

Ещё через миг наступила абсолютная тьма — кто-то выключил регистратор.

3. Рассказ неизвестного. Продолжение

Я просмотрел запись до конца и долго сидел, прислонившись спиной к стене и слушая унылый шум ветра за окном. По лопаткам гулял липкий холодок. Последние минуты «фильма» вызывали ощущение неотвратимой опасности. С кем бы ни столкнулись охотники тем вечером, они, по всей вероятности, были уже мертвы.

А если нет?

Кто-то доставил регистратор в Астану. Если парня не нашли ни в больницах, ни в моргах, значит он до сих пор в степи, или живой, вернулся в город, но домой не пошёл.

Я вытащил из портфеля старую флешку Тимура и тщательно проверил её содержимое.

Ничего интересного для меня, кроме нескольких фотографий одной и той же светловолосой девушки. Найти в сети её лицо, а потом имя, электронный адрес и даже номер телефона для профессионала оказалось не сложно.

Трубку долго не брали, в моём ухе неотвязно звенела одна и та же заменившая гудок мелодия:

Айс, айс беби.

Я буду тебя любить даже на небе.

— Алло, кто это? — в конце концов нехотя ответил девичий голос.

— Настя?

— Ну да, Настя. А вы кто?

— Я друг Тимура. Он сейчас не с тобой?

— Нет, не со мной.

— Тимур пропал. Нам нужно поговорить.

Она не удивилась, и, кажется, не расстроилась, согласилась встретиться в кафе, но неохотно, вроде бы с ленью.

Через час мы сидели за одним столиком. Большой телевизор под потолком показывал один тот же бесконечный клип. Настя смотрела на него поверх моего плеча. В её светлых, почти ледяных глазах мелькали крошечные искры.

— Так ты Тимура видела на днях?

— Нет, не видела.

— Точно не знаешь, где он?

— Не знаю. Зайдите в книжный магазин, может он там бродит.

— Настя, возможно, ты что-то от меня скрываешь? Пойми, всё это очень серьёзно.

— Ничего не скрываю, и вообще — мне идти пора.

Она отвела взгляд от экрана, уголок яркого рта чуть дрогнул.

— Настя...

— Да отстаньте! Думаете, я его прячу?

Она резко отодвинула стул, собираясь уйти, но потом остановилась.

— Хотите посмотреть, что я написала Тимуру полмесяца назад?

— Если ты не возражаешь, — отозвался я осторожно.

— Не возражаю, читайте, вот тут копия — она небрежно протянула мне свой смартфон, и я прочитал:

Привет.

Может быть, ты разозлишься, но я встретила другого парня. Он тот, который мне нужен. А ты ещё отыщешь девушку, которой понравилась, а мы слишком разные. Прости.

— Он что-нибудь ответил?

— Ничего.

— Встретиться пытался?

— Да нет! Понимаете — не нужен мне этот фрик. Думаете, он сильно горюет? Да ему пофиг! Хотите знать про него всё — спросите Серого, Баху, ещё лучше — покатайтесь по аулам, там его дружки. А ко мне больше не лезьте!

На нас начали оглядываться. Настя спрятала смартфон и пошла к выходу из кафе, сердито стуча каблуками по плитке пола.

Совет, который она дала, был не так глуп, и спустя час после разговора я мчался по трассе на Кокшетау, подключив навигатор Тимура к своей собственной машине. Что толкнуло меня на это, отчаянное любопытство или обычное отчаяние — в точности не знаю. Рядом лежал прихваченный на всякий случай карабин, из колонок

неслось уже знакомое: «Айс, айс беби...» Песня, похоже, прицепилась ко мне намертво.

Мысли путались, они утратили привычную ясность. Несмотря на недавний буран, трасса казалась чистой. «Печка» работала вовсю, но стёкла уже начал затягивать иней. Маршрут шёл в сторону от дороги, я следовал ему, пользуясь навигатором наверняка уже мёртвого Тимура, хотя колею их проклятого джипа давно занесло.

Возможно, это было сумасшествие и мне следовало вернуться в Астану. Возможно, я уже потерял эту трассу и просто гнал наугад. Меня охватил страх и одновременно нервное возбуждение — жар и холод одновременно.

Дорога сделалась хуже. Местами попадались ямы. Где-то в стороне среди снега мелькнуло красно-бурое пятно заледеневшей крови. Тел рядом не оказалось, и я погнал машину дальше. Не помню, сколько прошло времени, усталости не было, исчезла даже способность испытывать страх.

Разглядеть брошенный джип удалось не сразу. Он застрял в сугробе, словно врезался в него на полном ходу. Рядом — небольшое застывшее озеро, там под тонким льдом — чёрная глубина, в нескольких метрах от берега — горячий источник, над полыньёй — лёгкий пар. Берег истоптан, следы в основном человеческие и птичьи. Я осторожно выбрался из машины. Близ самой воды колыбалась чёрная масса. Точно мертвец? Вблизи я сообразил, что это на самом деле...

Замерзшие насмерть голуби и кучка ворон-трупоедов. На снегу обрывки мяса и серые изломанные перья. Заметив меня, птицы хлопали крыльями и взмыли в ненастное небо.

— Что здесь делаете, агай?

Голос раздался внезапно, я вздрогнул и резко обернулся.

За моей спиной топталась неясно откуда появившаяся девчушка лет двенадцати, одетая во взрослый полушубок, повязанная платком так, что виднелись лишь глаза и нос.

— Друзей своих ищу, вон там — их джип.

— Джип? Это что? — спросила она растерянно.

— Машина. Та, которая в сугробе.

— А-а-а... Шайтан-арба! Вы друг тех двоих странных агашек? Они у моего дедушки, Алишера-аты.

— Покажешь, где он?

Девочка кивнула. Я посадил её в свою машину, и через четверть часа мы добрались до небольшого домика в ложбине.

Двускатная крыша, казалось, торчала из сугробов. Вкопанные в землю, почерневшие от времени брёвна создавали прочный забор. Внутри домишки стоял полумрак, который слегка рассеивала керосиновая лампа. Её тусклый свет позволял разглядеть дастархан, кирпичную печь, шкуры и домотканые ковры. Одну из стен сплошь покрывали пучки сушёных трав и завязанные мешочки с неясным содержанием. Меня заинтересовал шанырак — круглый, украшенный косичками диск, который свисал с потолка. Дальнюю стену украшали старая берданка и пара кинжалов. Дверь во вторую комнату скрывала плотная занавеска, в углу я заметил шаманский бубен.

Алишер-ата оказался невысоким и крепким старичком в тубейке и одежде ручной работы. Нос у него был когда-то переломан,

правую сторону морщинистого лица пересекал старый, побелевший шрам. Девочка исчезла, шмыгнув в соседнюю комнату.

— Салам, Алишер-ата.

Он прервал своё монотонное бормотание, в радужках узких чёрных глаз сверкнули и исчезли светлые точки.

— Ждал я, что кто-то придёт, — сказал он и добавил обращение по имени. — Смелый и настойчивый — это хорошо. Городской — это плохо. Не знаешь, не чувствуешь, ходишь как попало. Пришлось за тобой внучку посылать.

Он не мог знать моего имени, но я постарался не показывать удивления.

— Зачем у проруби топтался? Зачем наугад по степи бродил?

— Я не наугад — по навигатору.

— Да, по шайтан-коробке! Смерти, видно, ищешь, — добавил старик.

— Друзей ищу.

— Не друзья они тебе, но всё равно хорошо, что явился. Двоих можешь забрать, здесь они. Нездоровы, поморожены, немного побиты, живые. Ещё один утонул. Последнего, за которым ты на самом деле явился, здесь нет. Он в город ушёл, беду туда понёс.

Шаман говорил спокойно, как-то бесконечно устало.

— Кто ребят избил — местные?

— Лишнего не думай, не люди.

— Звери напали?

— И не звери. Сиди спокойно и слушай, на ночь можешь здесь остаться. А если слушать не умеешь — забирай своих «друзей» и уезжай прямо сейчас, пока светло.

Я не колебался ни секунды и остался в полутёмной комнате, увешанной по стенам травами и волчьими шкурами.

4. История пропавшей охоты со слов Алишера-аты

Баха, потеряв сознание, сполз на снег, скользя по машине спиной. Карабин вывалился из оцепеневших рук. Поодаль лежал огромный убитый пёс, выстрел попал ему прямо в пасть, расколов клыки и расплескав мозг по снегу. Двухное существо, отдалённо похожее на человека, с глазами как сверкающие блюдца, захохотало и шагнуло ближе. Тварь развела руки, а затем резко сдвинула их. Раздался хлопок, из ладоней вырвался ледяной смерч, устремился к Бахе, окутал его и повалил на снег.

Серый и проводник отступали к деревьям, вокруг них с рычанием кружил ещё один пёс. В ружье у Серого оставался последний патрон. Проводник потратил боеприпасы и свою двустволку держал теперь как дубину.

— Каш-ш-ш! — прошипела тварь.

Пёс послушно развернулся и отошёл назад.

— Слабые люди... Им не победить Аяз...

Слова звучали разборчиво, но странно — как будто пыталась говорить собака.

— Да пошёл ты, — буркнул Серый оледеневшими губами. — Мутант хренов.

— Я же тебе говорил про глаза, — дрожащим голосом зашептал проводник. — Теперь хотя бы не зли его.

— Он кто — местный псих?

— Джинн. Мне старики про него говорили, а я, дурак, не слушал.

— Аяз — повелитель буранов и стужи, — тем же самым лающим нечеловеческим голосом сообщило существо.

Метель вилась вокруг него, ластилась и стелилась под тяжёлые ноги.

— Надо бы его убить, — сдавленным шёпотом предложил Серый.

— Это он тебя может прихлопнуть, а ты его — нет. Только последний из шаманов может прогнать эту дрянь. Давай, отступаем.

Тьма сгустилась. От холода, казалось, вот-вот треснет на щеках кожа. Снова раздался нечеловеческий рык.

— Ну всё, мне конец! — обречённо заявил проводник.

— Взять! — раздался сквозь пургу хриплый голос.

Белое в белой метели мелькнуло ловкое тело зверя, встречный удар приклада пришёлся мимо, передние лапы пса толкнули проводника в грудь, тот рухнул навзничь и скользнул в сторону проруби. Лёд по краю затрещал, крошась и ломаясь, Серый заорал без слов, когда проводник утонул в чёрной воде.

Выстрел Серого пропал зря, не причинив видимого вреда, снежный пёс развернулся и пошёл на человека, вынуждая пятиться. Нога не отыскала опоры, и Серый, нелепо взмахнув руками, тоже свалился в воду. Баха не мог ему помочь — он лежал без сознания, весь в инее и белый.

Джинн тем временем развернулся и зашаркал к машине, пёс, казалось, успокоился и, опустив хвост, побрёл следом. Тимур молчал, сжимая оцепеневшими руками карабин.

— Чего тебе? — сильным голосом спросил он.

В этот миг луна вдруг вышла из-за облака, мертвенно высветив и снег, и прорубь, и груды замёрзших возле неё голубей. Там, где под лёд ушёл проводник, плескалась чёрная вода. Серый кое-как выбрался, но лежал грудью на льду и не двигался. Кровь возле расстрелянного пса исчезла, вместо неё там валялись обычные куски льда.

Джинн улыбнулся, в глаза-блюдцах полыхнул холодный огонь.

— Боишься меня? Боишься...

— Я же спросил, чего нужно. Просто попугать?

— У тебя внутри холод, как у меня. Не бросился друзей защищать.

— И что? Ребятам уже не помочь, пули тебя не берут.

— Шибко понятливый. Ты мне нравишься. Зови меня просто — джинн Аяз.

— Джиннов не бывает, — криво усмехнувшись, буркнул Тимур.

Несмотря на стужу, по спине стекал пот. Оцепенение сменилось слабым интересом.

Лицо Аяза приблизилось вплотную. Он больше не казался ужасным, скорее запредельно чужим. Вьётся длинная седая грива, в раскрытой пасти сверкают ледяные клыки, шевелится толстый язык...

Дыхание твари отдавало чистой стужей.

— Когда-то мы правили миром, и люди нам поклонялись. Потом набрались смелости и силы, перестали чтить. Многие джинны смирились, другие боролись.

— Да? И чем же всё закончилось?

— Была великая битва и великое поражение. Люди нас изгнали, но уничтожить не смогли.

— Всей компанией сбежали, значит.

Тимур попытался усмехнуться и понял, что мышцы лица коченеют. Глаза демона заслонили всё — ночное небо, заснеженную степь, даже саму тьму.

— Ты прав... другие бежали, но я вернулся... чтобы получить назад... мою власть.

— Крутая у тебя власть, ничего не скажешь — убийство трёх простых пацанов.

— Это только начало...

— А продолжение какое — заморозишь заодно меня?

— Может быть, да, а может быть, нет... Мир изменился... и вы, людишки, переменились. Ты хорош, в тебе есть злость, а в душе есть тьма. Моё тело слишком старо, оно износилось.

— Да пошёл ты... Решил, как в кино, сделать меня оболочкой?!

— Нет-нет... ты будешь проводником. Твои знания, моя мощь... Хочешь играть людишками? Хочешь держать в руках чужую жизнь?

Тимур проглотил застрявший в горле комок.

— На хрена мне такое! Я не псих.

— Но ты же хочешь.

— Чего?

— Мести.

Тимур замер, глаза джинна отодвинулись. Мелькнул кусок неба и мутная луна.

«Боль, унижение, камень на душе... Всё уйдёт в прошлое. Настя со своим новым парнем... Она поймёт, насколько ошиблась».

— У меня девушка, друзья, мать в Астане ждёт, — пробормотал он, уже понимая слабость оправданий.

— Забудь про друзей. Девушка больше не твоя, мать — только смертная женщина. У тебя будет всё: могущество, бессмертие, месть любому, кто тебя обидел.

В глазах Аяза больше не было ничего ужасного — только лёгкая тоска и бесконечное, нечеловеческое знание. Тимур перевёл дыхание, не ощутил стужи. Напротив, ему казалось, будто снежные искры приятно согревают.

— Что я должен сделать? — помедлив, спросил он.

5. Рассказ неизвестного. Окончание

— Значит, он встретился с кем-то, кто называл себя джинном, а потом заключил с ним соглашение? — спросил я у шамана с изрядной долей иронии.

Тот кивнул.

— Мои предки всегда боролись с этим злом, — добавил он устало. — Умение переходило от отца к сыну, от деда к внуку, а теперь только внучка осталась. Мир изменился. Не знаю, что делать. Ты городской. Может, найдёшь парня, остановишь?

— А если я не хочу? Если не верю в эту историю?

— Подумай. Время пока есть. Немного.

...Я остался ночевать в домишке Алишера-аты и убрался оттуда лишь ранним утром, заодно подбросив до Астаны Сергея и Бахтияра. В синяках и простуженные, они, к моему удивлению, мало что помнили.

— Ну ни хрена себе! — возмущался Серый. — Тимурка, значит, бросил нас у деда, а сам свалил на попутке. Я же говорил, чтобы добивали кабана! Зверь очухался и меня в прорубь сбросил. Проводник сбежал. За такую работу надо не деньги платить, а морду бить. Я из-за него до трупов промок.

Баха просто сидел сонный.

Оба они верили, что проводник жив, верили до такой степени, что убедили бы и меня, если бы я сам не видел тело несчастного парня, выловленное стариком из проруби. Очевидно, какая-то милосердно наведённая иллюзия вытеснила из памяти ребят события той страшной ночи.

Что ещё сказать?

Мы спокойно добрались до Астаны. Назавтра предстояло тяжёлое объяснение с Анарой-апа — следовало посоветовать ей обратиться в полицию.

Навигатор Тимура я скрыл ото всех, даже от полиции, и забрал себе на память. Зачем он сдал его в «Надёжную технику»? Не знаю, возможно, не удержался от последних оправданий, обращённых к случайному человеку. Пытаясь пересказать вслух собственную беседу с шаманом, я обнаружил удивительный эффект — слова застревали в горле. Теперь зимними вечерами я иногда вижу глаза джинна Аяза, но про это лучше помалкивать. Я до сих пор надеюсь, что Тимур когда-нибудь вернётся к матери, хотя надежды на это мало. Иногда мне кажется, что наша главная встреча с ним ещё впереди. Что касается истории о ночной погоне — это, наверное, всё.

6. ЕЩЁ НЕ КОНЕЦ

Звонок дребезжал надоедливо и долго.

— Кто там ещё? — сонно поинтересовался Андрей. — Какого уroda принесло ночью?

— Откуда я знаю, — тоже сонно ответила Настя, прижимаясь к парню плечом. — Сходи, прогони.

— Сейчас разберусь. Эй, резвый, кончай трезвонить!

Звонок не стихал. Дверная ручка вдруг показалась Андрею ледяной. Он взялся за неё и отдёргнул руку.

— Ух ты, даже пальцы прилипли!

Он с удивлением посмотрел на сорванный кусок кожи и свежую струйку крови. Потом, обернув ладонь футболкой, с трудом открыл замок и распахнул дверь. На пороге замер парень в лёгкой, не по погоде, куртке. Лицо он прятал под капюшоном, но взгляд каким-то странным образом пронзал Андрея насквозь.

— Позови Настю.

— Слушай, а ты кто такой?

— Дорогой, что у вас там делается? — донеслось из комнаты.

— Зая, тебя какой-то фрик спрашивает. Дать ему в морду?

— Не надо в морду. Тимур, это ты пришёл, что ли? Слушай, я даже не вылезу из кровати, спать уже легла. Кстати, твоя мама нервничает, а тебя частный детектив ищет, он все мозги мне загадил.

— Знаю, не беспокойся. Я срочно уезжаю, принёс вот подарочек на прощанье.

— Что за подарок?

— Пакет, в нём книжка по мифологии. Про джиннов.

- Спасибо, я такое не читаю. Фу...
- Тогда отдай тому самому детективу. Он обрадуется.
- Слушай, ты что, ради этого ночью ломился в квартиру? Оставь свою книжку в прихожей и уходи... Андрей, запри за ним дверь!
- Он твой бывший, что ли? — спросил Андрей, вяло отметив про себя, что теперь не только дверная ручка, но и вся створка двери почему-то покрылись инеем.
- Какой бывший? Убогий дальний родственник. Ой, я что-то сильно мёрзну...
- Сейчас, согрею тебя, зая...

—...Айс, айс беби, — пробормотал Тимур, поднял голову и посмотрел на окна их квартиры.

Стёкла уже взялись ледяными узорами изнутри. Мёртвые обледеневшие тела Насти и Андрея найдут, пожалуй, не раньше понедельника.

- Прощай... — буркнул он, развернулся и побрёл по улице. Рядом скачками бежал огромный белый пёс, который не признавал ошейника.

Мороз крепчал. Ветер усилился, ледяная крупа била в лицо.

Олег ЧЕРНЯК

МУЗА. Рассказ

Порядок в холостяцкой квартире Василия Семёновича навела домработница тётя Маша. Приходила по субботам и ворча принималась за уборку. Первым делом она собирала по комнатам носки, потом разыскивала трусы, обнаруживая их то под подушкой на кровати в спальне, то под ванной. С грязными рубашками было проще: Василий Семёнович бросал их всегда в одно и то же место — на кресло-качалку в гостиной.

К пятидесяти годам Василий Семёнович прекрасно сохранился — ни намёка на основные атрибуты возраста вроде лысины или животика. Он никогда не истязал себя спортивными нагрузками, но при этом фигура у него была как у бывшего гимнаста. Две параллельные морщинки между широкими бровями придавали лицу выражение мужественности и философской мудрости одновременно. Но душа, застрявшая в романтическом возрасте, периодически требовала приключений, и именно поэтому он порой попадал в нелепые ситуации, из которых, правда, с честью выпутывался.

— Жениться тебе пора, Семёнович! — выговаривала тётя Маша хозяину, загружая грязные вещи в стиральную машинку. — Хотя какая баба это выдержит? Это же кошмар какой-то! Мужик видный, а такой неряха!

Закончив уборку, уже стоя в коридоре, она надела перевязанные синей изолентой очки и пересчитала полученные от Василия Семёновича смятые купюры. Спрятав деньги в сумку, она произнесла сакраментальную фразу:

— Ничему тебя прошлая семейная жизнь не научила!

«Вот тут ты, тётя Маша, не права», — подумал Василий Семёнович.

Пятнадцать лет семейной жизни научили его выпивать натошак стакан тёплой воды для запуска организма, не есть после шести вечера, отказаться от любимых свиных отбивных на жареной косточке и от хрустящей картошечки фри. А ещё семейная жизнь научила выносить мусор, выбивать ковры, не курить в квартире, не ходить по сырому, только что вымытому полу и опускать крышку унитаза. Поэтому, как только бывшая жена крикнула напоследок: «Живи как хочешь, бездарная личность!», вытащила из квартиры последний чемодан со своими вещами и громко захлопнула дверь,

Олег Аронович ЧЕРНЯК родился 18 июня 1961 года в городе Перми. В 1976 году окончил восемь классов физико-математической школы № 9, поступил в Пермский строительный техникум на специальность «Промышленное и гражданское строительство». В 1980 году принят по распределению на работу инженером технического отдела в Пермское отделение Стройбанка СССР. В 1989 году завершил обучение в Пермском политехническом институте. Работал на промышленных предприятиях города Перми. С 2004 года перешёл на работу в систему образования, в настоящее время — директор МАOU «Центр образования Индустриального района города Перми». Автор пяти книг, вышедших в издательстве «ОТ и ДО». Лауреат премии им. А. Мерзлякова (2019). Член Союза писателей России (2018), член Союза русскоязычных писателей Израиля (2018). Живёт в городе Перми.

Василий Семёнович почувствовал, что ему стало удивительно легко и свободно. Он отыскал в шкафу старую пепельницу, взял сигареты, зажигалку и зашёл в спальню. Растянувшись на кровати, снял носки, прицелился и забросил их на люстру. Зажмурился от удовольствия и, наслаждаясь тишиной, закурил.

С уходом жены исчезли и ненавистные обязанности, отнимающие кучу времени.

Вняв совету теперь уже бывшей супруги, Василий Семёнович начал жить, как хотел.

Первым делом он избавился от правил: жарил мясо и поедал его, когда хотел, без оглядки на время суток, а если что и пил на голодный желудок, то пиво, и то редко, только если накануне перебирал с коньячком в компании главного редактора издательства, в котором работал корректором. Он и сам пописывал небольшие заметки и, как любой начинающий автор, задумывался о романе. Не о служебном, не о курортном и, не дай бог, о военно-полевом, а о литературном произведении.

Как-то вечером Василий Семёнович, придя домой после работы, сел за компьютер и погрузился в раздумья. Чёткого представления, о чём он хочет написать роман, не возникало. Но желание творить было настолько сильным, что сводило зубы. Забив в поисковую строку фразу: «Где черпали вдохновение известные писатели?», Василий Семёнович с ужасом узнал, что Бодлер был членом гашишного клуба, Стивен Кинг сидел на кокаине, а Кен Кизи вообще пристрастился к ЛСД. Но такое экстремальное погружение в творческий процесс его не устраивало, надо было найти что-нибудь полегче. К счастью, на глаза попала биография Хемингуэя.

— Вот это по-нашему! — обрадовался Василий Семёнович, оделся и пошёл в магазин за виски. Выйдя на улицу, он посмотрел на часы и понял, что через двадцать минут отделы, торгующие спиртным, закроются. Можно, конечно, было тряхнуть стариной и побежать, но удержало выработанное с годами умение «не суетиться». Да и ощущение грядущего единения с известным писателем придавало степенности и величия. Был вариант поехать на машине, она стояла на ближайшей парковке, поблёскивая полированными боками. Салон был тщательно пропылесосен, панель и сиденья натёрты воском, и нарушать предпродажный лоск не хотелось.

Пару дней назад Василий Семёнович закинул на «Авито» объявление о продаже своего годовалого «Ленд Крузера». Он уже присмотрел машинку попроще и даже отдал владельцу аванс. На оставшиеся от выгодной сделки деньги Василий Семёнович планировал прикупить небольшую дачу вблизи города, чтобы всё свободное время проводить там: писать роман, курить трубку, пить ароматный чай с травами и любоваться природой.

Василий Семёнович посмотрел в небо. Начинался дождь. Мужчины на секунду замер, почесал нос и отправился в бар, пристроенный к торцу растянувшегося на квартал соседнего дома.

Он редко бывал в этом баре со звучным названием «Лира». По сложившейся с давних времён традиции здесь собирались поэты

и поэтессы. Завешенные плотными портьерами стены, жёлтый неяркий свет стилизованных под старину плафонов, с десяток деревянных грубых столов и портреты Пушкина, Лермонтова и Некрасова, висящие над барной стойкой, создавали творческую обстановку. В центре зала, освещённого одиноким прожектором, находился подиум, на котором стоял микрофон. Любой посетитель мог выйти к нему и прочитать свои стихи, сорвать аплодисменты и насладиться сиюминутным признанием собратьев по перу. К сожалению, те, кто приходил сюда скоротать вечер за рюмашкой водочки и бокалом пива, страдали неизлечимой графоманией. А находясь в обществе таких же бездарей, они чувствовали себя настоящими творцами, оседлавшими Пегаса. Частенько сюда подтягивались одинокие девы неопределённого возраста, с надеждой после двух халявных коктейлей стать музой для кого-нибудь из слагателей посредственных стихов. Главное, чтобы все дальнейшие рифмы были посвящены только им.

Василий Семёнович потянул скрипящую мощной пружиной дверь, зашёл в зал и огляделся. Несмотря на пятничный вечер, народу было мало. За столиком у стены два крепко напившихся завсегдатая боролись на руках. Они никак не могли договориться, кому из них первому в голову пришла строчка: «Я вас любил так искренно, так нежно». А считая себя людьми интеллигентными, они не имели права скатиться до драки и решили докопаться до истины с помощью армрестлинга. За столиком в центре двое пожилых мужчин что-то громко доказывали третьему. Тот был намного моложе их и пытался возражать. По красным лицам спорящих было件нятно, что дискуссия, разогретая спиртным, продолжается давно и, возможно, оппоненты вот-вот перейдут к боевым действиям.

На подиуме стоял мужчина. Закатывая глаза и дёргая концы шарфа, намотанного на шею, он читал стихи о любви улыбающейся женщине за ближайшим столом. Проникшись чувствами, видимо представляя её в своих объятиях, поэт касался губами микрофона, и поэтому часть слов превращалась в змеиное шипение. Но женщине это не мешало, она внимательно слушала и, прикончив коктейль, пыталась подцепить концом толстой трубочки кусок льда со дна стакана.

— Добрый вечер! — обратился Василий Семёнович к бармену и вскарабкался на высокий стул у стойки.

— Добрый! Чего желаете?

— Виски односолодовый, пожалуйста!

— Момент! — ответил бармен, рукой подхватил со стойки бутылку и подбросил её к потолку. Бутылка, сделав несколько оборотов в воздухе, устремилась вниз. Бармен поймал её, в один миг скрутил пробку, налил виски в стакан и подвинул его посетителю.

— Ух ты! — удивился Василий Семёнович. — В цирковом учились?

— Нет, университет окончил. Филфак.

Василий Семёнович многозначительно закивал головой, сделал глоток и спросил:

— А как здесь оказался?

— Ну не в школу же идти, за копейки себя гробить! Тут и деньги нормальные, и график работы удобный.

— Нравится?

— Так-то да. Только ежедневно слушать эту публику трудновато. Они как читать свои творения начинают, так волосы дыбом встают! Мне вообще Пастернак нравится.

Бармен поднял глаза и посмотрел на хлопнувшую входную дверь.

— Вот это да! — прошептал он.

Василий Семёнович оглянулся и увидел вошедшую в зал женщину. Держа в руке туфли и сумочку, она шла к стойке, оставляя на полу мокрые следы босых ног.

— Простите, на улице жуткий ливень, а спрятаться нигде! У вас есть помещение, где бы я могла высохнуть? Замёрзла страшно! — обратилась она к бармену.

Зубы её стучали, капли срывались с волос, догоняли друг друга и струйками стекали по лицу.

Бармен кивнул, достал из-под стойки пару вафельных полотенец, вытащил из шкафа белый поварской халат и протянул женщине.

— Идите за мной! — Он указал на небольшую дверь в углу зала и участливо сказал: — Там маленький VIP-зал, можете в нём переодеться. Я сейчас открою и включу электрокамин, посидите, согреетесь. Может быть, вам что-нибудь принести?

— Спасибо огромное, большую чашку американо, если можно! — обрадовалась женщина.

— Подождите! — вскрикнул Василий Семёнович и протянул ей стакан с недопитым виски. — Не побрезгуйте! Это именно то, что вам сейчас нужно.

— Очень признательна! — Она с благодарностью взглянула на него, взяла стакан и направилась за барменом.

Василий Семёнович провожал её взглядом.

Длинные мокрые волосы мелкими кудряшками рассыпались по плечам. Сырое платье прилипло к фигуре. Ставшее прозрачным, оно бессовестно обнажило тело, оставив на незнакомке только маленькие трусики.

Василий Семёнович почувствовал, что краснеет. Он понимал, что в сложившейся ситуации необходимо отвернуться и не разглядывать полуголую красотку, но романтическая душа сопротивлялась, рисуя в воображении возможные последствия этого знакомства.

Первые строчки романа сами по себе выстраивались в голове:

«Она была великолепна! И никакая стихия не могла испортить эту красоту: ни проливной дождь, ни шквалистый ветер, ломающий ветки деревьев, да и суровая снежная буря была бы бессильна. Её взгляд будоражил сердце, вызывал мелкую предательскую дрожь в ногах и безмолвием сковывал язык...»

«Муза, это моя муза», — подумал Василий Семёнович и обратился к вернувшемуся бармену:

— Можно я ей кофе отнесу?

— Можно, конечно.

— Отлично! — воодушевился Василий Семёнович. — Тогда ещё бутылку коньяка, пару бокалов, фрукты, какие есть, и лимончик нарежьте.

— Хорошо, только давайте так: вы несите кофе, а я минут через пять-десять принесу всё остальное, а то вы так дрожите, что, не ровён час, грохнете поднос на пол, и конец празднику!

— Годится! — Василий Семёнович взял чашку и пошёл в VIP-зал. Он открыл двери.

Женщина сидела за столом на кожаном диванчике. Два кресла она подвинула к включённому камину. На одном сушилось раскинутое платье, на другом лежала напрочь промокшая, потерявшая форму сумка и туфли с отклеившимися стельками. На одной туфле был сломан каблук.

— Простите, бармен разрешил принести вам кофе. Может, разрешите составить вам компанию? — спросил Василий Семёнович и поставил перед незнакомкой источающую пар чашку.

— Конечно, присаживайтесь. Буду рада!

Он уселся напротив и опять начал разглядывать её: лет тридцать пять, лицо гладкое, без морщин, кудряшки чёлки нависли над большими карими глазами, прямой нос, припухшие, словно контуром обрисованные губы, ровная высокая шея с маленькой родинкой у ключицы. Узкий белый халат сильно обтягивал плечи и грудь, поэтому три верхние пуговицы были расстёгнуты, создавая глубокое декольте, от которого Василий Семёнович не мог отвести глаз.

Он почувствовал, что опять краснеет, а в голове появились новые строчки:

«Из-за неё вот-вот начнётся кровопролитие. По указу короля глашатаи объявляли начало турнира. И эта женщина могла достаться только победителю — как приз сильнейшему из сильнейших, сумевшему уничтожить соперников. Но он не хотел воевать, хотя был силен, отважен и уверен в победе. Он не хотел ехать на турнир, потому что не мог расстаться с ней ни на минуту, он даже представить не мог, как прожить день, не любясь её красотой, не касаясь её кожи, не обнимая её. Но такой издревле был закон: раз в три года подтверждать право обладать самой красивой женщиной в королевстве...»

Поток мыслей прервал вошедший бармен. Он подошёл к столу и поставил на него поднос.

— Пожалуйста, ваш заказ, но хочу предупредить: мы закрываемся ровно в два часа. Приятного отдыха! — сказал он и вышел.

— Ой, вы тут целый пир устроили! — улыбнулась женщина, сделав большой глоток кофе. — Давайте уже знакомиться! Меня зовут Муза, а вас?

— Как?! — прошептал ошарашенный Василий Семёнович. — Муза?

— Да, такое вот редкое имя. Угрозило родителей так назвать! Стеснялась я в детстве ужасно! — Она смущённо улыбнулась. — Друзья зовут меня Ми или Мур. Так что называйте меня как угодно.

— Хорошее у вас имя! Я — Василий. Дело в том...

Василий Семёнович открыл бутылку и вопросительно посмотрел на Музу, подвигая к ней бокал. Женщина кивнула, и он налил коньяк. Снял с подноса стеклянную вазу с фруктами, блюдо с лимоном и поставил перед Музой.

— Дело в том, — продолжил он, — что я никак не мог начать писать роман, но после встречи с вами мне сразу пришли на ум первые

строчки. И когда я смотрел, как вы шли через зал, то подумал, что вы, должно быть, моя муза. А тут ещё и имя такое. Может, судьба?

— Тогда давайте, Василий, выпьем за судьбу и попросим у неё счастья!

Муза подняла бокал, они чокнулись и выпили.

Дождёвая лимонную корочку, он спросил:

— А что вы делали в столь поздний час под дождём?

Муза отпила кофе, поставила чашку и ответила:

— Поехала от подруги на такси домой, а водитель начал приставать. Я выскочила из машины и побежала. На улице ни души, каблук сломала, а дождь как из ведра, всё сильнее и сильнее. Остановок с навесом нет, подъезды все закрыты, вот увидела светящуюся вывеску и заскочила к вам на огонёк.

— И слава богу, удачно вы заскочили! — улыбнулся Василий Семёнович и разлил по бокалам коньяк. — Давайте выпьем за вас!

Василий Семёнович почувствовал, как коньяк уютным теплом растекается по телу, освобождая душу, которая, захватив власть, отключила мозг и дала свободу языку. Слова, словно вырвавшееся из встряхнутой бутылки шампанское, лились бурным потоком. Василий Семёнович рассказал о себе почти всё: и как в четыре года спасал котёнка, застрявшего в водосточной трубе, и как в пятом классе украл велосипед и гонял на нём, пока не врезался в столб, и о том, как учился, как женился, как развёлся...

Муза слушала не перебивая и залиристо хохотала. С каждым выпитым бокалом она становилась ему всё роднее и роднее.

Василий Семёнович пересел к ней на диванчик, обнял за плечи и, шепча в ухо, сообщил, что собирается покупать дачу. И уже есть несколько хороших вариантов, но без Музы он не сможет определиться, потому что она и есть та единственная женщина, с которой он хочет провести всю оставшуюся жизнь.

Когда в зал зашёл официант, они яростно целовались после выпитого на брудершафт коньяка.

— Извините, что прерываю, но мы закрываемся!

Василий Семёнович взъерошил Музе волосы и тихо спросил:

— Ко мне?

Она кивнула, поднялась с дивана и подошла к камину.

— Ну вот и платье как раз высохло! Идите, я сейчас быстренько переоденусь!

Мужчины вышли, Василий Семёнович купил ещё бутылку, щедро расплатился и отправился на улицу. Ливень закончился, оставив на асфальте огромные лужи. Новые знакомые шли, держась за руки. Василий Семёнович из солидарности снял мокасины и с удовольствием шлёпал по лужам босыми ногами.

Он проснулся в десять утра от страшной боли в голове. Казалось, что ещё чуть-чуть и она треснет, как переспелый арбуз от всаженного в него ножа. С трудом оторвав прилипший к нёбу язык, он протёр глаза и поплёлся на кухню. Открыл холодильник, достал початую трёхлитровую банку с солёными огурцами и, не обращая внимания на то, что рассол подёрнулся мутой, начал жадно пить. Остановился он после того, как большущий, слегка пожелтевший огурец, пытаясь вывалиться из банки, упёрся ему в нос и перекрыл дыхание.

«Муза!» — вспомнил он.

Со стуком опустив банку на стол, Василий Семёнович зашёл в комнату. Женщины не было. Он обошёл всю квартиру, раздёрнул плотные шторы и заглянул на балкон.

— Ну не могло же мне такое присниться! — чётко проговаривая слова, сказал он, усаживаясь на кровать. — Постой, постой! Мы вчера ещё на кухне пили. Какие-то следы должны остаться, но их нет.

«Да, вот это сон! — подумал он. — Это самое лучшее, что когда-то снилось. Господи, как было хорошо!»

Василий Семёнович, держась за голову, прошёл в ванную комнату. Включил воду погорячее и встал под душ. Обжигающие колющие струи сделали своё дело. Мозг постепенно расправлялся, глаза открывались, головная боль уходила.

«Ладно, приснилось — значит приснилось! — подумал он. — Но начало романа я придумал! Впереди два выходных, буду писать».

Он вытерся, надел халат, заглянул на кухню, включил чайник и направился к компьютеру.

На клавиатуре лежала бабочка, сделанная из листа писчей бумаги.

Василий Семёнович плюхнулся в кресло, взял бабочку в руки и воскликнул:

— Конечно, это не сон! Значит, была! Вот дурень, где мне теперь её искать? Ни телефона, ни адреса, ничего! Только имя! Да, но редкое. Два дня переживу, а в понедельник займусь поисками. Всех на уши поставлю, но найду! Муза, моя милая Муза!

Он пошёл на кухню, с трудом втолкнул в себя бутерброд с копчёной колбасой, выпил большую кружку сладкого чая и, переполненный желанием творить, сел за компьютер.

Набивал текст на клавиатуре, словно перебирал клавиши на фортепьяно: строчки лились одна за другой. Предложения строились ровно, обрастали метафорами, интрига закручивалась, персонажи оживали и становились выпуклыми, словно это был не роман, а холст художника с густыми мазками яркой масляной краски.

Через пару часов в дверь позвонили.

— Муза! — с надеждой крикнул Василий Семёнович, откатился в кресле от стола и побежал в коридор.

На пороге стояла домработница.

— Тётя Маша, вы чего пришли?

— Как чего? Суббота нынче, убираться надо. Носки твои с труселями по квартире разыскивать, — ответила она, расстёгивая ремешки на растоптанных босоножках.

— Не надо сегодня, — встав у неё на пути, сказал Василий Семёнович.

— Что значит «не надо»?

Тётя Маша отодвинула его мощным, как у бройлера, бедром, протиснулась в комнату и подошла к компьютерному столу.

— Не надо, говоришь, а сам вон бумагу накидал!

Она взяла бабочку, за секунду скомкала её и зажала в кулаке.

— Нет! — взвизгнул фальцетом Василий Семёнович. — Не смей! Положите на место!

Тётя Маша испуганно отпрянула и разжала кулак.

— Да пожалуйста, я же мусор только хотела убрать!

— Всё! Ничего убирать не надо, ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Ни-ко-гда!

Он осторожно поднял с пола бабочку, аккуратно расправил ей крылышки и положил на стол.

Открыл шкаф, достал из кармана пиджака бумажник, вытащил пятитысячную купюру и протянул её домработнице со словами:

— Всё, тётя Маша, полный расчёт! Больше не приходите. Я сам всё буду делать. Уходите и тапочки свои забирайте!

— Ну как знаешь!

Она надела перевязанные синей изолентой очки, рассмотрела купюру и спрятала её в сумку.

— Завалишься грязью, звать меня будешь, а я не приду! — зло-радно фыркнула тётя Маша и вышла из квартиры.

— Сама дура! — прошептал Василий Семёнович и сел за компьютер.

Он писал два дня, прерываясь лишь на то, чтобы сбежать на кухню, наскоро попить чайку и проглотить пару бутербродов. К двум часам ночи воскресенья он обессиленно опустил руки и откинулся на спинку кресла.

«Всё, больше не могу! — подумал он. — В глазах песок, руки дрожат, да и не соображаю уже ничего. Но как приятно, чёрт возьми! Вот что значит муза приходила!»

Василий Семёнович прошёл в спальню, скинул халат и рухнул в кровать.

В понедельник утром он проснулся раньше звонка будильника. Вдоволь наплескался под душем и пошёл завтракать. Скачал на флешку написанный за выходные текст, оделся и поехал на работу.

Не заходя к себе в отдел, Василий Семёнович прошёл к главному редактору.

Шеф сидел в широком кожаном кресле, положив ноги на дубовый стол, заваленный рукописями, и курил трубку. Густой дым, подсвеченный через панорамное окно утренним солнцем, плавал по кабинету плотным сизым пластом. Увидев Василия Семёновича, шеф вытащил изо рта трубку и, словно мурлыкая, лениво сказал:

— Привет, Вася, присаживайся!

Василий Семёнович сел за приставной стол и, улыбаясь, заметил:

— Петя, мне кажется, что каблуки твоих роскошных туфель располагаются в аккурат на папке с рукописью Смирнова!

Редактор медленно опустил ноги и неожиданно резко провёл рукой по столу. Половина папок и бумаг с шелестом слетела на пол. Он вскочил с места, заходил по кабинету и заорал так, что Василий Семёнович зажмурился и втянул голову в плечи.

— Вася! Если бы ты знал, как меня задолбали все эти Смирновы, Сидоровы, Липкины! Одни графоманы. Вася! Покажи мне ту ферму, где их разводят. Я взорву её, уничтожу! Где нормальные писатели, Вася?

— Петя, — тихо произнёс Василий Семёнович, — я роман начал писать. Посмотришь?

Главный редактор остановился, с интересом посмотрел на коллегу и, мгновенно успокоившись, спросил:

— Созрел, значит? Давай посмотрю! Но, Вася, если там лажа... Убью, хотя и люблю тебя по-дружески!

Василий Семёнович протянул ему флешку. Главный редактор сел за стол и сунул её в компьютер.

— Иди, Вася. Я посмотрю.

— Когда?

— Сегодня.

— Сейчас, Петя!

— Всё! До обеда. Обещаю!

— Спасибо! — сказал Василий Семёнович и достал из кармана звонящий телефон.

— Алло! Да, конечно. На стоянке. Через час. Отлично! Нет, скидывать не буду. Хорошо. Договорились!

Он закончил разговор и обратился к шефу:

— Петя, я отлучусь! По-моему, реальный покупатель на машину объявился.

— Поезжай! Я пока почитаю.

О продаже машины договорились быстро. Покупатель изучил документы и проехал пару километров за рулём. С умным видом заглянул под капот и удовлетворённо хмыкнул.

— Беру! Поехали в «Автоконсул», на Гагарина, там все бумаги и оформим!

— Не в ГИБДД?

— Мы у них неделю проторчим, а в этой конторе всё быстро сделают: и оформят, и застрахуют, а если хочешь, и номера домой привезут. И всё за копейки.

Новый владелец «Ленд Крузера» забрался на водительское кресло, деловито настроил под себя сиденье, руль, зеркало заднего вида и по-хозяйски сказал:

— Садись, брат, поехали!

Василий Семёнович сел рядом и набрал номер телефона:

— Здравствуйте, это Василий, который задаток оставлял за машину. Всё, я готов её купить! Можете прямо сейчас приехать в «Автоконсул»? Говорят, там можно все документы быстро оформить. Договорились! Спасибо! Уже выезжаем.

Василий Семёнович приехал на работу уже после обеда. Припарковал машину и зашёл в здание.

Увидев его, толстый вахтёр, обливающийся потом в будке охраны, высунул красное лицо в окошко и крикнул:

— Вы где, мой дорогой, ходите? Вас главред уже часа полтора ищет. Рвёт и мечет! Телефон ваш вне зоны.

Василий Семёнович ничего не ответил, посмотрел на разряженный телефон, пожал плечами и отправился к шефу.

— Петя, ты искал меня? — спросил он, заходя в кабинет.

Главный редактор отбросил дымящуюся трубку в пепельницу, подбежал к нему и накинулся с объятиями, словно они не виделись тысячу лет.

— Вася, Вася! — приговаривал он. — Друг ты мой дорогой! Ты же просто гений! Садись, это надо отметить. Ай да Вася, ай да сукин сын!

Он достал из шкафа бутылку коньяка, два больших бокала и коробку конфет.

— Петя, во-первых, я за рулём и пить не могу! А во-вторых, что случилось?

— Вася, я прочитал начало романа. Это просто бомба! — ответил главный редактор, разливая коньяк. — Ты пей, пей! Машину тут оставишь. Я тебе издательскую дам, с водителем. Будет тебя возить на работу и с работы. Нет? Хочешь не ходить на работу? Не ходи! Сиди дома и пиши. Только, умоляю тебя, пиши!

Василий Семёнович не мог сдержать радостную улыбку. Он сел за приставной стол, поднял бокал и выпил.

— Петя, правда так хорошо получилось?

Шеф выпил, вытер ладонью рот и, жуя конфету, сказал:

— «Хорошо» — это не то слово! Это шедевр! Напишешь ещё столько же, и заключим контракт. Получишь аванс. Я сделаю тебя самым известным и богатым писателем. Мы с тобой, Вася, взорвём этот мир! Наливай, друг!

Главный редактор взял спички, пепельницу и сел напротив друга. Медленно раскурил трубку и спросил:

— Расскажешь?

— Что рассказать? — спросил Василий Семёнович и подвинул шефу наполненный бокал.

— Что тебя так торкнуло? Не может человек ни с того ни с сего создать гениальное! Тут удар нужен, озарение, стресс. В твоём случае это триста восемьдесят вольт, не меньше. Колись!

— Расскажу, Петя, с удовольствием. Только сначала выпьем. Хорошо как-то заходит. Да и поводов куча: текст тебе понравился, машину продал, другую купил. Не день, а сказка!

Главред поднялся с места, подошёл к шкафу, достал вторую бутылку коньяка и поставил её на стол.

— Видал, какой запас? Сидеть можем долго! Рассказывай!

Они выпили, и Василий Семёнович во всех подробностях рассказал о вечере в баре и случайном знакомстве с Музой.

— Только понимаешь, Петюня, она исчезла! А у меня никаких данных, только имя — Муза. Где её теперь искать? — сказал он, убирая под стол пустую бутылку.

— Вася, я найду её. Отвечаю! Ты же знаешь, какие у меня знакомые. Найдём! Через полицию, банки да через пенсионный фонд. Где-то же засветилась она! Ну сколько у нас в городе Муз? Всех найдём! Не сомневайся и не волнуйся! Давай ещё по капельке!

Он открыл вторую бутылку и налил в бокалы. Лицо его стало серьёзным от неожиданно посетившей великолепной мысли.

— Погоди, Вася, есть идея!

Главный редактор поднялся, нетвёрдой походкой подошёл к шкафу, немного порывлся и вытащил объёмную бумажную папку на завязках. Подошёл к столу, плюхнулся на стул и прижал папку к груди.

— Это наш главный козырь, Вася!

— Что там? Роман?

— Роман?! — переспросил Петя и громогласно захохотал, изображая Мефистофеля. — Это не роман. Это дерьмо!

Он со всего размаху бросил папку на стол.

— Но это не просто дерьмо! А дерьмо действующего полковника ФСБ!

— И что? — не понимал Василий Семёнович.

— Дурак ты, Вася! — Пете было жутко обидно, что друг не понимает его простой, но великолепной мысли. — Я позвоню ему. И если он найдёт нам твою Музу, я эту фигню напечатаю. Понял?

— Понял, — ответил Василий Семёнович и громко икнул. — Ты гений, Петюня!

— И ты гений, Вася! Давай выпьем за гениев и поедем! Я тебя домой завезу, — сказал шеф и позвонил водителю:

— Петрович! Выезжаем через десять минут. Будь готов! Да знаю, что всегда готов, за что и люблю.

Они вышли на улицу и подошли к новой машине Василия Семёновича. Он завёл двигатель, открыл все двери.

— Смотри, Петюня, какой зверь! Не «Ленд Крузер», конечно, но «Тойота RAV4» — тоже вещь!

Шеф-приятель заглянул в салон и вытащил чёрный полиэтиленовый пакет.

— А это что такое? — спросил он.

Василий Семёнович выпучил глаза.

— Ёлки-палки! Это же деньги на домик в деревне! Сейчас бы забыл!

— Много?

— Почти три!

Он взял пакет, надел ручки на запястье, закрыл машину и сказал:

— Поехали, Петя, а то сейчас рухну!

Придя домой, Василий Семёнович сунул пакет в пустую морозилку и, не раздеваясь, лёг на кровать. Голова кружилась, но хотелось петь. Он даже попробовал, но, испугавшись собственного голоса, замолчал.

«Хороший денёк выдался! Только бы Музу найти! Хотя если Петя пообещал, то сто процентов найдёт. С его-то связями! А дачу поеду один посмотреть, завтра же, а то деньги растыркаю, и конец мечте».

Поднялся, шатаясь подошёл к столу, нашёл провод, поставил телефон на зарядку и сел в кресло у компьютера.

Покрутил в руках бумажную бабочку и позвонил риелтору.

— Женя, завтра с утра можно все дачи посмотреть? Понял. Это хорошо, что ключи у вас. Поедем на вашей, нет вопросов. Договорились. В десять утра. Не надо ждать, поднимайтесь, чаю попьем. Спокойной ночи!

Он снова лёг на кровать и закрыл глаза, но сон не приходил. Голова уже не кружилась, но жутко захотелось есть.

«Когда я нормально ел? — подумал он. — Да я же ещё и три дня не курил. Значит, есть сила воли. Или это Муза так подействовала?»

Он прошёл на кухню и открыл холодильник. Кроме трёхлитровой банки с прокисшими огурцами и начатой пачки масла, там ничего не было.

«Дожил, — подумал он, выбрасывая огурцы, — скоро вообще изголодаю! Завтра же поеду затарюсь».

Он вымыл банку и не глядя сунул её под мойку. Услышав звон,

Василий Семёнович наклонился и обнаружил ряды пыльных пустых бутылок.

«Вот же ленивая змея тётя Маша! Я-то думал, что она их выбирает, а она тут склад устроила. Так... Чего бы сожрать?»

Он захлопнул дверку и подошёл к окну.

В дверь позвонили.

«Кого ещё нелёгкая несёт?» — подумал он и поплёлся в коридор.

— Кто?

— Вася, открой, это Муза!

Василий Семёнович щёлкнул замком и распахнул дверь.

— Не ждал? — спросила Муза, вошла и поставила на пол два больших пакета.

— Ждал! Ещё как ждал, Музочка!

Он хотел её обнять, но она отстранилась и подставила для поцелуя щёку.

— Подожди, Вася, я умоюсь. Взмокла вся! Едва пакеты дотащила.

И увидев удивлённый взгляд Василия Семёновича, с улыбкой сказала:

— Да не бойся, я не с вещами пришла! Ты, наверное, голодом сидишь. Вот зашла в наш бар и купила еды. Неси на кухню, будем ужинать. Хочешь?

— Конечно хочу! Иди в ванну, там мой халат, можешь надеть. Хотя ты и так всё знаешь.

Он взял пакеты и пошёл на кухню.

— Где ты была? Я так волновался! — начал быстро говорить он, когда Муза, приняв душ, зашла на кухню. — Телефон твой не знаю, где искать — не знаю. Чуть с ума не сошёл! Ушла, и всё! Хотя бы записку написала.

— Вася, ты же знаешь, мы, музы, такие: приходим, когда хотим, исчезаем, когда хотим! В этом и есть наша загадка! А телефона у меня пока нет, выронила, когда из такси выскакивала. На днях куплю.

Она открыла холодильник.

— Да-а-а, шикарно живёшь! Так, в морозилке запас, наверное, год лежит?

Она дёрнула пакет за ручки, и на пол вывалились перевязанные резинкой пачки денег. Муза испуганно отпрянула назад.

— Ты что, Вася, министр финансов? Деньги заморозил?

— Нет. Это на дачу. Завтра поедем смотреть, — ответил Василий Семёнович, собрал деньги и сунул пакет в морозильник.

— Я завтра не могу. А надёжнее нет места для хранения?

— Муза, я боюсь, что ты никогда не сможешь, поэтому я поеду завтра.

— Как скажешь! Давай поедем. Всё так вкусно пахнет, а я от голода умираю! Штопор есть? Открывай вино!

Василий Семёнович сделал глоток и понял, что катастрофически пьянеет. Вино разбавило выпитый с шефом коньяк и ударило в голову. Веки налились свинцом, кухня поплыла каруселью, глаза закрывались сами по себе. Нервный, напряжённый день давал о себе знать.

«Только не это! — подумал он. — Она пришла к ночи, а я раскис. Что она подумает про меня? Я так хочу прижаться к ней, но

нет никаких сил! А может, она подсыпала чего-нибудь? Нет, она не могла! Она не такая!»

— Вася, да ты засыпаешь! — воскликнула Муза. — Пойдём, я тебя уложу.

— А ты?

— Сейчас уберу со стола и приду.

— Музочка, я роман начал писать, — заплетающимся языком сообщил Василий Семёнович. — С тобой познакомился, и начал. Год собирался! Хочешь прочитать? Он на компьютере открыт.

— Обязательно прочту, только посуду помою.

Она привела его в спальню, помогла раздеться, накрыла одеялом, выключила свет и ушла на кухню.

Василий Семёнович проснулся около семи утра, Музы рядом не было. Он повернулся набок и понюхал лежащую рядом смятую подушку. «Началось! — подумал он. — Запах есть, а её нет. Что же она за человек такой? А может, не человек, а дух? Допился до белой горячки, а вернее до музыки. Всё, с пьянкой закончено!»

Он оглядел спальню: одежда аккуратно развешана на стуле, на спинке кровати висит халат.

— Это не я. Я в жизни так аккуратно не раздевался!

Василий Семёнович сунул ноги в тапочки, накинул халат, обошёл квартиру и пришёл на кухню. Открыл холодильник, достал начатую бутылку и тарелку с оставшимся от ужина мясом. Вытащил из бутылки пробку и, на секунду задумавшись, вылил вино в раковину.

— Всё, больше не пью! — сказал он, откусил кусок холодного мяса, набрал воды и включил чайник.

«Так, сейчас в душ, завтракать, и буду ждать Женю, — подумал он. — А где у меня телефон?»

Василий Семёнович подошёл к компьютеру: на клавиатуре лежала записка. Он сел в кресло, взял листок и начал читать.

«Милый Вася! Ты хотел найти записку — пожалуйста. Начало романа прочтала. Очень, очень понравилось! Рада, что я стала твоей музой. Ты замечательный человек, в такого невозможно не влюбиться! У тебя нежная и романтическая душа, и ты доверяешь людям. В наше время это опасно. И запомни, деньги лучше хранить в банке.

С любовью, твоя Муза».

— Деньги! — воскликнул Василий Семёнович, откинул записку и, теряя на ходу тапочки, рванулся на кухню. Распахнул холодильник, открыл морозилку и медленно опустился на стул. Морозилка была пуста. Схватившись за голову и шатаясь, пошёл в комнату. Сел за компьютер.

«Вот же debil! Как я мог? Попался! Запал на тётку, и попался как шенок! Что делать? Что делать? В полицию? И что скажу? Что впустил домой совершенно незнакомого человека, показал, где лежат деньги, а теперь вы её найдите? Приметы какие? Красивая, нежная, обворожительная. И зовут её Муза. Да никакая она не Муза! Как я купился? Всё отделение полиции ржать будет три года! Надо звонить шефу. Нет, сначала риелтору, чтобы не приезжал». Он схватил телефон, вырвал из него шнур и набрал номер.

— Здравствуйте, Женя! Наша поездка откладывается. Не знаю! Я позвоню. Простите!

Василий Семёнович вытащил из ящика стола пепельницу, сигареты с зажигалкой и закурил. Немного посидев, он позвонил шефу и, зная его любовь к деталям, подробно рассказал о случившемся.

— Какая сумма была? — спросил тот.

— Два миллиона девятьсот шестьдесят тысяч рублей.

— Ни хрена себе! Теперь точно придётся напечатать роман полковника. Не дёргайся, найдем её и накажем! Обещаю.

— Петюня! А мне что делать? Может, в полицию?

Шеф на секунду задумался и ответил:

— Никакой полиции, только время потеряешь! Сами справимся! Так... Ты сейчас успокаиваешься и садишься за роман. Во-первых, это тебе поможет, а во-вторых, если текст будет так же хорош, то очень скоро три мультя для тебя будут как три рубля. Всё, держай! У меня сегодня весь день расписан, а вечером после работы я заеду. Выпьем, покумекаем. Понял? Главное — успокойся! Всё уже произошло.

— Так как успокоиться?

— Да просто! У тебя дачи не было и сейчас нет. Значит, ничего в твоей жизни не изменилось. А бабки — это дело наживное. Всё, пока! До вечера! Садись писать!

Василий Семёнович пошёл на кухню, налил чаю и подумал: «Легко сказать, успокойся! Как можно принять то, что тебя развели как пацана? Подожди! Меня сильнее беспокоит именно то, что меня обманули, а не потеря денег. Вот парадокс! Прав Петя! Пойду писать».

Он взял чай, тарелку с мясом и пошёл в комнату.

Ситуация в романе круто изменилась. Милая домашняя красавица превращалась в коварную злодейку, мечтавшую выпроводить мужа на турнир, а значит — на верную смерть. Страсти накалялись всё сильнее и сильнее, сюжет закрутился настолько, что Василий Семёнович уже перестал контролировать своих героев, которые начали жить своей жизнью. Ему показалось, что он просто наблюдает за ними со стороны и записывает всё, что у них происходит. Он забыл про чай, про мясо, а только писал, писал и писал.

От работы его отвлёк звонок в дверь.

Василий Семёнович посмотрел на часы и воскликнул:

— Ничего себе! Семь вечера! Это, наверное, Петя пришёл.

Он встал с кресла, с удовольствием потянулся, расправил спину и пошёл в коридор. Приоткрыл дверь и зашёл в ванную комнату, крикнув через плечо:

— Привет, Петя, проходи на кухню! Я сейчас лицо сполосну.

— Это не Петя!

Услышав женский голос, Василий Семёнович вылетел из ванной и увидел Музу.

— Ты?! — закричал он.

— Ты не рад, Вася? — удивилась она, захлопывая дверь.

— Не рад? — пробормотал Василий Семёнович. — Заходи, нам есть о чём поговорить!

Муза зашла на кухню, села на стул и спросила:

— Что-то случилось? Не подошли варианты дачи, и ты так расстроился?

Василий Семёнович закипал от ярости.

— Муза! Где деньги? — сдерживаясь, чтобы не закричать, зашипел он.

— Как где? — удивилась Муза. — Я же в записке написала! В банке!

— В каком банке?

— Не в каком, а в какой!

Она поднялась, открыла шкафчик под мойкой и достала трёхлитровую банку из-под солёных огурцов, в которой лежал чёрный пакет с деньгами. Пустые бутылки со звоном вывалились на пол.

— Я подумала, что ни одному вору не придёт в голову искать деньги среди пустых бутылок, — улыбнулась Муза.

— Господи, какой же я дурак! — прошептал Василий Семёнович, наклонился, приподнял Музу, закинул её на плечо и понёс в спальню.

На улице зажглись фонари.

— Который час? — спросила Муза. — Хотя какая разница!

— Не знаю, да и действительно, какая разница, — ответил Василий Семёнович, включил ночник, накинул халат и пошёл на кухню.

Он достал из холодильника коробку апельсинового сока, взял два высоких стакана и вернулся в комнату. Поставил стаканы на тумбочку, налил сок и сел на край кровати.

— Сегодня ты не сбежишь! Дверь закрою на ключ, а ключ спрячу.

Муза взяла подушку, прислонила её к спинке кровати, села и взяла стакан.

— Я даже знаю, куда спрячешь. В банку! — засмеялась она. — Но я и так не уйду, не мечтай даже!

— Муза, тебе не пора рассказать о себе?

— Вася, ты прости! У меня маму прооперировали, и мы с сестрой дежурили по очереди. Я поэтому и уходила. Потом ехала к папе, он к быту не приспособлен, всегда мама всем занималась. Я у него прибирала, готовила. Сегодня её выписали. Так что я стала намного свободнее.

— А ты мне сказать не могла?

— Нет. Мы так мало знакомы, что загружать тебя моими проблемами незачем, да и вообще муза должна быть музой, а не растерзанной заботами тёткой.

— Ты где-то работаешь?

— Ну конечно! Всё банально, без чудес. Работаю в библиотеке. Давай я сразу на всё отвечу, а то на вопрос похоже. Живу одна в однокомнатной квартире, не замужем, детей нет, не судима. Ещё вопросы есть?

— Прости!

Василий Семёнович нагнулся и поцеловал ей руку.

В дверь позвонили.

— Ох ты, это же Петя приехал!

— Как неудобно! — всполошилась Муза.

— Чего неудобного? Он сюда не зайдёт. Я открою, а ты одевайся и выходи.

Петя зашёл по-хозяйски. Не снимая обуви, прошёл на кухню, посмотрел на Василия Семёновича и спросил:

— Ты чего в халате? Спал?

И не дожидаясь ответа, вытащил из пакета две бутылки коньяка.

— Я две взял, чтобы потом не бегать. Закуска есть? Давай стаканы! Устал я сегодня!

Он повернул голову и увидел вошедшую Музу.

— Добрый вечер! — сказала она. — Вы присаживайтесь, я сейчас всё приготовлю.

Петя, выпучив глаза, посмотрел на Василия Семёновича:

— Вася! Это кто?

— Всё нормально, Петюня! Это Муза!

Петя закашлялся.

— Муза? Мне кажется, я что-то пропустил.

Он открыл бутылку, взял из навесного шкафчика большую чайную чашку, наполнил её до краёв и залпом выпил. Вытер рот ладонью и сказал:

— Так, голубки, я пошёл! Вася, завтра жду ответы на все возникшие у меня вопросы.

Василий Семёнович закрыл за шефом дверь и вернулся на кухню. Муза смотрела в окно. Он подошёл к ней сзади, обнял за талию и уткнулся носом в кудряшки волос.

— Пойдём спать? — спросила она.

— Да, только один звонок.

Он вынул из кармана халата телефон и набрал номер.

— Добрый вечер, Женя! Это опять я, мы завтра готовы смотреть дачу. Нет-нет, на этот раз точно! В десять?

Василий Семёнович убрал трубку ото рта и спросил:

— Ми! Нас в десять устроит?

Она утвердительно кивнула.

— Да, Женя, — продолжил разговор Василий Семёнович. — Будем ждать вас в десять у подъезда. Спасибо!

Он положил трубку на стол и протянул Музе руку.

— Пошли?

— Пошли, — ответила она и выключила на кухне свет.

Диана ГУЛИНА

СОЛНЦЕ СМЕЁТСЯ МЕЖ ОБЛАЧНЫХ ТРЕСНУТЫХ ЛЬДИН

* * *

Весна пришла. Отринь свою печаль,
Отбрось её — пускай растёт травой.
Вчера я шёл и будто замечал
И неба синь, и солнце золотое,

Я видел, как цветёт в саду сирень,
Плывёт по небу аромат медовый.
Стоит над миром ясный, светлый день —
Как знак, что земли сбросили оковы.

Звенит в прохладном воздухе капель,
Звенит ручей — хрустально, неизбывно.
И в старом парке юный менестрель
Поёт про мир — волшебный, вечный, дивный.

Поёт, и лёгкий, призрачный мотив
Меж струн гитарных серебристо бьётся,
Звения о мире внешней красоты,
О запахе цветов и блеске солнца.

Сменилось всё. Очнувшись ото сна,
Земля той песне светлой снова внемлет.
Пришла весна — прекрасная весна,
И мир вокруг — лишь золото и зелень.

* * *

Помнишь о том, как звенят серебристо лесные ручьи?
Помнишь — не помнишь, а всё же, прошу, не молчи,
Да, не молчи — лучше звени, голоси, подпевай —
Это твой май, бесконечный и солнечный май.

Диана ГУЛИНА живёт в посёлке Платошино Пермского района. Подборка стихотворений была представлена автором в четырнадцатилетнем возрасте на одном из литературных конкурсов.

Солнце смеётся меж облачных треснутых льдин,
Думать не надо — знай же, ты не один.
Лучики в волосы — золотом, ярким цветком,
Чтобы смеяться, чтоб на сердце было легко.

Всюду гремит и кипит беспокойная жизнь,
Так в пляс пусться, оживи, улыбнись!
С неба звёзды сорви и ходи-рассыпай —
Это же май — вечно яркий и долгий твой май...

Радуга смотрит с небес солнечным витражом,
Это весна. Ну а ты для того был рождён,
Чтобы светить, трепетать, миру чувства вверять,
Это твой май — время всё осознать.

* * *

Когда-нибудь я стану ветром,
И, не боясь уже ничуть,
Я встану рано — на рассвете
И над домами полечу.

Я буду петь и веселиться,
Швырять опавшие листья,
Лететь навстречу каждой птице,
Не испугавшись высоты.

Когда-нибудь я стану смелым
И взмою в небо высоко,
Рассыплю над землёй снег белый
И улечу назад легко.

Когда-нибудь я стану ветром —
Зефиром, Эвром — всё равно.
И с песней радостной и светлой
Скользну в открытое окно.

Сергей ТЕЛЕВНОЙ

УКРАСТЬ... ДЛЯ СЕБЯ ДОЧЬ. Рассказ

Решение созрело окончательно — эту девчущку Ада украдёт. Её квадратно заточенные ногти хищно клевали пробку запрещённого к употреблению боржоми, запрещённого по политическим мотивам к употреблению на территории России. А плацкартный вагон не особо торопливого поезда и не догадывается о криминальных намерениях Ады. Он жил своей непритязательной жизнью. Хлопал туалетными дверьми, ластился казёнными простынями, обжигал железнодорожными чаями.

В предкурортный сезон поезд ещё не пропитан духом изнеженной праздности и волнующих предчувствий.

Ада заметила эту кудрявую и нежную девочку ещё на суетливом пермском вокзале. И запретная мысль сразу начала гнездиться в её сознании. А когда девочка с мамашей заселились на полке рядом с ней, она поняла — это знак судьбы.

Ада исподволь, но неустанно наблюдала за чужим ребёнком. Судя по невыразительности мамы, ребёнок, очевидно, был похож на отца. Тонкий узор профиля, ангельские кудряшки.

Интересно знать — кто её отец. Не глуп ли, не болен ли? Что за наследственность у ребёнка? Ведь «гены пальцем не заткнёшь», — крутилось в голове Ады выражение доктора из института детской экопатологии. Там лечилась её девочка Лера, не вылечилась. Вот уж год как её нет...

Аде, сильной женщине сорока двух лет, советовали взять ребёнка из детдома. Но известно, кого сдают, а «гены пальцем не заткнёшь»...

— Возвращайся назад... Вот, а теперь закругляйся, — это невыразительная мама Таня учит свою пятилетнюю дочурку — тоже, оказывается, Таню — писать буквы.

Та в сердцах бросает унылый карандаш. Простой, чтобы можно было стереть неудачные закорючки.

Девочка вспенивает пёструю листву букваря. Не глядя в книжку, водит пальцем по строчкам и декларирует:

— Таня учит буквы, мама учит Таню.

Неведомо, написана ли такая глупость в букваре? Или это творчество юной букваристки? Хотя декларируется это в ритм стучащих на стыках колёс, временным жителям плацкарты это не очень интересно. Даже, если «Наша Таня громко плачет, уронила в речку мячик», — всё равно не очень интересно.

Сергей Владимирович ТЕЛЕВНОЙ родился 16 января 1959 года на хуторе Графском Ставропольского края в семье колхозников. Литературой увлёкся со школьных времен. Начал публиковать стихи в районной газете «Ленинская правда» Моздокского района, республиканской молодёжной газете «Молодой коммунист». С 1991 — в региональных изданиях. В 2013 году вышла книга «Ветер противоречий» (Кисловодск). Как литератор, соотносит себя с «реальными реалистами» — пишет о жизни простого человека. Тяготеет к «деревенщикам». Член Союза писателей России (2014), состоит на учёте в ПКО(П)О «Союз писателей России» (Пермь). Живёт в г. Моздок (Алания).

Вот если б его, вагона, ребёнок, — это вызвало бы умиление.

— А маме 33 года, — выдаёт женскую тайну Таня маленькая.

Ну, 33 так 33. Вагону и это не очень интересно. Только Ада думает про себя: «Ещё успеет родить второго...»

Остальное население плацкартной секции вагона — это, прежде всего, мужик лет за 40, лежащий на разных уровнях с Адой. И она, Ада, с квадратно заточенными ногтями. Хотя, судя по включенной постели на нижней полки здесь обитал ещё кто-то.

Мужик из-за вагонной тоски листает претенциозный журнал и пытается понять, что такое суверенная демократия.

— Мама, у меня такая отрыжка! — делится Таня и с удовольствием громко это подтверждает.

— Ещё бы! Ты одна целую пачку чипсов съела, — радуется апетиту дочки мамаша.

Ада отмечает про себя: «С таким удовольствием говорить о вредной пище может только пассажирка плацкартного вагона». Ада, спохватившись, отгоняет эту мысль. Она ведь тоже едет в третьеклассной плацкарте. Хотя с Адой всё понятно — обстоятельства.

Ада ещё раз бросила взгляд на кудрявую Танечку. Конечно — пластилиновые щёчки, пластилиновые пальчики, лепи что хочешь. И, уверенная, думает: «Перевоспитаю...» Вспоминает нехоти про «благородную отрыжку» из детства. Она пытается отвлечься от плацкартной девочки. Нужно мыслям дать оформиться в чёткий план действий.

Закононый пейзаж должен поспособствовать этому. Выводок ёлочек подбегает чуть ли не к шпалам. Но со скоростью движения поезда смысается ржавой болотиной и растворяется в прошлом времени.

А мужик на верхней полке не может понять ни суверенной демократии, ни национальной идеи. Под жаркой простынёй он тайно борется с грибковым зудом и вспоминает антигрибковую рекламу. Зуд не успокаивается. Но мужик удовлетворяется тем, что такие проблемы свойственны не только ему.

Между тем учебный процесс двух Тань — мамы и дочки — продолжается.

— Закругляйся, вверх и в сторону... — теперь у Танечки в руках сочный фломастер. От него буквы жирные и неуклюжие. Результат не устраивает ни маму, ни её дочку.

Ада хочет вмешаться в процесс обучения, но воздерживается — не стоит делиться педагогическими секретами с мамой Таней. Они ей ни к чему.

Зато в процесс обучения вмешивается чернявая попрыгунья, тоже пятилетняя, Оксана. Оказывается, это она обитательница нижней полки. Попрыгунья хочет играть с Таней и сообщает ей сразу, что мама купит ей много книжек.

Ада обстоятельно и с удовольствием отмечает про себя: ребёнок хочет, чтобы ему купили книжки, а не игрушки. Её крошка Лера... тоже любила книжки, любила...

— А где твоя мама, которая купит книжки? — с лёгкой снисходительностью выпрашивает у девочки Таня-старшая.

— Она в тамбуре курит, — на удивление чётко и без обиняков сообщает маленькая смуглянка.

«Вмешательства логопеда практически не требуется, — отметила про себя Ада. — Хороший материал».

Ада начала собирать информацию.

— А кто твоя мама? Она где работает?

— Она в тамбуре курит, — ещё раз для непонятливых тётенок объяснила попрыгунья.

— Это она с солдатами ещё на вокзале гужевала, — как бы между прочим пытается внести ясность в ситуацию с Оксаниной мамой Таня-старшая.

Так и не поняв, что такое суверенная демократия, мужик со второго уровня пошёл в тамбур якобы покурить.

Прожжённая девица с сексуальным пупком стояла в дыму и в солдатском окружении. Она посасывала пиво и колыхала грудью в такт вагонным колесам.

Дембеля в сизом дыму и с неуставными аксельбантами притирались к её крутым ягодицам.

Мужик за сорок почувствовал себя неудачником и, отвернувшись к окну, торопливо закурил.

За вагонным окном длился погорелый пейзаж. Обугленные группы телеграфных столбов, умершвлённый кустарник, отступивший в панике перед огнём лес.

Мамаша пятилетней смуглянки неожиданно вспомнила о материнских обязанностях. Вырвала у дембеля пакетик попкорна:

— Пойду ребёнка покормлю... — опять же неожиданно повернулась корпусом к мужику, сунула ему бутылку пива. — На, дед, поддержи...

Тот взял бутылку пива, но про себя не согласился, что он дед. Какой дед? Он ещё ого-го! По выходным, конечно. А так — некогда.

— Мужик, тебя как звать? — обращается к нему неуставной аксельбант.

— Иван Иванович, — представился тот с достоинством.

— Ха, как в анекдоте. А меня Вован, тоже как в анекдоте. — ржёт солдат. — Короче, дядь-Вань, — констатировал парнишка с белёсыми ресницами и продолжил: — Короче, мы из горячей точки, — панибратски похлопал дядь-Ваню по плечу аксельбант. — Ну, ты не ссы, не обидим.

— Я сюда не поссать вышел, а покурить. Понял, сынок? — мужик набычился, уже готовый жахнуть бутылкой по стриженной дембельской голове.

— Ты меня на «понял» не бери...

Внезапно дверь тамбура распахнулась и в проёме нарисовалась смуглявая попрыгунья.

— Оксана, иди сюда, пошли кушать, — попыталась изловить девчушку тамбурная мать, держа в одной руке пакет попкорна. Девчушка схватила за штанину Ивана Ивановича и пропищала:

— Я есть не хочу. Ты мне книжку обещал, а не купил.

Иван Иванович, осознав, что компания малышки и её аппетитной мамаша лучше, чем кодла борзых дембелей, поспешил взять на руки попрыгунью и вернулся в вагон. За ним последовала разбитная мамаша, взяв у Ивана Ивановича недопитую бутылку пива.

— Деда, а ты моим папой будешь? — с некоторой озабоченностью спросила Оксана.

— Дедушка будет нашим спонсором, — не очень трезво гоготнула её мамаша. — Кстати, меня зовут Лолита. Не путать с Политой Набокова, — блеснула молодка познаниями.

«Спонсоры в плакатных вагонах не ездят», — подумала Ада с квадратными ногтями и изощрённым интеллектом, пропуская в узком проходе неказистого Ивана Ивановича с ребёнком на руках. Сама между тем внимательным, товароведческим взглядом оценила молодую мамашу с бутылкой. Сложена пропорционально, можно сказать, породистая самка. Но настораживает пристрастие к пиву. Впрочем, сейчас вся молодёжь подседа на пиво.

Ада начала наблюдать за девочкой Оксаной как за «хорошим материалом», хотела изучить её мамашу получше. Чётко осознавая, что «гены пальцем не заткнёшь». Хотя, конечно, если поместить попрыгунью в нормальную среду, из неё толк будет. Она и сейчас активная, смышлёная, самостоятельная. К книгам тянется опять же. Вот мужик купил-таки ей какую-то книжицу, оправдывая спонсорские надежды. Тут как раз глухонемой разносчик эротики и интеллекта подсуетился, разложив стопки детских книжек, кроссвордов и взрослых журналов.

— Спасибо, дедушка, — радостно пролепетала попрыгунья Оксана.

— Какой я тебе дедушка, — возмутился тот. — Я дядя Ваня. Иван Иванович, значит...

Тут пластилиновая кудрявая Таня, с радостью отвлекаясь от обучения, спросила Оксану:

— Это что, теперь такой папа у тебя будет?

— Вот так и засватают вас, дяденька, за молодуху, — сказала мама Таня с иронией, за которой скрывалась обида. Мол, всяким шаболам везёт на солидных мужиков.

— Ну, всё может быть, — хохотнул и взбодрился Иван Иванович.

Он ощутил себя счастливым трамвайным билетом, за съедение которого намерены соперничать две женщины.

— Не поздно ли? — укоризненно глянула на Ивана Ивановича мама Таня. — Или что, седина в бороду, бес в ребро?

У Ады за околицей чувств вспыхнуло подобие ревности. Только лишь потому, что на мужскую особь претендуют другие женщины. На самом деле этот тухлявый пень Иван Иванович не в её вкусе. К тому же Ада была уверена, что имя попутчика, усугублённое отчеством, наложило свой отпечаток на интеллект. Если Иванушка — дурачок, то Иван Иванович... Этим дважды всё сказано.

— Учиться и любиться никогда не поздно, — после паузы выдал Иван Иванович. Так и сказал: «любиться».

Вернулся глухонемой разносчик интеллекта в виде кроссвордов за стопками журналов и газет.

— Я, пожалуй, возьму и это, — Иван Иванович взвешивающим движением поднял лошёный журнал хулиганской эротики.

Притворно небрежно бросив бессовестное чтиво на свою вторую полку, Иван Иванович неуклюже последовал наверх.

Возможно, потом он снова будет читать в серьёзном общественно-политическом журнале про суверенную демократию и национальную идею. Но не сейчас.

Таня-младшая уже пыталась раскрасить в своей книжке арбузы и барабаны...

— Ты не вылезай за чёрточки, — командовала мама Таня. — Дай жёлтый фломастер.

Но жёлтый фломастер уже утянула предприимчивая маленькая Оксанка.

— Я не знаю, где он, — ныла Таня.

— Арбуз должен быть красным, — поспешила с советом Оксанка.

Ада с верхней боковой полки наблюдала за двумя девчущками. Обе, заразившись друг от друга, предались постижению грамоты.

Невыразительная мама Таня, отлучившись, очевидно, в туалет, вернулась в удушливых лосинах, врезавшихся во все мыслимые и немыслимые ложбинки её тела. А лёгкий трепет груди позволял догадаться, что под блузкой у неё ничего не надето. Да ещё и толстый слой косметики её преобразил. Всё это не помешало ей включиться в процесс обучения:

— Девочка, пусть тебе покажет мама, как правильно.

«Сучка! — подумала про неё Ада. — Хотя и кажется заботливой мамашей. Ишь, как кудахчет над своей козявкой!» Нет, определённо, её пластилиновую куклу Ада не будет красть. Рыхловатая она какая-то. Да и мамаша её бдительная, видно. Не отпускает ребёнка ни на шаг. Другое дело — забывшая о ребёнке Лолита.

То ли случайно, то ли «так задумано» та уместилась полукалачиком на нижней полке. Тут же на краешек сиденья присел неуставной дембель.

— Слушай, куда ты буришься, тут и так тесно, — с напускной сердитостью сказала Лолита, однако, чуть подвинувшись.

— Да поместимся! Мы, знаешь, в горячих точках... — пивная отрывка не дала солдату закончить фразу.

Ада, поглощённая мыслью похитить себе в дочки не пластилиновую Таню, а попрыгунью-смуглянку, всё же поймала на себе взгляд Ивана Ивановича. Странно, что его привлекли не вздымающиеся груди Лолиты, не рельефные лосины мамы Тани. Он, старый потаскун, масляно смотрел на Аду.

А вот этого не надо. Она вообще должна быть незаметна. Миссия у неё другая.

Ада отвернулась к окну. Там плыли кинематографические просторы, проистекали серебряные реки и ниспадали к горизонту голубые небеса. Пастораль, однако! Но это созерцание Аду не привлекало. Она нервная барабанила по стеклу хищными ногтями.

«Очень заметно, — подумала она о ногтях, за которым ухаживала даже в худшие для себя времена, — надо состричь».

Мама Таня между тем свернула занятие прописью со своей кудряшкой. Ей не хотелось, чтобы плакатный люд оценил их с дочкой неуспехи на почве усвоения букв.

Да и чернявая попрыгунья раздражала Татьяну. «Чего лезет, когда она учит свою дочку?! Вот и фломастер, кажется, стащила эта беспардонная черняшка!» — подумала мама Таня.

— Девочка, ты не брала фломастер? — голос мамы Тани был ложно ласковый. Но попрыгунья не повелась на провокацию.

— Что вы, тётенька, — улыбалась маленькая воришка. — Зачем он мне, у меня и так книжка есть. Дедушка Ваня купил.

— А чем ты собираешься раскрашивать свою книжку? — вкрадчиво спросила мама Таня в рельефных лосинах.

— Женщина, вы что пристали к ребёнку? — это раскованная Лолита, уклонившись от дембельского натиска, вступилась за свою кроху.

— Ты чё, подруга, жалко тебе этой фигни? — встал тут же на сторону Лолиты неуставной дембель.

— А ты нос свой не суй, — резко повернула кругленькую головку мама Таня в сторону солдата. Её свободные от лифчика грудки комично всколыхнулись под лёгким топиком и заворожили солдата.

— Да не лезь, сама разберусь, — с плохо скрываемой угрозой приподнялась на локте Лолита и вздыбила масштабные груди.

Аде не хотелось бабского скандала. Не хотелось, чтобы весь вагон обратил внимание в их сторону.

Ей, Аде, надо быть незаметной. Не следует выпячиваться. Хотя Аде хотелось обвинить маму Таню в родительской бездарности, в пластилиновой внешности, в таком же характере её дочери, в... Конечно же, она промолчала. Но про себя ругала эту бесцветную лахудру: «Молчала бы, дура, в тряпочку. Скажи спасибо, что не твою дочку украду. Фломастера ей жалко!» — развивала внутренний монолог Ада.

Всё, что она хотела сказать бестолковой, но счастливой мамаше, которая теряет фломастер, а не дочку, очевидно, было красноречиво написано на её лице.

Иван Иванович смотрел по диагонали на Аду, вздёрнув в удивлении кустистые брови. На самом деле близлежащий попугайчик хотел, чтобы бабскую свору пресекла именно эта женщина с внутренней, как ему казалось, энергетикой. А снизу несло:

— Ты, лахудра, протрезвей, а потом воспитывай ребёнка!..

— Ха, спирохета бледная! Ещё раз вякнешь, твои пуговицы выколупаю, поняла?!

Мама Таня от возмущения вытаращила водянистые глаза.

Аде аномально захотелось самой выпкнуть эти бельевые пуговицы Татьяны. Да и этой лахудре тоже заткнуть хлебoreзку.

— А ну, молчать, мля!.. — это Иван Иванович, коршуном свесившись со второй полки, рявкнул на скандалисток. — Что детей пугаете, мамыши сраные!

Сранные мамыши примолкли, как бы прислушиваясь. Иван Иванович зачислил это на свой счёт. Но на самом деле остановился поезд. Оказалось — на бойкой станции.

Все высыпали на перрон. Размять конечности и купить копчёной рыбы, которой была знаменита станция. Рыба жирным золотом отягощала лотки и подносы местных торговцев.

— Кому жерех, кому сом, кому ... с яйцом? — зазывал торговый люд исходящий слюной вагон.

— Рыба золотая, во рту тает!

— Местный фольклор такой, что ли?

Ада в вагоне осталась одна со своими преступными намерениями похитить девочку-попрыгунью. Только глухонемой разносчик смеси эротики с интеллектом поспешно собирал разложенных накануне по полкам глянцевого бабёнок и кроссворды для весьма неприятных умов.

Он пристально посмотрел на Аду и отвёл глаза. Глухонемой увидел в этой дородной женщине воровку, очевидно, железнодорожного белья и легкодоступных дамских сумочек, неглубоко спрятанных под мягкие подушки.

Ада, в свою очередь, решила, что глухонемой — вовсе не глухонемой. Продажа бессовестных газет и кулинарных календарей — побочный бизнес. А на самом деле он... Кто же он?

Может, мальчик по вызову для неудовлетворённых сорокалетних матрон, вырвавшихся на курорт один раз в пятилетку и уже пропитанных желанием? Считается же, что эти ущербные неутомимы в любовных утехах.

Разносчик интеллекта именно такую матрону увидел в лице Ады. Он плюхнул ей на полку глянцевого откровенностей неприличных размеров, а сам выжидающе упёрся огнеупорным лбом в вагонные поручни.

— Пошёл вон, животное!.. — прошипела Ада, плотнее сжав колени.

Животное по артикуляции Ады курс поняло верно, и пошло. Однако, оставив на её полке «литературу».

Ада растерялась, перестала думать о попрыгунье, которую хотела похитить. И судорожно соображала, что делать с пачкой похабщины. Спрятать под подушку?

В вагон возвращались первые отоварившиеся пассажиры. Ада метнула гляцевую гадость на общий столик и притворилась спящей.

Плацкарт огласился воем пятилетней попрыгуньи. Она имитировала плывущую рыбину, зажав между ладоней сухого леща. При этом завывая как пожарная сирена.

— Это мы плывем по реке, — сообщала девчушка вагону и выплеснулась с сухой рыбиной на мелководье нижней полки.

— Куда ты прёшь с рыбой в постель!? — возмутилась мать Полита.

Расторопная попрыгунья сунула плоского леща под подушку, где затаился украденный ею фломастер.

— О, это что? — Полита бегло пролистала клубок журнальных тел. — А ну брысь отсюда, тебе это нельзя! — цыкнула она на дочку.

Ада вскипела на верхней полке:

— Что ты, сучка, ребёнку показываешь! — подала она голос.

— О! А это ещё что за мырма?

— Сволочь, — прошипела Ада.

Иван Иванович, озолотившийся копчёным жерехом, истекал слюной:

— Эх, сейчас рубанём, — обратился он, скорее, сам к себе. — Ну-ка давай, стели газету.

Сплетение тел уступило место на столике золотому жереху, и все предались тревоугодию.

Дембель звенел пивом: «Наливай»!

Пластилиновая Таня с мамой Таней шуршали целлофаном, пакуя дары привокзального сервиса.

— Вот папа обрадуется. Он любит рыбу, — сообщали друг другу две Татьяны семейные тайны. — И бабушке тоже дадим?

— Конечно, вот эту маленькую, — уточнила мамаша.

— А почему маленькую? — удивилась пластилиновая Таня.

— А золотая рыбка большой не бывает.

Ада на второй полке отгородилась от пошлости и запахов простыней и окунулась в свои криминальные думы.

Хотя почему криминальные? Девочку нужно вырвать из этого бедлама. Ей будет лучше, чем с этой шалавой Политой. Ада уже знала,

что девочка будет учиться в гимназии с экономическим уклоном. И английский будет изучать по особой программе.

Поезд содрогнулся на очередном стыке. Иван Иванович отвлёкся от рыбьего жира и бросил удовлетворённый взгляд в окно. Там лирически проплывала берёзовая роша.

— Сколько берёзовых веников можно было бы навязать, — вздохнул он.

— А нафига они тебе! Ешь вон рыбу, пей пиво. Я угошаю! — дембель из горячей точки запустил пятерню под ягодицу Лолиты. Он ощутил предел счастья, и берёзовые веники казались ему излишеством.

— Это же какой бизнес! В Москве веник, может, два доллара стоит.

— Чё, пять бутылок пива? — перевёл дембель на внутривагонную валюту берёзовые веники. — Тогда конечно! — и опустил косичку аксельбанта в рыбий жир.

Поезд въехал на гулкий мост над серебристой рекой, утробно погрохотал, оглашая сельские просторы. Недалёкий трактор с косилкой взбрыкнул на краю покоса и в восторге выпустил из трубы облачко дыма.

— Теплится ещё жизнь на деревне! — с удовлетворением отметил Иван Иванович. Он тоже ехал в родное село — проведать мать да братьев-сестёр. А может, там и остаться. Городская житуха ему поднадоела. Завод чахнет, уважения — никакого, жена запилила. Да и с Каткой, сельсоветской бледной поганкой, разобраться надо бы. Писала как-то сестра: «Приезжай, Ваня, в сельсовет выберем, ты ж институт имеешь. Катка-то сельсоветская зажралась совсем. Старух местных обижает, дома ихние по дешёвке скупает, да пришлым иностранцам продаёт. Приезжай, Ваня».

— Может, и правда присмотрюсь, останусь в родной деревне, — размышлял Иван Иванович, почёсывая под простыней пятки. — Построю там демократию суверенную.

— Мама, почему поезд дрожит? — вжалась в купейную перегородку Таня-дочка. Её бездарная мамаша, упаковавшая все копчёности, кроме запаха, ответила с перепугу и невпопад:

— Работа такая.

Ада в очередной раз смогла убедиться, что мама-Таня-в-лосинах окончательная дура, и это не могло не отразиться на её дочке:

— Гены пальцем не заткнёшь, — произнесла она ставшую народной мудрость. Эта уверенность окончательно разубедила Аду украсить пластилиновую Таню.

Лолита между тем потянула дембеля в тамбур:

— Пойдём свежего никотинчика вдохнём!

— Шас!.. — дембель распустил аксельбанты, поправил ремень и ниже пояса — а-ля Майкл Джексон. — У нас в горячей точке... — и отправился за Лолитой.

Поезд снова забил мелкий озноб.

Тягучий скрежет тормозов пронзил вязкую материю ветра, наслонившегося в ложбине.

Ада по-животному почувствовала приближение катастрофы. А мама Таня, скованная лосинами, склонилась над пластилиновой дочкой, выводя неуклюжие буквы. Она ничего не чувствовала:

— Возвращаемся назад. Вот, а теперь закруглись...

— Мама, я устала...

В это время попрыгунья-смуглянка встрепелась, намереваясь также принять участие в обучении. При этом нечаянно задела подушку ногами и свалила её на пол. Под подушкой обнаружился сушёный лещ и припрятанный фломастер.

— Мама, мама, вот мой фломастер! — обрадовалась Таня, тряся кудрявой головкой: — А-а-а...

— Ах ты, маленькая воровка! — возмутилась мама Таня и заворачивала бельевыми пуговицами глаз.

— Они с рыбой просто здесь спали, — попыталась убедить в невероятном попрыгунья.

— Оставьте ребёнка в покое, — вмешалась Ада.

— У меня книжки есть, зачем мне ваш фломастер, — заявила радужная смуглянка удушливым лосинам.

— Да, это я ей купил, — вмешался в скандал Иван Иванович, отвлёкшись от своего сельсоветского будущего и суверенной демократии.

Ада впиалась квадратными ногтями в подушечки ладоней, сдерживая гнев. Однако её вновь охватила пронизывающая тело тревога.

Жуткий гудок электровоза взорвал упругий полуденный воздух. Чудовишно заскрежетали тормоза. Весь состав сотряс чугунный удар. С верхних полок повалились люди и вещи. Никто ничего не понял. Состав какое-то время полз на тугих тормозах. Затем, потрясённый ударом, локомотив встал.

Как потом выяснилось, поезд столкнулся с заглохшим на переезде скотовозом. Он с километр протянул по полозьям рельсов машину с несчастными животными, которых так и не довезли до мясокомбината.

Оглушённые, испуганные люди в панике метались по вагонам. Некоторые проводницы сообразили открыть двери. Протрезвевший вмиг дембель из горячей точки выбил стекло и выпрыгнул под насыпь.

— Эй, мужик, давай спускай детей! — кричал солдат Ивану Иванычу, который замаячил в проёме выбитого окна. Там, однако, первой появилась Ада. Дембель с трудом помог дорожной женщине, трагически повисшей в проёме.

— Ты что лапаешь меня, сопляк! — возмутилась она, оказавшись в дембельских руках. Потом спохватилась: — Ой, спасибо, солдатик. Там дети...

Ада, прежде всего, имела в виду попрыгунью-смуглянку.

— Да знаю я, катись отсюда на хер, дура! — зло выругался дембель. — Давай, мужик, подавай детей! — крикнул он Ивану Ивановичу.

Тот, вывесившись по пояс из окна, бережно подал обмякшее тельце попрыгуньи.

Ада перехватила девчушку у солдата, скатилась под насыпь.

— Девочка моя, ты жива?

Девочка оказалась просто без сознания, Ада это быстро поняла.

Тем временем люди высыпали из вагона, кричали, искали друг друга, звали на помощь.

Ада мельком увидела в проёме разбитого окна силуэтик пластилиновой Тани — живая, ну и хорошо.

Она метнулась к дороге, где у переезда сгрудилась вереница машин.

— Давай её мне, — догнал Аду запыхавшийся Иван Иванович...
— Её надо в больницу срочно! — Ада пыталась внушить себе и Ивану Ивановичу, что именно она спасительница девочки.

— Документы, деньги не забыла хоть?

— Да взяла, взяла!

Выскочили на дорогу к переезду.

Под насыпью жалобно мычала искалеченная корова — из тех, что везли в скотовозе на мясокомбинат.

— Дорезать надо, — деловито заявил Иван Иванович, но не стал это делать сейчас. Он обратил внимание, что девочка зашевелилась в его руках и открыла мутные глаза.

— Дедушка, а где мама?

— Я здесь доченька, здесь. Я твоя мама. Пока побудь со мной, — взволнованно заговорила Ада.

Иван Иванович подскочил к водителю легковушки. Сунул ему хорошую денгу и приказал:

— В село Привольное, в местную амбулаторию. Это километров 150 отсюда.

— Знаю, — сказал шофёр, — доставлю.

Иван Иванович вырвал из записной книжки листок, нацарапал адрес.

— Это моя сестра. Скажешь — от Ивана Ивановича. Я вечером буду, — и побежал к вагонам.

«Жигулёнок» развернулся на пяточке дороги, вырвался на автотрассу.

— Доченька моя, я с тобой, — Ада ласкала попрыгунью, уверенная, что девочка действительно её и она будет с ней всегда... «А документы мы сделаем!» — подумала Ада решительно.

А Иван Иванович, возвращаясь в околывагонную катавасию, дорезал перочинным ножом искалеченную корову. Чтoб не мучилась...

Владимир КРУПИН

«ОД РАЙТ!» — СКАЗАЛ ЕМЕЛЯ

Серьёзная комедия о непостижимости русского языка и русской жизни

Действующие лица:

Андрей Васильевич, зять, преподаватель

Евдокия Ивановна, его тёща

Соня, студентка

Анна-Мария, аспирантка

Павел, слесарь-сантехник

Рудик, репортёр

Адик, оператор

Мария Антоновна, жена зятя

Время действия:

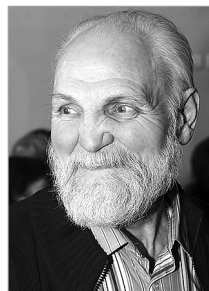
Наши дни.

*Город, квартира, комната. Стол, стул, книги, диван.**На диване Зять. Негромкая музыка. Звонит мобильник.*

Зять (шарит по одеялу, со стоном поворачивается, находит). У аппарата. Да. Да по-прежнему. Ещё бы не болело, это долго, это же рёбра, медленно заживают. Ничего, полезно. А то всё бегом-бегом. Господь и вразумил... Это? А! Слышишь? Прибавлю. Предисловие, та-скасть, к «Тангейзеру». Вот оно — счастья не было, несчастье помогло, сейчас у меня сплошная классика круглые сутки. Компьютер, конечно, зло, но ведь чудо — три секунды, и тут как тут Клаудио Аббада, Герберт, понимаешь ли, фон Караян, Федосеев, Светланов, не так себе! И Гаврилин, и Свиридов. Приезжайте всей кафедрой, Чайковским угошу, Моцартом, а Гендель «Аллилуйя», а? И не будет тоски, когда будет «Тоска», Джакомо, понимаешь ли, Пуччини... Ой, много болтаю. *(Поворачивается, стонет.)* Ой, рёбрышки мои, рёбрышки! Ой, грудная моя клеточка! Студентка? Хвост за первый курс? Оригинально. Конечно, дай адрес, это же рядом. Свечку поставьте... Да не перепутайте, не об упокоении. О, стоп! А эта немка, переводчица, аспирантка на кафедре? Да? Скажи, что я уже начал отвечать на её анкету... Да пусть, конечно, приходит. Дорогу знает.

Тёща (входит. Когда она входит, каждый раз врываются звуки телевизора. Новости, обозреватели, шоу. В руках Тёщи

Владимир Николаевич КРУПИН родился 7 сентября 1941 года в посёлке Кильмезь Кировской области. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института (1967). Преподавал. Работал редактором. Преподаёт в Московской духовной академии. Неоднократно бывал и выступал в городе Перми. Первая книга вышла в городе Москве в 1974 году: «Зёрна». Автор большого количества прозаических книг. Член Союза писателей СССР/России (1975). Лауреат различных литературных премий, в т. ч. Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Кавалер орденов Дружбы народов, Ф. Достоевского I степени (2012). Живёт в городе Москве.

программа передач. На шее висят большие круглые часы-будильник. Постоянно сверяет часы с программой.) Шить здорово, модный заговор, суд идиёт, мы уходим на рекламу, а вы оставайтесь с нами... Ты дома? Ещё не встал?

З я т ь (терпеливо). Болею.

Т ё щ а. А чего болеешь?

З я т ь. Я упал, сломал два ребра.

Т ё щ а. А-а. А чего телевизор не смотришь?

З я т ь. Это мой личный враг.

Т ё щ а. Какой враг, он же не человек.

З я т ь. Да, человеческого в нём мало.

Т ё щ а. За что его ненавидеть?

З я т ь. За то, что сделал вас телезависимой, у вас теленаркомания.

Т ё щ а. Но это как посмотреть. А ты чего лежишь?

З я т ь. Музыку слушаю.

Т ё щ а. Музыку слушают сидя, я точно знаю. А сегодня какой день? Вторник? Пятница?

З я т ь. Мне теперь это долго будет безразлично.

Т ё щ а. Как это безразлично? А какое число? А месяц какой? И ты не знаешь? Так нельзя, надо жить в ногу с веком. Ну, будешь уходить, скажи.

З я т ь. Куда я уйду? Мне ещё, сказали, три недели лежать.

Т ё щ а. А что с тобой? (Смотрит на программу, на часы.) Сейчас «Телевизамин», потом «Телебарахло», дальше «Телетрепотня». Надо смотреть.

З я т ь. Не буду.

Т ё щ а. И даже передачу «Телепузики в Интернете»?

З я т ь. Тоже не буду.

Т ё щ а. Почему? Чем объясняешь свою позицию?

З я т ь. Это всё для переделки людей в стадо.

Т ё щ а. Значит, надо воевать, а не лежать. (Пошла было, оглянулась.) Сейчас день, а лежат ночью. Я точно знаю.

З я т ь (терпеливо). Я два ребра сломал.

Т ё щ а. Я тоже руку ломала. Вроде левую.

Уходит. Телевизор не слышно, усиливаются звуки музыки.

«Итальянское каприччо». Зять слушает, подстывает.

Звонит мобильник.

З я т ь (слушает). Да ты что? Маришенька, милая, у нас всё шоколадненько... О! А я для тебя Глинку приготовил. «Воспоминание о летней ночи в Мадриде»... Общаемся с твоей мамочкой, общаемся. Навешает... Каждую минуту... Её лекарства? Всё по твоему списку! И от сосудов, и от суставов, и для восстановления памяти. И от давления... на меня... Мариш, ты за тридцать пять лет ещё не привыкла к моим шуткам? Не мешай мне бороться за звание лучшего зятя нашего времени. Она же прекрасно помнит и детство, и войну, только сейчас происходящее сразу забывает. Как говорят врачи: отсутствует реактивная память. Ну нельзя же по шестнадцать часов в день смотреть телевизор. Это и слона убьёт... Чем я тебя обижаю? Всё наладится. У моей жены идеальная мама... (Поворачивается, стонет.) У твоей мамы идеальный зять. У моей тёщи идеальная дочь... Да-а, здоров был — был виноват, болен стал — опять виноват. О-ой!

Извини... Как за что? За всё. При чём тут «издеваюсь»... Трубку бросила. *(Мобильник снова звонит.)* Ты что трубку-то бросаешь? А, вы? Извините, Анна-Мария, гутен морген... Да, уже гутен таг. Знаете, какой со мной казус? Да, увы, лежу. Человек предполагает, Бог располагает. Есть такая пословица у немцев?.. У немцев, как у греков, всё есть... Проститься? Почему проститься? Уезжаете? Так внезапно? Жду. Буду счастлив. Адрес прежний. Жду.

Звуки телевизора. Значит, Тёша.

Т ё ш а. «Народный контроль: караси вместо сёмги, маргарин вместо масла». Шиш им вместо масла. А где твоя жена?

З я т ь. На работе. Да вы ей только что звонили.

Т ё ш а. Я никому не звонила. Я вообще никому не звоню. Я вообще могу от вас уехать. Ты пойдёшь на улицу, возьми квитанцию, бандероль получи. У тебя паспорт есть?

З я т ь. Есть.

Т ё ш а. Без паспорта не дадут.

З я т ь. Ваша дочь получит.

Т ё ш а. Кто получит?

З я т ь. Жена моя.

Т ё ш а. Какая жена?

З я т ь. Первая. И она же, надеюсь, последняя!

Т ё ш а. Последняя у попа жена. А чего ты лежишь?

З я т ь. Я бежал по улице, стройка, побежал напрямик. Груда камней. Запнулся за один камень, упал грудью на другой. Так что меня тормознула судьба.

Т ё ш а. Не надо тормозить. Ходи на зелёный свет.

З я т ь. Сейчас можно и при зелёном упасть. Евдокия Ивановна, ко мне скоро переводчица придёт. Анна-Мария.

Т ё ш а. Сразу две?

З я т ь. Одна. Я же сказал: переводчицА, а не переводчицЫ.

Т ё ш а. Не надо из меня глухую делать! Мне хоть десять. Как жена на работе, так к тебе сразу бабы. Уже и меня не стесняешься. Высшее образование, называется!

З я т ь. Высшее? Только? Обижаете. Кто за меня докторскую защищал?

Т ё ш а уходит. Хлопает дверью в свою комнату, обрывая звуки телевизора. Успеваешь донестись фраза: «Инвестиции первоначальных накоплений обеспечиваются банковскими гарантиями».

З я т ь слушает своё. «Влтава» Сметаны.

Слышен звонок квартирного телефона и голос Т ё ш и:

— Нет, его дома нет... Не знаю, он часто уходит... Как заболел? Когда? Грудную клетку сломал? А где он сейчас? В больницу увезли?

З я т ь *(со стоном)*. Здесь я, здесь! Птичка в клетке.

Т ё ш а *(возвращаясь, с трубкой)*. Я думала, ты ушёл. Тебя к телефону. Какая-то кафедра.

З я т ь *(в трубку)*. Я самый. Дверь прикройте, не слышно. Нет, ничего не надо, всё есть, всё. Даже счастье есть! Слышите, Сороковая Моцарта? *(Приближает трубку к ноутбуку, после паузы.)* Чем плохо? Лежу, как в консерватории, на диване... А студентам без меня лучше. Помните школьный анекдот: «Дети, ваша любимая учительница заболела, уроков не будет». Дети: «Ура-а!»... Какая? Не помню. Ты уже адрес дал? Что ж, надо помогать молодым поколениям, надо

же будет, на кого Россию оставить. Нет, ничего, нормально, пусть приходит. Я тут от имени жены частушку сочинил: «Озерковские дома разной краской мазаны, в них живёт мой мужёчек, за ребро привязанный». Страдание рождает поэзию. Обнимаю.

Т ё ш а. Кого ты обнимаешь?

З я т ь. Сотрудников кафедры.

Т ё ш а. Не сотрудников, не ври, сотруднищ.

З я т ь. Они тоже заслуживают объятий.

Т ё ш а. А кто за ребро привязанный?

З я т ь. Я.

Т ё ш а. А как?

З я т ь. Я упал на улице, на перекрёстке, сломал два ребра.

Т ё ш а. С верёвкой падал?

З я т ь. С какой верёвкой?

Т ё ш а. Ты сказал: привязанный.

З я т ь. Это иносказательно. Верёвки не было.

Т ё ш а. А чем тогда привязанный?

З я т ь. Рёбрами. Восьмым и девятым.

Т ё ш а. Всё-таки не первым.

З я т ь. Ой! Буду лежать.

Т ё ш а. Ну лежи. *(Смотрит в программу.)* «Кому не захочется стать миллионером?» А я вот не хочу! Мы всегда жили не для денег, а для страны. Но пасаран! Гитлер капут! *(Пошла, повернулась.)* Если будешь уходить, скажи.

З я т ь. Куда я уйду, никуда я не уйду.

Т ё ш а. А почему?

З я т ь. Встать не могу.

Т ё ш а. А что такое?

З я т ь. Рёбра сломаны, страдаю.

Т ё ш а. Ну лежи, страдай. Иногда полезно. Дверь закрыть?

З я т ь. Да, чтоб телевизор не слышать.

Т ё ш а. Закрою.

Закрывает за собой дверь. Музыка. Отрывок из «Картинок с выставки» Мусоргского. Слушаем вместе с Зятем.

Дверь открывается.

— Тебя опять к телефону.

З я т ь. *(В трубку):* Да. Добрый-то добрый, да не очень: вы знаете, со мной позавчера такой случай... Да? Вы уже здесь? Надо же. А я, я в некотором роде обездвижен... Что ж делать, поднимайтесь. *(Тёше, отдавая трубку):* Это пока не Анна-Мария, пока студентка. Прыткая резвушка. За зачётом приехала. Вот как рвутся к знаниям. А мы всё говорим: молодёжь плохая. Откройте ей, пожалуйста. Поставьте, пожалуйста, стул перед кроватью, пожалуйста. Ну, дамы!

Т ё ш а. *(Ставит стул.)* Укол придут делать? А извещение почему не заполнил? Ты получи, а то взимается пеня. В пятьдесят седьмом я посылку от папы и мамы не могла получить. А пени взыскали!

З я т ь. Вот она, тоталитарная система.

Т ё ш а. У тебя паспорт при себе? А ты чего лежишь?

З я т ь. Болею.

Т ё ш а. Не надо болеть. Вот я: встаю в шесть, делаю зарядку, принимаю душ. Ты делал сегодня зарядку?

З я т ь. Нет.

Т ё ш а. А почему?

З я т ь. Не могу.

Т ё ш а. Почему не можешь?

З я т ь. Я сломал два ребра. Два.

Т ё ш а. Всё-таки не три же. Долго лежать вредно. И зарядку не делал?

З я т ь. Объясните мне, как делать зарядку со сломанными рёбрами?

Т ё ш а. Очень просто: на счёт раз-два! И раз, и два, и три! Упал-отжался.

З я т ь. Упасть-то я сумел, отжаться не смог. *(Звонит его мобильник.)* Какой слесарь? Ты вызывала? А, профилактика. Нет, не приходил. Конечно, всё только тебе одной надо. Не сердись, милая Маришенька.

Звонок в дверь. Кто-то пришёл. «Песня Сольвейг» Грига.

Тёша пошла, открыла, вернулась со студенткой.

С т у д е н т к а. Извините, Андрей Василич, здравствуйте!

З я т ь. Добрый день, присядьте. Зачем вы разулись? Елизавета Ивановна, можно вас попросить принести шлёпанцы?

С т у д е н т к а. Ой, что вы, зачем?! Ножки отдохнут. Я босиком люблю ходить. Бежать так здоровски по отмели пляжа! Брызги — так круто! Ой, ну я же туфли принесла *(Надевает туфли.)* прямо как в театр. К вам — как на праздник. *(Протягивает зачётку.)* Смешной случай, в деканате обнаружили, что древнерусская ещё не сдана. Нет, вначале это. *(Достаёт, видно, что тяжёлую, плитку.)* Плинфа, кирпич такой плоский. Из Херсонеса. Ухаживал за мной археолог, торил тропу к сердцу. А я знаю, что вы — любитель старины. Литература же древнежерусская, а не современная. Современная, это что? Асфальт, бетон, синтетика. *(О плинфе.)* Вам. Раритет. Там Андрей Первозванный был. А вы Андрей. Там князь Владимир крестился. Это, может от купели его. Куда положить?

З я т ь. Не надо мне ничего.

С о н я. Это же не что-нибудь, не подумайте. Это уважение, это даже любовь к вашему предмету. Древнерусская литература. Всю жизнь мечтала. *(Протягивает зачётку.)*

З я т ь. Так мечтали, что и сдавать вовремя не захотели?

Т ё ш а. А телевизор чего не смотрите? Скоро «Политика. Кто кого перевёрт». Или... вот! *(Смотрит на программу, на часы.)* О, включайте, начинается «Звони, моментально поможем!» *(Ушла.)*

Музыка Гаврилина из балета «Анюта». Слушаем.

З я т ь *(листаёт зачётку.)* То есть у вас хвост, София Борисовна?

С т у д е н т к а *(кокетливо)*. Ой, нет, просто Соня. СОфа, Софочка. А ещё меня обзывали СофА. Правда, смешно?

З я т ь. Очень. И что вы успели прочесть?

С о н я. Ой, всё-всё! Так много прочитала, что просто всё забыла. Но готовилась. Честно. Сто пудов.

З я т ь. Вопрос: «Слово о Законе и Благодати». О чём оно, когда, кем написано, перед кем произнесено? Основные его положения. *(Неловко поворачивается, коротко стонет.)*

С о н я. Андрей Василич, это так серьёзно? Ой, давайте я сделаю массаж. *(Засучивает рукава, близко подходит.)* Я могу, я круто делаю, у меня прямо кричат от восторга.

Т ё щ а (*появляясь вместе со звуками телевизора*). Это должен знать каждый: уплати налоги и спи спокойно, дорогой товарищ. Проверка — сейчас слесарь-сантехник придёт. У нас за воду заплачено? Неправомерно растут цены на коммунальные услуги. В советское время цены были доступны всем слоям населения. И стабильны. Нельзя забывать уроки Сталина. (*Скрывается.*)

З я т ь. Отвечайте, София.

С о н я. Что отвечать?

З я т ь. На поставленные вопросы.

С о н я. На какие?

З я т ь. На заданные мною только что.

С о н я. Ой, а я не помню. Кто и для кого, да? И кто и кому, да? Ну да, это да, это «Слово», конечно, ещё бы. И вообще! Слово же о Законе, ведь так ведь?

З я т ь. Ну, мне уже кажется, что у меня две тёщи.

С о н я. Ой, я тут не в курсАх.

Т ё щ а. (*Снова, с листком.*) Там велели номер записать и позвонить. Я записала. Вот.

З я т ь. И позвонили?

Т ё щ а. Надо позвонить?

З я т ь. А зачем телефон записали?

Т ё щ а. Говорят: запишите. Продиктовали. И на экране тоже он же. Я записала. Раз велют.

З я т ь. Ну и позвоните.

С о н я. А хотите, я позвоню? У меня по телефону классно получается. В любую фирму звоню, и всё тип-топ.

Т ё щ а. Сама позвоню. Ты будешь уходить — скажи.

С о н я. Как я уйду, я пока без зачёта.

З я т ь. Это мне. Я хоть и с зачётом, да не уйду. Звоните, звоните.

Тёща уходит. Зять аккуратно, не без стопа, поворачивается.

По приёмнику начало Пятой Бетховена.

З я т ь. То есть «Слово о Законе и Благодати» прошло для вас незамеченным. Но вот под такие мощные звуки поведайте граду и миру своё видение «Слова о полку Игореве». Когда оно написано?

С о н я. Точно не знаю, но точно знаю, что давно.

З я т ь. Логично. Отсюда не видать. Оно написано через столетие после «Слова о Законе и Благодати». Это что-то говорит вам?

С о н я (*от музыки аж глаза прикрыла*). Ваше, такая музыка клёвая. Я от музыки ташусь.

З я т ь. Куда ташитесь?

С о н я. Прикольно ташусь.

З я т ь. Но почему ташитесь о т музыки, а не к ней?

С о н я (*впервые задумавшись*). Я и от вас ташусь.

З я т ь. По логике вещей, вы не от меня ташитесь, а ко мне притащились. (*Морщится от боли.*) И потащитесь скоро от меня без зачёта.

С о н я. Только не это! Не убивайте!

Звонок в дверь.

— Я открою, я мигом!

З я т ь. Евдокия Ивановна откроет. Не теряйте времени, отвечайте.

С о н я. Я всё читала. Даже... вот! «Повесть о горе и счастье».

З я т ь. О каком счастьеи?

С о н я. Ну как же? О человеческом. (*Двигает зачётку к Зятю.*)
 З я т ь (*отодвигает зачётку*). Это не о счастье, а о пьянстве.
 Называется «Повесть о Горе-злосчастьи». Зло! Какое же пьянство — счастье, а?

После стука в дверь появляются Тёща с Переводчицей.

А н н а - М а р и я. Гутен таг, либер Андрей Васильевич.

З я т ь. Эс лебе фрау уберзетцен. Да здравствует великая переводчица с русского на немецкий! Анна-Мария, я весь перед вами, вот только, простите, ферцайен зи мих, энтшульдиге зим их битте, не на коленях. Перед падением на камень мне надо было вспомнить великую немецкую пословицу, она же и русская: Айле мит вайле. Тише едешь — дальше будешь.

Т ё щ а. А где вторая? Ты же сказала о двух.

А н н а - М а р и я. Я вам себя одну представила. У меня имя такое, двойное.

Т ё щ а. Чего людей-то смешить! Двойное. Ты же одна.

А н н а - М а р и я. Прошу. (*Отдаёт Тёще коробку конфет.*)

Т ё щ а. Не просроченные? С контрольной закупки?

С о н я (*в сторону*). Дарёному коню в зубы не смотрят. (*Вслух*): Хорошо бы и мне двойное: Соня-Маня. А то я совсем одна.

З я т ь. Познакомьтесь: Анна-Мария — Евдокия Ивановна, Анна-Мария — София Борисовна. Соня, послушайте. Давайте так: я выйду на работу, а вы почитаете эти недельки три-четыре, и садите.

С о н я (*сразу плачет*). Андрюшечка Васильевисилёчек! Меня убьют. Я сама утоплюсь! Вы разве не знаете, что мы, несчастные девушки, учимся только для диплома, для выхода замуж. У меня уже один раз сорвалось. Но я не жалею. Он обозвал меня даже не искусствоведкой, а искусствоведьмой. И это пережить? Я его на ноль помножила. Он для меня стал весь фиолетовый. Леонардо Недовинченный! Ему бы всё веселуху. А я девушка положительная.

А н н а - М а р и я. София, я не знала, что в России девушки учатся только для выхода замуж. А как же профессия?

С о н я. Профессия? Вообще, да, во мне проснулась неосознанная тяга к профессии искусствоведа.

А н н а - М а р и я. Неужели замуж выходят только с дипломом?

Т ё щ а (*возмущённо*). А где же чистое чувство любви? Совсем совесть потеряли. Вот кого полюбила моя дочь! Дура такая! Я говорила: выходи за лейтенанта. Она: хи-хи, ха-ха, я за аспиранта. Вот, дорифмовалась! (*Зятю*): Может, у тебя и дети на стороне есть? То-то ты так мало денег домой приносишь. (*Уходит.*)

С о н я. Две недели?! Вы меня убиваете. За час выучу! (*Отходит к окну, садится с книгой.*)

З я т ь. Анна-Мария, каюсь, мало помогал вам в этот ваш приезд.

А н н а - М а р и я. Нет, что вы! Всё есть очень хорошо. Русский язык великий язык.

З я т ь. Да-да, в нём, как в Боге, постижимо только то, что он непостижим. Квас пишется вместе, а к вам отдельно. Это трудно понять лицам кавказской национальности.

А н н а - М а р и я. Мне очень нравится, как вы написали о переводе сказки про Емелю на английский и обратном переводе на русский.

З я т ь. Да, сказка «По шущему велению» ушла от нас за границу, а вернулась оттуда называемая «Приказ шуки», сильно ошипанная, опреснённая, выхолощенная. И как иначе? *(Коротко стонет.)* У вас нет значений многих русских слов, нет и явлений, которые русские слова обозначают. Нет ярмарки, нет гостинчика, есть супермаркет и презент. Нет собора, совешания, слёта, летучки, планёрки, только саммит. «Емеля, организуй доставку воды, а то братья не посетят супермаркет, не оформят тебе презент. “Олл райт”, — сказал Емеля и пошёл организовывать доставку воды».

С о н я *(она или читает, или занимается айфоном, или прислушивается)*. «“Олл райт”, — сказал Емеля»? Классно! Клёво! Офигительно!

З я т ь *(о Соне)*. Это, Анна-Мария, демократический язык нового времени. Вот ещё прилагаю небольшой рассказец о том, как русских не понимают. На сей раз японцы.

А н н а - М а р и я. Можно, я прямо сейчас прочитать?

З я т ь. Буду признателен.

Т ё щ а *(появляясь с трубкой)*. А какой у нас адрес?

З я т ь. Озерковская, 19–41.

Т ё щ а *(в свой телефон)*. Озерковская, 19–41. Да, я всегда дома... Вам того же самого. Главное, не болейте. Вот я встаю в шесть часов, делаю зарядку, принимаю душ... Да! Да! *(Зятю)*: Ты в комнату перейди, телевизор же надо смотреть. *(Читает программу)*: «Десять мужей кинозвезды, пять жён и десять любовниц актёра. Разврат это или любовь? Решаем вместе».

З я т ь. Я телевизор не смотрю. Одна брехаловка.

С о н я. Да-да, точно!

А н н а - М а р и я. Ужасно назойливая реклама.

Т ё щ а. Погоду всё-таки говорят.

С о н я. Да и погоду всегда переврут.

Т ё щ а *(Зятю)*. А ты чего лежишь?

С о н я. Он болен! Разве не видно?

Т ё щ а *(меняет ближние очки на дальние, рассматривает Соню. Говорит Зятю)*: Надо же на почту идти.

З я т ь. Не пойду. Я упал, сломал рёбра. Восьмое и девятое. Анна-Мария, вот и это посмотрите, тоже приготовил для вас *(Протягивает листок.)*.

Анна-Мария углубилась в чтение.

Т ё щ а. Как сломал?

З я т ь. Как все ломают, так и я.

Т ё щ а. Все не ломают. Я же не ломаю. Но ты с паспортом был? Надо ломать с паспортом. А то ребра нет — и паспорта нет. Как это без паспорта?

З я т ь. Когда падаешь, о паспорте не думаешь.

Т ё щ а. Не думаешь? Интересно! Это же основной документ.

С о н я. Да, не думаешь. И вообще скоро будут электронные паспорта. *(Тёще)*: Имейте в виду — падаешь бездумно. Это же даже в школе: угол падения равен углу отражения.

Т ё щ а. Но у тебя рентген был?

З я т ь. Был.

Т ё щ а. И что? Там есть перелом? Что сказали?

З я т ь. Сказали — сломаны два ребра.

Т ё ш а. Надо тебе банки поставить на это место. И всё сразу пройдёт. Поставить?

С о н я. Банки — это экстремально, даже где-то как бы на грани. Лучше массаж. Я сделаю. И на почту схожу. И доверенности не надо. Мне всегда верят. У меня тотальное обаяние. Я любую ситуацию могу проинтуичить.

Т ё ш а. Чего ичить?

С о н я. Проинтуичить. Интуиция! Предчувствие. Поступки вне логики.

Т ё ш а *(вновь разглядела Соню)*. Ты внучка моя, что ли?

С о н я. Я согласна!

З я т ь *(стонет)*. Соня, Евдокия Ивановна, позвольте напомнить о том, что я в лежачем положении.

С о н я. Ой, это так хорошо — в лежачем! Андрей Васильевич, я поставлю зачёт, вам только расписаться. Или покажите, как вы расписывается, я скопирую. Я умею.

З я т ь. Да, Соня, вы девушка весьма экспрессивная, вельми экспансивная и зело пассионарная. Всё-таки последний вопрос: почему мы всегда будем смотреть на древнерусскую литературу не как на давно прошедшую, а как на недостижимую? Почему русская литература самая лучшая в мире?

С о н я. Ещё бы! Кто бы спорил! *(Опять суёт зачётку)*. Всем до нас как пешком до луны.

З я т ь. Вы меня, говоря вашим языком, достали. Идите на кухню, садитесь там, читайте учебник.

С о н я *(убегая)*. Ура! Я и плитку помою.

З я т ь. Это моя студентка. Дама энергичная.

А н н а - М а р и я. Далеко пойдёт. Если милиция не задержит. Так у вас шутят?

З я т ь. Так не так, перетакивать не будем. Читаю ваш вопросник.

А н н а - М а р и я. Включаю запись.

З я т ь. «Как понять, сколько лет мальчику, которому говорят: «Ну что, Саня, пахать ты мал, боронить велик, а за вином бегать в самый раз». Сколько годов этому Сане?

З я т ь. Сколько угодно. Главное — знать дорогу в магазин. *(Смотрит в вопросник)*. Ещё тут вопрос: «Любимые изречения русского человека». Авось-небось. Может быть, ещё такое: да и плевать! Наплевать и забыть.

А н н а - М а р и я. Как плевать? На что плевать?

З я т ь. На асфальт. На землю нельзя, грех. Лучше всего плевать на деньги. Вот они прямо плывут в руки, и надо сделать усилие, взять их, но лень, вот они проплывают, русский машет рукой: да и плевать. Смысл в том, что материальный расчёт у русских не на первом плане. Дальше. «Баня». Немцы любят баню?

А н н а - М а р и я. О, я, я! Да, да.

З я т ь. И у них, чувствую, всё чётко: пять минут парная, десять отдых. А у нас говорят: «Да как пойдёт». Дальше: «Частушки». Про частушки всего не переговорить. Вот и про баню. «У кого какая баня, у меня осинова. У кого какая милка, у меня красивая». Осина на баню самое то.

А н н а - М а р и я. Самое что?

З я т ь. Хорошо подходит. А вот ель, сосна похуже. «У кого какая

баня, у меня еловая, у кого какая милка, у меня (замялся) ну, не очень.

С о н я (оказывается, слышала). У меня хреновая.

З я т ь. София!

С о н я. А что? Я живу близко к народу. Вы же всё время говорите на лекциях: учиться у народа. Ещё пойду и раковину почищу. (Уходит.)

З я т ь. М-да. Сосновая. А девушка отвечает: «У кого какая баня, у меня из кирпичей. У кого какой милёнок, у меня из трепачей».

А н н а - М а р и я (записывает). Из трепачей.

З я т ь. А девушка, обиженная тем, что на вечерке на неё не обращали внимания...

А н н а - М а р и я. На вечерке (Записывает.)

З я т ь. обиженная невниманием, поёт: «Я и пела и плясала, а меня обидели: страшных всех порасхватили, а меня не видели». Или: «За веселье и за пляску, ой спасибо, играчок. Наплясалась и напелась, так зачем мне мужичок?»

А н н а - М а р и я. Играчок? Кто это есть? Это сленг?

З я т ь. Аккомпаниатор для песен и танцев. Гармонист, баянист. Он же играет, играчок. А старуха, которая сидит-сидит, глядит на молодёжь, да вдруг и не выдержит, выскакивает и подтопывая, говорит: «Оттоптались мои ноженьки, отпел мой голосок, а теперь тёмной ноченькой не сплю на волосок». Именно оттоптались, а не отходили. Здорово, правда? А вот это: не сплю на волосок. Поэзия!

А н н а - М а р и я. То есть, не спит на волосах? На причёске?

С о н я (опять появилась). Нисколько не спит. Разве непонятно?

З я т ь. София! Не встревайте. А вот частушки безумно мне нравятся: «Ой вы, девушки-припевушки, народец гулевой. Зарастают ваши тропочки осокой зеленОй». Осокой зеленОй, а? Или та же серия: «Ой вы, девушки-припевушки, а нам не до того: у нас дедушка и бабушка сдают Бэгэтэ». Такой значок был — «Будь готов к труду и обороне». Очень нужный и сейчас. А вот нежнейшая: «Ты играй, гармонь моя, сегодня тихая заря, тихая зариночка, со мною ягодиночка». Девицы-красавицы, разве не хочется быть ягодиночкой, сидеть с любимым при тихой зариночке? А? Аннушка-Мариечка? Соня, Аня-Маня! Заметили, я сказал, что нравится безумно? Без участия ума. Сердцем, душой чувствуешь.

Звонок в дверь. Соня, уже не спрашивая, убегает.

Т ё ш а (появляясь вместе со звуками ТВ). Ты ещё не встал? Хоть бы подумал: при женщинах и без галстука. (Анне-Марии): А ты чего у его кровати? Тут, что ли, ночевала?

З я т ь. Евдокия Ивановна, как изяшно вы шутите! Ещё раз знакомьтесь, моя переводчица.

Т ё ш а. А это надо?

А н н а - М а р и я. Очень! В Европе до сих пор плохо знают русскую культуру. Народную вообще не знают. Даже есть европейские дикари, которые думают, что в России все мужчины пьяницы, а женщины толерантны ко всем мужчинам.

Т ё ш а. А зачем?

З я т ь. Да, поведайте нам, Аннушка-Машенька, зачем Европе Россия?

А н н а - М а р и я. Чтобы понять, что спасение только в России.

Т ё ш а. А ты откуда?

А н н а - М а р и я. Я из Германии.

Т ё ш а. Я была в Германии. На рейхстаге расписалась.

Слышно, как кто-то стучит по батареям отопления.

Вскоре входят Соня и слесарь Павел.

П а в е л. Всем привет. Не разулся, ничего? Плановая проверка. Да, у вас эта батарея вспотела? Вижу. *(Простукивает.)*

С о н я. Мониторинг отопления. Вот какое слово знаю. Хватит же для зачёта? А это Павел, гигант сантехники.

П а в е л. Чего ты лепишь? Может, я разговору помешал?

З я т ь. Наше толковище не секретное. Толковище *(Анне-Марии)* — это собрание, планёрка, летучка, пятиминутка, сход, сходняк по-уголовному, люди собираются потолковать. Вот и мы толкуем. *(Павлу):* Можете и вы с нами потолковать.

П а в е л. Это я с ходу.

З я т ь. Это Анна-Мария, гостя из Германии. Ей всё русское интересно.

П а в е л. Русское? А что? *(Чуть задумался.)* Русское вот. Все русских превозносят, а я покритикую. Могут ведь и на своих настучать, продать запросто. Вот, ещё был запрет на самогонование, мне выдали враз и зарплату, и премиальные, и вознаграждение за рационализацию, ценили мастеров. Сумму выдали приличную. Но мелкими. Новенькими. Пришёл домой, думаю, дай жёну посмеши. Разложил денежки по столам, подоконникам, по полу. Вдруг сосед. Пришёл, обомлел. А я парень весёлый, говорю: вот напечатал, просушиваю. Он ушёл и... и настучал: «Приезжайте, фальшивомонетчик». Менты тут же. В глазах у них зеленеет от счастья. «Где станок?» Я сразу допёр, кому обязан. «У соседа прячу». Они к соседу. И что? И накрыли у него самогонный аппарат из дефицитной ворованной нержавеющейки.

З я т ь. Анна-Мария, это называется: не рой другому яму, сам в неё попадёшь. Павел, это интересный пример нехорошего поведения русского человека, а...

А н н а - М а р и я. Нет, я защищу соседа, он обязан был донести в полицию о нарушении закона. Нельзя же было производить нелегальный самогон.

З я т ь. М-да. У немцев порядок. А нет ли, Павел, в вашей памяти хорошего примера из русской жизни?

П а в е л. Да как нет! Вагон и маленькая тележка. Я, например, гляжу на нынешних женщин, как они все в штанах, да курят, да хлещут...

С о н я. Это не обо мне!

П а в е л *(назидательно)*. Исключения подтверждают правило.

С о н я. О, как мы!

З я т ь. Вот какие у нас, Аня-Маня, сантехники. И что? Слушаем.

П а в е л. Я из села. В детстве был случай, это на всю жизнь память, какие были девушки. Баня горела у нас. Мылись три подружки. Зимой, уже вечер. Загорелось с предбанника, в дверь не выскочишь. Одежда сгорела. Люди сбежались, мужики окно выбили, брёвна в сторону отворотили, им кричат. Две девушки выскочили, всем же потешно — голые на снегу при свете пожара. Картина! Убежали. Но мылись-то трое, а выскочили две. А про третью они крикнули: «Сгорит, а не выйдет!» Они изнутри кричит: «Дайте одежду!» Мать её сорвала с себя пальто, полушалок, к бане

рванулась. А там же жара! Как у мартена. А парень один у матери пальто и шаль выхватил и сам к бане. Кинул в проём одежду, сам упал на снег, видно было, как у него шапка задымилась. Крыша пылает, ужас. Наконец, вылезла. Так даже на ней и платок был завязан. Вылезла, упала парню на руки. Он с ней отбежал метра четыре и сам упал. Их отташили. А тут и крыша просела, пламя взвилось. Вот оно как.

С о н я. Но он же сгореть мог! И она бы сгорела, и его бы погубила. Три секунды можно было побыть инженером? В неглиже? Гольшом! Что такого? Если ещё фигура (*Посмотрела на себя.*) приличная.

П а в е л. Вот так и тогда некоторые рассуждали. А я её хвалю, и многие хвалили. Вот какая была стыдливость у девушек.

А н н а - М а р и я. Инцидента могло не быть, если бы в бане были соблюдены правила противопожарной безопасности. Но вот я пометила слова: вагон и маленькая тележка, полушалок, шаль, платок, это разное?

З я т ь. Почти синонимы. Головной убор. Не кичка, не кокошник.

С о н я. Ещё бывает косынка.

Т ё щ а (*появляясь*). Чего бывает? Бывает, и девка рождает. Ну и зятёк у меня! Лежит, будто так и надо.

П а в е л. А чего не лежать? Я тоже люблю перекуры. Сейчас в деревне у тётки был, видите царापину — петух наградил. У тётки петух как собака, собаки не надо. Все его боятся. А три недели не боялись. Почему? Он курочку-рябу соседскую полюбил. И стал как ручной. Он-то инкубаторский, а она папина-мамина. Но у неё же свой петух есть. Они и схлестнулись. Стали драться из-за этой курочки. Куры перестали нести яйца. И что делать? А то, что курочек много, петух один и именно курочке сделали секим-башка. И её петух, тоже домашний, стал умирать с горя. Да и умер бы. Но разве петухам дают умереть своей смертью? Его поторопили.

А н н а - М а р и я. Как поторопили?

П а в е л. Как? Досрочно умер, вот как.

С о н я. А инкубаторский?

П а в е л. Этот? Этот живее всех живых, опять дерётся. А ведь был совсем ручной. Из-за любви. Любовь облагораживает.

А н н а - М а р и я. О да! Это общемировая тема литературы.

П а в е л (*во время рассказа чего-то крутит у батареи, вдруг вскрикивает, чего-то не то сделал*). Ну, руки-крюки, извините. Ведро надо, тазик какой, тряпку хотя бы.

С о н я. Где у вас вёдра, тазики где? Без тряпки, что ли, живёте?

Т ё щ а. Не двигаться! Ты тут не хозяйка, ишь, раскомандовалась. Хозяйка тут — моя дочь. (*Трешит её будильник. Смотрит на расписание передач.*) Сейчас «Обезьяны и попугаи. Один в один. Кто кого лучше передразнит?» Пойду посмотреть.

Уходит. И Соня с ней высказывает.

З я т ь (*он уже звонит по мобильнику*). Слушай, где у нас ведро или тазик? Отопление прорвало.

П а в е л. Да не прорвало, чего выдумали! Десять капель покапало. Заменю в муфте прокладку. Просто боюсь пол залить. А нижних затопишь, это какие же деньги именно вам платить. Тут рядом в подъезде квартиру пятый раз заливает. Уже даже выехали.

З я т ь (по мобильнику). Не срывайся, не дёргайся, всё в порядке. Соня и Анна-Мария помогут... Кто? Потом объясню. Пожалуйста, не говори в таком тоне! Опять трубку швыряет.

А н н а - М а р и я. Мой муж тоже не знает о местоположении предметов для домашней уборки.

З я т ь. Все мы такие мужья. Во всё виноваты (Стонет.). Главное дело жены — загнать мужа в гроб, а потом говорить, что он был всех лучше.

С о н я (с ведром, шваброй, уже в фартуке, уже в рабочем платочке). Паша, займёмся! Слушай, ты гастарбайтер или коренной?

П а в е л. В каком смысле?

С о н я. Ну, ты из слаборазвитой страны или из бывших республик?

З я т ь. Это сейчас одно и то же. Были мы для них оккупантами да москалями, а теперь едут к нам улицы подметать.

П а в е л. Я тут полжизни и ещё маленько.

З я т ь. То есть он не пристяжной, а почти коренной. Видите, Анна-Мария, коренной, пристяжной — слова из позапрошлого века. Уходит та Русь, идёт что-то новое, не очень понятное. Но Русь жива!

С о н я (слесарю). И квартира у тебя есть?

П а в е л. Не собачья же будка. Коммуналка, в общем. С женой разменялись. Она дура психованная, да и я, честно сказать, хорош, поддавал крепко. Но на работе держат — специалист.

С о н я. А меня пропишешь? Большая у тебя комната?

П а в е л. Девять метров.

С о н я. Тесновато.

П а в е л. Так квадратных же!

С о н я. Пропиши. Не пожалеешь. У меня скоро высшее.

П а в е л. Да я с этим (Показывает гаечный ключ.) больше зашибу, чем все они со всеми дипломами. Я вот иду, подсказывает ко мне: Павел Васильевич, Павел Васильевич! А я: да ладно, Давыдыч, не вибрируй, зайду. А он профессор. А кто выше? И кто нужней? Давыдыч, говорю, пока живи, разрешаю.

А н н а - М а р и я. Давыдыч — это фамилия?

П а в е л. Это я его так зову. Он все телефоны в диспетчерской замучил, его уже там ненавидят: всё слесаря вызывает. Уехать хочет в Израиль. Но я не отпущу. Да он и сам не уедет, там шевелиться надо, а тут ему чего не жить!

А н н а - М а р и я. Потому что тут есть такой слесарь, как вы?

П а в е л. Есть такой. Это вы правильно заметили. Давыдыч уважает меня, потому что я люблю уважение. И не надо меня вызванивать. Чтоб меня через кого-то вызванивали, это меня обижает. Ты за мной лично приди. Ножками, ножками. Ты вот профессор, а куда ты без меня? Я человек по ходу жизни ещё молодой, но я старый русский. Мне главное не деньги, а жила бы страна родная, и чтобы мне никаких забот.

С о н я. А ты женат?

П а в е л. Какая разница?

С о н я. Огромная! Разве тебе идёт такая рубашка? Я тебя вижу в другой тональности. Ты плохо смотришься по пятну. Туфли вельветовые — ужас! Кепку сожги. Надо тобой всерьёз заняться.

П а в е л. Ну и займись, купи мне новую кепку. *(Вертит кепку в руках.)* Я к ней привык. Да и зачем? Ещё тебе и рубашу смени. Мне что, выступать, что ли, перед кем с броневика?

С о н я. Да! Выступать! Перед единственной! Если она сейчас у тебя есть, немедленно расстанься! Единственная своего единственного до такого состояния не доведёт. Переведи стрелки! Ты ж офицерный мужчина! А мужчина тогда мужчина, когда не только может, но и хочет нравиться женщине. Если мужчина не хочет нравиться женщине, он погибает. Нравственно, а затем и...

П а в е л... А затем и, это у меня было. Я пыльным мешком из-за угла не прихлопнутый, я вуза прихватил. Потом понял: сильно умные сильно плохо живут. Он спит, а голова работает. И проснулся дурной и смурной. А я сплю без задних ног. Он не высался, а я как огурчик. Это, Сонечка, понимают умные дочери Евы.

С о н я. У Евы не все дочери умные.

А н н а-М а р и я *(до того внимательно слушающая с блокнотиком)*. Господин слесарь, именно буквально пыльным мешком? Из-за угла почему? Прихлопнутый что?

П а в е л. Значит, с прибабахом. Чирикнутый, ещё говорят.

А н н а-М а р и я. А как без задних ног? Это об инвалидах, потерявших конечности?

С о н я. Это об учёных. Которые опыляются выхолощенным телеязыком.

З я т ь. Анна, не обращайтесь внимания на подковырки. Соня, зачем вам учить древнерусскую литературу? Вы готовый психоаналитик.

С о н я. Да? Классно! Так это же основание для... *(Открывает зачётку.)*

Т ё ш а *(входя)*. Собрание, что ли, какое? Чего не позвали?

З я т ь. У нас симпозиум сАммитович.

Т ё ш а. Чего-то ты путаешься. Крепко ты сегодня переспал. Крепко. Новости не будешь смотреть? «Майдан заползает в Европу»...

З я т ь. ...чистить европейские туалеты. У меня новость — Шуберт, серенада. *(Прибавляет звук...)* А?.. Как?

С о н я. Шедеврально! Паша, всё?

З я т ь. Сколько мы должны?

П а в е л. Обижаешь, начальник.

С о н я. Мы бескорыстные.

Т ё ш а *(оглядывается)*. А изображение где? Надо мастера вызвать.

П а в е л *(вытирая руки)*. Я и есть мастер.

С о н я. И в ноутбуке сечёшь? У меня «Эпл-макинтош».

Т ё ш а. Надо мастера кормить. Свекровь-покойница всегда наставляла: Дусенька, работников надо кормить в первую очередь. Свекровь у меня была — как у моего зятя тёща. Но я-то ценила её, в отличие от некоторых. Мастер, руки мыть, и за стол! Идём на кухню. У тебя аппетит хороший?

П а в е л. У меня аппетит — нежёвано летит! Если ещё и мерзавчик будет, а?

Т ё ш а. И мерзавчик, и шкалик, и стопарик. Вот с закуской не очень. В нашей трудной жизни не до разносолов. Санкции.

П а в е л. Санкции, санкции, а в какой дом ни придёшь, на столе всего полно!

С о н я. Да, Паша, ты точно подметил. Но качество продуктов?

П а в е л. А! Человек не свинья, всё съест. Нас и кормят как свиней, чтоб скорей закруглялись, вымирали, зачистку России делают. Убивают же нас. И через продукты тоже. У меня тётка в деревню привезла из города колбасу, собаки не едят. Выбросила на помойку, и вороны не клюют.

З я т ь. А вот телевизор расклюют. Выкинуть его на помойку!

Т ё ш а. Что-то ты больно развыкидывался. Ты его покупал? Его моя дочь покупала. Зарплата у тебя какая? Скажи им. Скажи, скажи. Стыдно сказать? Стыдно?

З я т ь. Ой, извините, Евдокия Ивановна. Стыдно, стыдно. Буду уходить, скажу.

Т ё ш а. А когда будешь уходить?

З я т ь. Когда-то же буду уходить.

Т ё ш а. А куда?

З я т ь. Куда-нибудь.

Т ё ш а. Как это куда-нибудь? *(Чеканит)*: Надо знать, куда, когда, зачем и во сколько.

З я т ь. А вы позвонили, куда хотели? Куда вам велели звонить прямо сейчас?

Т ё ш а *(напрягаясь)*. А, да-да. Звонила? Нет? Перезвоню. Слесарю). Мастер! Три гудка на обед!

Отчеканив, уходит. С ней направляется и Павел. Серенада.

А н н а - М а р и я. Каплет, каплет! Господин слесарь!

П а в е л. Но я же ведро подставил.

А н н а - М а р и я. Но ведь каплет же. Интенсивно каплет, активно.

З я т ь. Зело борзо.

П а в е л. Так у вас ещё тазик есть. Меня же на кухню зовут. Я же уже настроился. *(Щёлкает по горлу)*. А вы кайф перебиваете, волну гоните. Каплет. В Европе вашей не каплет? Будто водопад какой. А Соню с собой можно взять?

С о н я. Нет-нет, я не заслужила. *(В сторону)*. Может, заплакать? Андрей Василич, я скоро заплачу... И плакать нельзя, ресницы потекут.

А н н а - М а р и я. Так говорят? Потекут ресницы?

С о н я. Это образное выражение великого языка. Плач Ярославны о зачёте.

А н н а - М а р и я *(записавши ранее)*. А он сказал, что я волну, что? Что «волну гоните»? Куда и откуда? Или вот *(Читает по блокноту)*: секим-башка, человек не свинья, зачистка России, человек по ходу жизни ещё молодой... сложно для меня.

З я т ь. За ним не угнаться. Лучше послушайте музыку. А то невежливо с моей стороны замыкаться в наушниках и запира́ть в них звуки... *(Включает громкость)*. Узнали? Это мой вам подарок. «Скажите, девушки, подружке вашей, что я ночей не сплю и всё о ней мечтаю...» Считайте, что вы пришли в консерваторию.

С о н я. Можно, я буду подружкой, Анна-Мария, девушкам? Молчу!

Обе садятся около кровати Зятя. Музыка... Отзвучала.

Анна-Мария нервно укладывает сумочку.

П а в е л *(выходя, утираясь рукавом)*. Не надо мне закуски, мануфактурой закушу. Хозяин! Ну у вас и тёща! Всё помнит! Такую тёшу, так и жены не надо. Эх, зять тёшу поташил в рошу. Трешит роша, кричит тёща!

А н н а - М а р и я. Поташил зачем? С какой целью?

С о н я. Вы что, совсем ку-ку?

П а в е л (надевает кепку). Я десантируюсь: пошёл за прокладкой для батареи. Позвоните диспетчеру, похвалите мой труд. Да! (Анне-Марии) Возьмите на карандаш: «Моя правая нога ничего не делает. Моя левая кривая зимой по девкам бегают. Или: «Я гуляю как собака, только без ошейника. Не любите вы меня, экого мошенника». Да, хозяин, вот о вас с вашей тёшей: «Я люблю свои рЮмашки, тёша нюхает рОмашки. Боюсь за маманю я — вдруг токсикомания».

З я т ь. Спасибо. Я знаю и другой вариант: «Тёша ходит по садУ, обоняет резеду, а далее по тесту: боюсь за маманю я, вдруг токсикомания».

П а в е л. Ну, профессор! Всё, пошёл. Не прощаюсь. (Уходит.)

А н н а - М а р и я. Андрей Васильевич, извините, я ничего не поняла в визите слесаря. Он же только навредил! И как он закусит мануфактурой, какой мерзавчик? Это уменьшительное от слова «мерзавец»?

С о н я. А чего вам понимать? Вы же уже замужем.

З я т ь. Соня! Останешься без зачёта. Анна, объясняю. Он рукавом утёрся, значит, мануфактурой закусил. Не закусывает, чтобы немножко разобрало. Иначе зачем пить? А мерзавчик, шкалик, стопарик, стопка в сумме составляют примерно чекушку. Две чекушки — пузырь. Три пузыря — полторашка.

А н н а - М а р и я. Ужас! О великий и могучий русский язык!

З я т ь. Но русские понимают друг друга. То есть делаю вывод, что вы тоже, как японский профессор, не понимаете русской действительности. Не понимают нас ни Восток, ни Запад.

А н н а - М а р и я. Но японского профессора теперь я понимаю. Спасибо, мне уже очень время идти. Повторяю, Европа гибнет. Спасайте Европу! Она гибнет. Только Россия жива.

З я т ь. Как спасти, если она не понимает Россию?

С о н я. Чувствую, что я тоже вроде нерусская. Хотя очень русская. Скажите иностранцам, ой скажите, как понять Россию?

З я т ь (приподнимаясь на подушках). Слушайте, вот ключ к разумению: Россия — Христова. У Бога нет смерти. И душа человека бессмертна. Земная жизнь человека — это время горящей спички, а вечная, у Бога — это сияние солнца. Так для чего жить? Для души или для тела? Россия живёт для души. О, нашёл! (Прибавляет звук. Ведерников — Сусанин. Ария «Чуют правду».) «Настало время моё». Знал же, что убьют, знал, и умирал с радостью. Вот вам Россия! Страшно умирать только подлецам и грешникам. Аннушка-Машечка, руку! Возвращайтесь. Жду! Мы ещё с вами поднимемся на пасхальную колокольню! Да ударим в четыре руки. Это главная русская музыка! Аннушка! По-русски! (Троекратно целуются.) Но главное теперешнее несчастье русских в том, что они хотят жить хорошо, а сами лучше не становятся. Ох, рискуют. Гром грянет, старуха перекрестится.

Т ё ш а. Уже грянул, уже крещусь.

З я т ь. Ну, Тёша дорогая! Как вовремя! А что у вас с телевизором?

Т ё ш а. Не работает, кто-то свет отключил.

С о н я. Это всё Паша намудрил.

А н н а - М а р и я (*уходит было, замирает у дверей. Видно, что колеблется. Решается*). Андрей Васильевич! Не могу уйти, будет на совести. Я боялась огорчить, вы так много делать для меня. Но я не решаюсь сказать...

З я т ь. Смелей.

А н н а - М а р и я. Я обещала вам, что вам будет приглашение приехать с лекциями, а...

З я т ь. А его не будет, так? Я б и не смог поехать: Бог спас, рёбра не пускают.

С о н я. Вы их специально ломали, чтоб не ехать?

З я т ь. Специально. Это ты проинтуичила?

А н н а - М а р и я. София, можно попросить вас немного отойти, у меня есть разговор до Андрея Васильевича.

С о н я. Да ради Бога! Мне с Евдокией Ивановной интереснее. (*Уходит.*)

А н н а - М а р и я. Вы так много сделали для меня.

З я т ь. Аннушка, что такое много? Сами будете когда-то руководить аспирантами. Мне это в радость, что вы занимаетесь русским языком. Чем же меня можно огорчить?

А н н а - М а р и я. А ещё... Меня... отзывают. Я уезжаю не по своей причине: мне запретили здесь защищаться, требуют сменить тему. Стыдно, но скажу: говорят: писать диссертацию поощрительную, одобрительную о языке агрессора нельзя. И это, это, я просто плачу, о русском языке. Я его так полюбила, он так интересен для познания. Я и вас полюбила. Вначале за труды, потом личное общение. Мне так понравился ваш ответ японскому профессору на его главный вопрос: Уйдут ли русские из мировой истории? Вы сказали: «Только вместе с ней».

З я т ь. Спасибо! Но вообще, кто у нас агрессор? Евдокия Ивановна, Соня, Павел? Аз многогрешный? Агрессор у нас — телевидение. Не само, а те, кто его делает.

А н н а - М а р и я. Значит, можно я буду уезжать лёгкой душой? Хотя мне даже сказали, что не будут заплатить проезд.

С о н я (*выскакивает*). С радостью помогу купить билет.

А н н а - М а р и я. Не смею беспокоить вашу стипендию.

С о н я. Для хорошего дела не жалко.

З я т ь. Соня, тих-хо. Слушаем. Анечка, вот вам на дорожку: Поедете «На тройке» Георгия Свиридова.

Под эти звуки Анна-Мария прощается с Зятем, пытается даже поцеловать его руку, он не даёт:
— Что вы!

Анна-Мария откланивается.

С о н я. Адьо, оревуар, ариведерчи, гуд бай, май лайф! Классно! У вас теперь будет время для индивидуальных занятий. Я готова.

З я т ь (*по сотовому*). Маришечка, дело движется, мастер ушёл за прокладкой... Да не думаю, что дорого... Да, мы с мамочкой. Вот, только что сочинил, Бетховен помогал, называется: «К Марише». Не к Элизе, не думай... Ещё тут кто? Соня. Анна-Мария только что ушла (*Что-то неприятное услышав, вздыхает. Берёт в руки наушники. Соне*): Сидите там и учите. Но вообще-то вы свободны.

С о н я. А это? (*О зачётке.*)

З я т ь. Потом, потом, учите, читайте. Перерыв на пятнадцать минут.

Зять надевает наушники. Соня садится у окна и то читает учебник, то занимается айфоном, наклёвывая в нём эсэмэски. Так и остаются все на сцене...

П е р е р ы в.

Зять снимает наушники.

Музыка для всех: Вальс номер 2 Шостаковича. Открываемая Тёшей дверь впускает текст рекламы: «Виагра — счастье пенсионера. Далее: «У нас в гостях чудо-ребёнок! Говорит на всех языках фразу: «Не упустите свой шанс».

Т ё ш а. А кто это у нас был на кухне? Квитанция-то не заполнена. Значит, так на почту и не ходил? Срочно иди. С этим не шутят. Вот сейчас какой год? Сейчас август или сентябрь? Понедельник, или уже совсем пятница? Но, к сведению, в пятьдесят седьмом, в гарнизоне, я получила посылку от родителей. Но не получила!

С о н я. Прикольно!

Т ё ш а. Вот то-то и оно-то. Муж говорит: я получу, и квитанцию в комбинезон положил. А тут тревога, тут передислокация. Он ушел в комбинезоне. На почте без квитанции не выдают. И говорят: с вас за хранение штраф, заплатите. Я заплатила. Муж вернулся с квитанцией, я на почту. А там: сроки хранения вышли, посылка возвращена по адресу отправителя. А ты говоришь!

З я т ь. Получу. Встану и получу.

Т ё ш а. Так вставай (смотрит в программу, на часы). Сейчас какое число? Среда или уже двенадцатое? (Читает): «Трёхспальная кровать аншлага», «Театр дебилов для идиотов». Это о чём?

З я т ь. Всё о том же: разврат, враньё, оглупление, пошлость, жеребьячье ржание! Соня, вы смотрите телевизор?

С о н я. Н-ну-у, вообще-то... А когда смотреть? Работа, занятия.

З я т ь. Не смотрите! Люди культуры — это читатели книг, зрители театра, конечно, классического, слушатели консерваторий, иногда радио, но самый низкий сорт — это телезрители. Ниже падать некуда. Запомните (Привстаёт, стонет.) — женщина, которая не смотрит телевизор, становится красивее, а мужчина без телевизора — умнее. Место телевизора на помойке!

Т ё ш а. На помойке?

Звонок в дверь.

— Открой. А то я в халате, неприлично.

З я т ь. А я и не в халате, да не могу.

Т ё ш а. Почему не можешь? Ты просто не хочешь. Телевизор на помойку?! Уеду я от вас.

С о н я. Я открою, я! (Убегает.).

Уходит.

Вскоре слышен возглас: «Мамаша, это мы! В темпе, в темпе!»

Врываются оператор АДИК и репортёр РУДИК.

Адик говорит одно слово: «Рудик»,

постоянно жуёт, но видно, что главный он.

С о н я. Какая я мамаша? Разуи глаза!

Т ё ш а. Мамаша? Я — мамаша, а что?

А д и к. Рудик! *(машет концом провода питания, устанавливает треногу камеры).*

Р у д и к. Розетка, где розетка? Адик! Тут снимаем? Мамаша! Где розетка?

С о н я. Где розетка? Должна быть. *(Ищет.)*

Т ё щ а. Может, и нет розетки. Сейчас строители очень недобросовестны. Коррупция, система взяток, бегство от налогов, скрывание доходов и сверхприбылей от использования контингента рабочей силы бывших республик! *(Отчеканив, Зятю):* У нас гости, а ты лежишь. Днём лежать вредно.

З я т ь. Розетка там *(Показывает.)*. Молодые люди! Здравствуйте.

А д и к *(показывает на него, мол, это что?)* Рудик!

Р у д и к *(Зятю)*. Простите, можно вас попросить перейти в другую комнату? Мамаша, чего это с папашей?

З я т ь. Попросить можно, перейти нельзя. Я упал на улице, сломал рёбра. Так что... *(Надевает наушники, отворачивается.)*

С о н я. Это Андрей Васильевич, профессор с нашей кафедры. А я Соня, я сдаю зачёт.

Р у д и к. Я не такая, я жду трамвая.

А д и к *(ржёт над шуткой напарника)*. Рудик!

Р у д и к *(упрекая)*. Мамаша, приступаем! Мы же по вашему звонку.

А д и к. По позвонку! *(Ржёт.)* Рудик!

Р у д и к. Мамаша, экономим время! Коротко: снимаем рекламу стирального порошка. Снимаем как бы в режиме реального времени, так? Вы нам как бы звоните, так?

С о н я. Почему как бы? Она звонила не как бы.

Р у д и к *(покосившись)*. Мы как бы приезжаем. Мы уже тут. То есть к вам мы приехали уже второй раз. Как бы. Вы уже постирали. Как бы. Вот это *(Факирски взмахивает белой тканью.)*, вы постирали. Потрясно, да? Мамаша, в кадре скажете: я потрясена результатами. Вот пишу текст. *(Пишет.)* Я потрясена результатами. Потрясена результатами. Учите наизусть.

З я т ь *(сняв на время наушники)*. Она не стирает, стирает жена. Сейчас она на работе.

Р у д и к. А она кто?

З я т ь. Моя тёща.

Р у д и к. Классно!

С о н я. Что классно?

Р у д и к. У бородатого тёща! Прикинь.

А д и к *(ржёт)*. Рудик!

Т ё щ а. Пойду очки искать. *(Уходит, роняет листок.)*

С о н я *(поднимает листок, читает)*. Рудик, ты совсем? Не «потрЕсена, а потрЯсена. Кто тебя учил?

А д и к *(недоволен темпами, жуя)*. Какая разница? Рудик!

С о н я. Давайте я буду потрясена. Я живописно взмахну! Шикарно вспарусю! Так тореадорски! Ух!

Р у д и к. ПотрЕсёмся вместе.

А д и к *(ржёт)*. Рудик!

Р у д и к. Где мамаша? Темпо аллегро! Зови!

С о н я. Зову! Аллегро модерато! *(В дверь.)* Евдокия Ивановна!

А д и к. Звук убрать!

Т ё щ а. Приз в студию на экран поля дураков! (Зятю): У тебя опять гости?

С о н я. Вы нашли очки?

Т ё щ а. Я и не искала. А то бывает: ищу очки, а потом думаю, зачем я их искала?

Р у д и к. Не надо очки. Без них вы убедительней.

С о н я. Жизненноподобней.

Р у д и к. Мамаша, выучили слова? Эти две пачки порошка ваши, так? Как бы гонорар. Отдам в кадре. Итак! Мамаша, вы стоите тут. Вас застали внезапно. Как бы. Адик, она тут?

Адик рукой показывает, куда поставить Тёщу. Мычит, недоволен постановкой — показывает: надо передвинуть. Влево, нет вправо, чуть вперёд, чуть назад. Указания его руки исполняют Рудик и Соня, двигая Тёщу как куклу.

С о н я. Лучше так. На заднике интерьер, перспектива понятия об уровне жизни среднего класса. Так натура смотрится по пятну, вписывается в раму окна, золотое сечение, не так ли?

А д и к (удивлённо и одобрительно мычит). Рудик!

Р у д и к. Отмашка! Запись пошла!

Т ё щ а. Я же в халате. Надо переодеться. У меня есть шерстяное бордовое. Так плечики с подкладкой, так в талию, от подола расклешено, плиссировка. Я танцевала в нём... в тысячу девятьсот пятьдесят девятом. У меня память срабатывает.

С о н я. Возьмите моё. (Начинает сдирать через голову платье.)

Р у д и к. Не надо платья! В халате правда повседневного быта. К тому же момент внезапности. (Сверяясь с бумажкой.) Евдокия Ивановна, счастливы вновь видеть вас! Здравствуйте!

Т ё щ а. А мы разве не виделись?

Р у д и к. Мамаша, это для эфира! Итак! Счастливы вновь видеть вас.

Т ё щ а. Именно тут «здравствуйте» сказать?

С о н я (от камеры). Именно тут! Здравствуйте!

П а в е л (Тут он появляется. Заметно, что выпивший). ЗдорОво, ребята! Соня, выйди на минутку.

Р у д и к. Сэр, мы работаем!

П а в е л. Отойди, мелкий! Соня, это важно. Я долго думал. Я согласен: и туфли, и рубаша — меняем! Над кепкой ещё буду думать. Пойдём сейчас в кафе, посидим, мне есть что сказать.

Р у д и к. А не пошли бы вы...

П а в е л. Это ты пошёл бы!

А д и к (яростно мычит). Ру-удик!

С о н я. Мальчики, не ссорьтесь. Красота, красота, если в доме два кота. Не выясняйте отношений. А начнёте, и пошло-поехало. Эпатати, эпатита! Это, Паша, по-французски. Милый Ваня, я вся ваша! Постой в стороне. Молча. Скрипя зубами. Успокойся. Сейчас вот снимем дубль. Рудик, командуй! (Хватает простыню, разворачивает, вручает Тёше.)

П а в е л (отходит в сторону, смотрит яростно). Дубль? Х-хэ! (Садится на стул в стороне, сжимает голову, опускает её, иногда обводит всех глазами.)

Р у д и к. Вот и молчи! (В кадре, Тёше): Здравствуйте! Итак, мы вновь с вами! О, я вижу, ваша стиральная машина счастлива ис-

пользовать порошок «Лёгкие облака»? Отвечайте! Отвечайте не мне, а зрителям: вы довольны результатами стирки нашим порошком «Лёгкие облака»? *(Свирепо шепчет)*: Взмахивайте тканью! О, какая белизна! О-о, это в самом деле лёгкие облака, белоснежные на голубом небе.

Т ё ш а *(рассматривает ткань)*. Это не я стирала. Это, может, дочь стирала? *(Разглядела)*. Так это же новая материя, нестиранная. Чего её стирать?

А д и к. Рудик!

Р у д и к. Дубль-два, мамаша, дубль два. Порошок-супер! Две пачки ваших. Эта белоснежная скатерть — украшение праздника, радость будней! И она стала такой с помощью порошка «Лёгкие облака», не так ли?

Т ё ш а. Это не я стирала, я не так стираю. Я машин этих не признаю, у меня всю жизнь ручная стирка. Но уж зато! У меня муж лучше всех выглядел!

С о н я. Это я стирала! В такую скатерть не стыдно завернуться и за гробом вождя идти!

А д и к *(отмахивается от неё)*. Да какие сейчас вожди? Рудик!

Р у д и к *(Соне)*. Из кадра! *(Тёше)*: Здравствуйте, Елизавета Ивановна!

Т ё ш а. Здравствуйте. Я Евдокия.

Р у д и к. Здравствуйте, Евдокия... как дальше?

С о н я. Ивановна.

Р у д и к. Здравствуйте, Евдокия Ивановна. Вам понравилось сказочное волшебство нашего порошка? Воздушная белизна!

Т ё ш а. Как это? Давайте постираем прямо при вас. *(Зятю)*: Вставай, надо у тебя простыни собрать, наволочку. *(Зять делает жест руками к наушникам, мол, ничего не слышу. Тёша смотрит на Рудика, Адика)*. Рубашки вам тоже надо постирать, тут тепло, в майках можно. Нет, давайте и майки. Снимайте, снимайте! Гигиена, гигиена и ещё раз гигиена! У меня муж такой был чистюля! В 58-м летом, в Средней Азии... *(Смотрит на часы)*. Новости же сейчас! Смотрите новости — жить не захочется. Это уже не новость! *(Зятю)*: Ты будешь уходить — скажи. *(Уходит)*.

Р у д и к *(Соне)*. Она что, с приветиком? Вообще ржачно. Знаешь что, давай переспим это дело. *(Пытается приобнять)*.

Павел резко подскакивает, хватая его за грудь.

С о н я. Паша, отскочи! Хэнкс ан де тэйбл! Это, Паша, по-английски.

З я т ь *(у него звонит мобильник. Снимает наушники)*. Не волнуйся, всё хорошо... Вот нам прямо на дом порошок принесли *(Слушает)*... да, да, целую, по причине рёбер слабо обнимаю. *(Телевизионщикам)*: Жена сказала: гони в шею этих рекламщиков, гонят всякую халтуру.

П а в е л *(подходит к дверям комнаты Тёщи)*. Ивановна! У тебя там осталось ещё?

Т ё ш а *(сразу высовываясь)*. В смысле добавить? Для хорошего человека? А как же! Всё на столе. Пошли! *(Закрывают за собой дверь)*.

А д и к *(жуёт, презирает всех)*. Рудик! *(Показывает пальцем вверх)*. Срочно! Эдику!

Р у д и к *(звонит по мобильнику)*. Шеф, пустыря дёрнули. Дохлый номер. Не въезжает, текст не держит... Даже губами не шлёпает.

Безполезно. *(Соня показывает пальцем на себя.)* Эдик, тут молодая есть, может её снять? Как скажешь... А успеем? Это близко? Пишу... Адик! Новый адрес!

З я т ь *(со стоном поворачивается)*. Сейчас Гаэтано Доницетти, «Любовный напиток». Послушайте на дорожку. *(Звучит романс.)* Марио Ланца. Лучано Паваротти не хуже, но всех лучше кто?... Конечно, Лемешев! *(Прибавляет звук.)*

Р у д и к *(Адику)*. Тут они все *(Крутит пальцем у виска.)* Стоп! *(Спрашивает Зятя):* Уточним: вы упали на улице? Так? Так. В результате непрофессиональной работы городских коммунальных служб, так? Та-ак! Так-так-так. Адик?

А д и к *(жуёт, согласно мычит, показывает вверх)*. Эдику!

Р у д и к *(опять на связи с шефом)*. Эдик, слушай, тут мужик на улице с рёбрами загремел, лежит в постели. А? Лягнём коммунальщиков? *(Зятю):* На какой улице вы упали? Да, неважно, любую поставим. У меня зуб на Южный округ. Помнишь, сняли выставку мебели, и что? И сунули всего по пять кусков.

Адик переставляет камеру.

С о н я. Ой, я тоже жутко падала. *(Особо, Рудику):* Рудик, я тебя умоляю! Я чувствую, ты очень добёр. Надо же высшее образование, а он *(жест на Зятя, который отключился от них, надев наушники и отвернувшись)* зачёт не ставит. Повлияй, интервью, что ли, с ним сними, отблагодарю. А Паша тебя не тронет, гарантирую.

Р у д и к. Да это же всё совки, отстой, спам, ватники, колорадки! Они ж не въехали в новое время. А ты, блин, такая умная. Давай чего-нибудь сообразим. В кафешку, то-сё.

А д и к *(жуёт, переставил камеру, залезает на стул)*. Рудик!

Р у д и к. В квартиру Ивановых нас привело несчастье. Глава семейства Иван Иванович, нагруженный продовольственной продукцией, как бы переходил улицу как бы на зелёный свет и, о! ужас, поскользнулся! *(Походит с микрофоном к зятю, трогает за плечо):* Иван Иванович...

З я т ь. Я — Андрей Васильевич.

Р у д и к. Естественно. Андрей Васильевич, вы упали, это ужасно: уличная травма нарушила ваши личные и творческие планы. Слушаем вас. Слушаем.

З я т ь. Благодарю Бога за это падение, за эти сломанные рёбра. Да-да! Страдающий плотью перестаёт грешить. *(Привстаёт, опираясь локтями.)* Я лежу, читаю Жития святых, слушаю классику. Это же счастье — выключиться из суеты, счастье — ночью проснуться от боли и сказать себе: так тебе и надо по твоим грехам! Спасибо коммунащикам! От всего сердца, от лёгких, от печёнки, от селезёнки. Особенно от рёбер. Политики брешут, певцы хрипят и воют, певички визжат, хохмачи плодят пошлости. Как с этим бороться? Не смотреть, не слушать. Когда открывается дверь и врываются хамские звуки телевизора...

Входит Тёша, и тут врываются звуки.

Т ё ш а. Я ещё и хамка?

З я т ь. Евдокия Ивановна, я о телевизоре. Его присутствие в мире оскверняет этот мир. О как грязны и неопрятны его звуки, как гибельны! Это звуки ада. Закройте дверь — оставьте мне тишину и великие книги, и музыку! Читаю страницы, пришедшие к нам из веч-

ности, звучит надмирная музыка сфер, душа моя открывается молитве, проясняется разум, и становится всё яснее, что спасение возможно.

Р у д и к. Полный абзац! Туши свет!

З я т ь *(спокойно)*. А для вас, тэвэшников, скажу просто: ваше дело — пустая брехаловка для недоумков, охмурёж лохов. Понятно? Я по-вашему выразился?

Р у д и к. Ну, блин, круто.

С о н я. Не блин, а лепёшка. Обалденно прикольно!

Т ё ш а *(с гордостью)*. Это мой зять. Очень умный! Вай фэй! На помойку! Пойду выключу. Андрюша, заполни квитанцию, надо же получить. Здравствуй *(это Алику и Рудику)*.

З я т ь. Ещё я узнал, что жена Михаила Ивановича Глинки жалела ему денег на нотную бумагу. В этом месте я заплакал.

С о н я *(подтанцовывая)*. Я не заплачу, я не заплачу, я не заплачу, я заплачу! *(Рудику)*: ВКонтакте!

Р у д и к. Я, блин, два раза, по пьяни, чуть ли не в ЗАГСе про-
снулся. *(Тёше)*: Мамаша, м-м, забыл, как по имени-отчеству, неважно, знаете, что за ложный вызов надо платить?

З я т ь. Оказывается, тэвэшники ещё хуже, чем я о них думал.

А д и к *(смотрит на Зятя, достаёт изо рта жвачку, но выкинуть некуда, опять жуёт, собирает треногу)*. Рудик!

Р у д и к. Уже готов.

Т ё ш а *(Зятю)*. Напиши доверенность, ребята получают. *(Им)*: Вы кто, родня нам или кто? А вы знаете, когда Юрий Гагарин полетел в космос? Чтоб точно. А когда была Куликовская битва? Надо знать. А это что? *(О порошке)*.

Р у д и к. Это уже не ваше.

П а в е л *(появляясь, становится перед камерой)*. Записывай! Срочно! И сегодня же в вечерние новости.

С о н я. А как же! В прайм-тайм.

П а в е л. Братья и сёстры! К вам обращаюсь я, друзья мои! Такую страну угробили, а? Перед Суворовым стыдно. Перед Александр Васильичем. Русские люди мы, или мы не русские люди? Японский городской! Да мы последнюю рубаху с себя! И хороши для вас были, пока вас содержали. Белый царь о вас заботился, его красный вождь сменил. Опять вам крыша. И плохи стали, когда о себе стали немножко думать. Кругом олигархи!

С о н я. Ой, а мне так хочется стать олигархиной. Или олигаршей? Как правильно?

П а в е л. Сонька, цыц! Друзья! Кругом ворьё, жульё и провокации. Но мы живы! Живы на пятьдесят один процент. К молодёжи мой призыв: пожалейте свою мать родную, Россию! Рука Москвы? Вот она, рука Москвы. *(Поднимает гаечный ключ.)*

Р у д и к. Что это с ним?

А д и к *(торопливо сматывает провода. Неловко спрыгивает, валится на товарища. Встаёт хромая)*. Ну, дядь, ты колдун! Да у вас же лужи на полу. Специально, что ли, чтоб я поскользнулся?

З я т ь. Евдокия Ивановна, придётся вас просить бороться с наводнением.

П а в е л. Наводнение — это ко мне. Где оно? *(Идёт к батарее.)*

Р у д и к. Адик, премиальные же снимут, Эдик же не простит, что мы день прохолостили. Давай хотя бы о неготовности к зиме.

Мы как бы заботимся о людях. Что нам, трудно? Премияльные же снимут. День в убыток. Давай хоть что-то. Слушай — тема: пенсионер Иван Иванович болеет болезнью, но добавочно простывает, так как протекают батареи водяного отопления. Болезнь переходит в осложнение, он погибает. А?

А д и к *(свирепо)*. Не видишь — нога!

С о н я. Он не пенсионер, он мой преподаватель! А как вы думали? *(Адику)*: Давайте я вам массаж на ноге сделаю, о-о, я могу!

Т ё ш а. Массаж? Разве здесь сауна, чтобы массаж? А чего это кругом вода? Прямо будто тонем. Мы раз с мужем были на корабле в Чёрном море... *(Смотрит программу, часы.)* «Битва экстрасенсов. Конец белой расы. Куликовской битвы не было». Опаздываю! *(Уходит в свою комнату.)*

С о н я. Сейчас я уберу, сейчас. Бегу и падаю! *(Собирает тряпкой воду в тазик.)* Ты можешь помочь, Рудик?

П а в е л. Какой тебе Рудик? Кого ты просишь? Кто он тебе, этот тэвэшник заточенный? *(Рудик)*: Отскочи! Ты мне что предлагала? Не мучайся с тряпками: у меня прокладка для батареи в кармане. Вот. Не всё же я пропил. Сейчас поставлю. *(Адику)*: Значит, не хотите передать моё обращение к народу, а? Но главную-то фразу можно передать? Какую? *(Встал в позу.)* Снимай! Враги России, к вам обращаюсь я, враги мои! Вы давно по морде не получали? Это вопрос. Вы давно по морде не получали! Это не вопрос.

Р у д и к. Ты прокладку ставь. Сантехник — это звучит гордо. *(Зятю)*: А где это можно почитать? Вот это, то, что вы говорили. На каком сайте?

З я т ь. Вот на этом *(показывает на лоб)*, и на этом *(показывает на сердце)*.

Р у д и к *(стучит себя по лбу, по груди, прислушивается)*. Нет, чего-то глючит.

З я т ь. И будет глючить, пока врёте да людей охмуряете.

Р у д и к. Как это, как это?

А д и к. Папаша, не учи учёных. Рудик!

П а в е л. Вот с вас и начну по морде.

С о н я. Уходите, он неуправляем. Он же выпил! А то устройте тут ипатати-ипатита! И пошло и поехало, по-французски.

П а в е л. То есть не дадут выступить. То есть, значит, сегодня опять по телевизору не увидят русского человека. Да вы посмотрите на эти рожи в телевизоре. Нет русских лиц! Одни хари, морды, и все нерусские! Разве не так?

З я т ь. Маски, Павел, маски! А они вненациональны.

П а в е л. Да хоть и маски. Эх, разучились мы бить на упреждение. Где русские люди на телевидении? Один на тысячу?

А д и к. Не пузырьрись. Скоро вообще не будет. Рудик!

Рудик поддерживает Адику, уходят хромя.

П а в е л. Сонь, ты пойдёшь со мной? Пойдёшь со мной?

С о н я. Куда? В светлое будущее?

П а в е л. Ко мне. Но вначале их догоню и морды начищу! Будешь ждать? Слушай, у меня, где-то это, ботинок соскочил. Не видела? У батареи, что ли? *(Ищет.)* Нашёл!

С о н я. Ну, смело в бой пойдём! Особенно Рудик у наподдавай. В год зайца побеждает смелый.

П а в е л. Сейчас, узелок на шнурке развяжу. *(Разгибается.)* Терпим, терпим. Русское терпение. Мы терпим, а они наглеют.

Т ё щ а. Который ушёл, он хромает! У меня костыли были. *(Зятю):* Где они?

З я т ь. Евдокия Ивановна, ваши костыли и мои слова им уже не помогут. Они законченные эгоисты, они зазомбированные. Жалко их, дураков. *(Поворачивается, и как-то легко поворачивается.)* Ого! Телевизор замолчал, и сразу мне стало легче. Да я же оживаю! Ура-ура! Дорогая Тёша, остались мы без «Лёгких облаков». Но зато спляшем главный фокстрот XX века — «Рио-Риту». *(Находит в компьютере, включает, звонит Жене):* Мари! Слышишь победные звуки?.. А-а, эти? Они ушли. Помогла твоя фраза... Ты сказала, я повторил: «Гони их в шею!» Они порождение российского телехамства, они... Ну, извини! Опять виноват! Вот уж действительно — ребро Адама — кость упряма... Опять трубку бросила.

Т ё щ а. Чего это ты про Адама?

З я т ь. Из ребра Адама сделана Ева, жена. А есть в ребре мозги? А? Почему мужья всегда во всём виноваты?

Т ё щ а. А как иначе? Иначе никак.

С о н я. У меня будет не так. Я буду исключительно вся для него. Вся! И только!

П а в е л. И как в это поверить?

С о н я. Проверить всей жизнью.

Т ё щ а. Правильно, Соня. Соня, да? Иди в жёны к Павлу! Включи, Андрюша, что-нибудь такое, русское.

З я т ь *(сразу)*. Волховская застольная! Иркутский театр народной драмы.

П а в е л *(под начало музыки)*. Соня, это нормалёк! У нас будут красивые дети. Пойду сейчас к Давыдычу, за это дело приму с ним фронтовые сто грамм. Пока он в Израиль не уехал. Или нет, надо отдохнуть. Хозяйка, тут негде прилечь? Надо экзамен на пожарника сдать, придавить минут шестьсот. Ладно, пошутил. Дай воды напиться, а то так есть хочется, что и ночевать негде.

С о н я. Тихо, слушаем... *(После окончания песни):* так ты же собирался тэвзшникам морды бить?

П а в е л. Да! Я объявляю пьянству бой, но перед боем надо выпить. Соня, плевать на них трижды с высокого дерева, руки не буду пачкать! И не говори, что испугался, тут другое. Бои впереди. Надо боевой дух копить. Ах, Соня-Сонечка! Как же я по деревне истосковался! А всё дядька. Он в люди выбился, дело завёл и меня к себе выдернул. Крепко я на него пахал. А он разорился вначале, потом помер. И с чем я остался? Иду к нему на могилку с пузырьком: ну что, дядька, лежишь? Соня, уеду! Я парень был «от и до». Что по технике, что плотничать. Вытащил сюда, обещал всего. На квартире женил, любви-то не было, как не запить. А в деревне — о-о-о! А соловьи, а лягушки, а рыбалка! А когда черёмуха цветёт! Грибы, ягоды! Купание! Вода чистейшая! Пить — не напёшься, купаться — не накупаешься! Воздух — не надышаться, пейзажи — не наглядеться. Мать счастлива будет, старуха уже, я же сын всё-таки. Эх побывать бы мне бы дома, поглядеть бы на котят: уезжал — были слепые, а теперь, поди, глядят.

З я т ь. Прекрасная частушка! Русская! Котят прозревают за две недели, а человек уже тоскует по дому.

С о н я. Паша, ведь я тоже по родителям деревенская, а как же. Золотая медаль, всякие ЕГЭ как семечки шёлкала. В вуз без экзаменов. Пела, плясала. Все парни — мои. А единственного не было. А у нас тоже беда — южане, торговцы, цыгане с наркотой. Мама говорит: дочка, спасайся! А мою маму возьмём с собой?

П а в е л. В чём вопрос? Нет вопроса. Сонь, а ведь я вообще-то даже и стихи писал. Что ты так смотришь? Да. Пример? «Однажды Вася прохиндей цветок увидел орхидей. Хоть ужаснулся от цены, цветок купил он. Для жены. Жена его не поняла, и с орхидеем прогнала. Секрет я скрыть от вас не смею — он с горя пропил орхидею».

С о н я. Классно. Так орхидей или орхидея?

П а в е л. Ты, конечно, орхидея, а я орхидей.

С о н я. Андрей Васильич, получается у нас цветочная семья?

З я т ь. Всенепременно и немедленно! Отличная пара: сильные, умные, с юмором.

С о н я. Мама с ребёнком.

П а в е л. У неё ещё ребёнок?

С о н я *(после паузы, решаясь)*. У меня. Она с ним сидит. Паша, он не предусмотренный, залётный. Залетела, дура была! Вообще-то он не совсем сволочь, но размазня, своих папу-маму не хотел огорчать. А аборт я не стала делать. И правильно: ребёнок красивый, умный.

П а в е л. Да-а, возьми, мама, покачай, это вышло невзначай.

С о н я. На тебя похож. Что, испугался? Так что спасибо, Пашечка, и до свиданья.

П а в е л. Чего это испугался? *(Думает.)* Если ребёнок готовый, так это же хорошо... Хмель, конечно, из головы сразу выскочил. Давай телефон, завтра позвоню. Сегодня в баню схожу.

С о н я. Не надо, не звони. *(Пишет номер телефона на листочке, протягивает.)*

П а в е л *(берёт листочек)*. Почему не звони? Ты в натуре вообще! Вся такая! Командовать, конечно, будешь. Но со мной, может, так и надо. Позвоню. В полдень. *(Идёт к выходу, останавливается.)* Так зовут-то его как?

С о н я *(нежно)*. Сашуля.

П а в е л *(скребёт в затылке)*. Александр... Павлович?

З я т ь. Царское имя-отчество. Александр Первый.

С о н я. Будет и второй и третий. Если захочешь.

П а в е л. Обожди, дай хоть сначала этого выкормить.

Уходит.

Т ё щ а. А чего ты про рёбра? Про второе?

З я т ь. Думаю, что из другого ребра сделана тёща. Одно на жену, другое на тёшу: я же два ребра сломал.

Т ё щ а. Я пока одно вспомнила. Два? *(Сообщила.)* А-а, вот даже как! *(Возмущённо.)* Так второе ребро — я? *(Ушла к себе.)*

С о н я. А я третья! Я согласна! Я прямо сейчас сажусь, и прямо сейчас к зачёту готовлюсь. Перед замужеством надо закрыть все долги. *(Берёт в руки тряпку, подтирает у батареи.)* А я на ваш предмет подсела. А как я, если уеду, то как?

З я т ь. Очень просто — оформим заочное. Потом, у нас и дистанционное обучение есть. Уж теперь-то я возьму над тобой шефство!

С о н я. Ура! Я буду как Анна-Мария, я к вам в аспирантуру пойду. Я займусь современной речью молодёжи. Это тихий ужас, как её заполняют жаргонизмы, блин! Это же понижает умственный уровень. Всё, у батареи сухо! Заодно и пол помыла. *(Садится, раскрывает книгу.)*

З я т ь. Соня, рано с аспирантурой. Надо хотя бы диплом защитить.

С о н я. Легко!

Т ё щ а *(появляясь)*. Тёшу родную обижать, это как? За дочерью два лейтенанта ухаживали, а тут ты. Лейтенант бы не упал, рёбра бы не сломал, генералом бы стал, была бы доченька генеральша. Бедная она, несчастная! *(Плачет. Уходит.)*

В тишине романс Свиридова из «Метели».

Звонок сотового. Зять берёт в руки трубку.

З я т ь. Всё блестяще, все разошлись! Слушай: это не «К Элизе», это к Марише, это не Бетховен, это я сочинил... *(Пауза музыки. Зять, видя, как Соня открывает книжный шкаф и начинает протирать корешки книг):* Соня, зачем, не надо... *(В трубку):* Кому? Соне. Она даже пол помыла, даже...

С о н я *(вставляет)*. И посуду.

З я т ь. Какая? Я же тебе говорил: Анна-Мария, София были у меня. Соня ещё здесь... Сдаёт зачёт... Да что ты такое придумываешь? Маришулечка, да я тебя так люблю! Да что ж такое? И говорить не хочет. Говорит: пусть у тебя эта Соня и остаётся, а я вообще не приду. И маму, говорит, завтра вывезу.

С о н я. Андрей Васильевич, вот вы уже взрослый мужчина, не обижайтесь, но вы не понимаете женщин. У них нет логики.

З я т ь. А что у них есть?

С о н я. У них не логика, а настроение. И обострённое чутьё на соперницу. Я же сразу стойку сделала, когда Анна-Мария вам комплиментничала. Убить её готова была.

З я т ь. Мне? Я чего-то не заметил.

С о н я. То есть не врубились? То есть вот вы какой, не видите любви к себе. Андрей Васильевич, я же понимаю, вы женаты, я ни на что не претендую, хотя... мне нравятся мужчины вашего возраста. А сверстники? Пшено. Нет-нет, о вас это я так, мечтать не вредно. Тем более, я уже помолвлена, можно сказать. Но зачёт-то? Да ещё под такую музыку! *(Протягивает зачётку.)*

З я т ь. Ах, София! Как вам не а-я-й?

С о н я. Андрей Васильевич, а как а-я-й? Я ведь даже не в коммуналке живу, на съёмной, ещё там двадцать таких. Не в проститутки же идём, в люди хотим выбиться, родине служить. Полы ночью моем в торговом центре. Ещё и маме стараюсь послать. Вот, за Пашу, если он всерьёз, заякорюсь. Стерпится — слюбится.

З я т ь. Соня, честно, я запутался в вашем поколении. Вот эти парни, например. Это же конченные люди. Или нет? Главный вопрос: ваше поколение потеряно или не потеряно для России?

С о н я. Как перед иконами: не потеряно! Мы ещё прозвучим!

Т ё щ а *(появляясь без часов и программы, с молотком. Она сменила халат на строгое платье с плечиками, которое описывала)*. Я не в шёпках найдена, я не в угол носом росла! Эти клоуны, зачем они приходили?

З я т ь (*расписавшись в зачётке, вернув её Соне*). Я уже их не помню.

С о н я (*радостно*). И я, и я, и я того же мнения!

Т ё щ а. А вот я всё помню!

З я т ь. Всё?

Т ё щ а. Да, всё!

З я т ь. Так зачем они приходили?

Т ё щ а. Я помню зачем, но помнить их незачем! Я поняла — ты прав, телевизор — враг! Я это поняла и всё вспомнила.

З я т ь. Здорово! А хоть одну частушку вспомните.

Т ё щ а. Какие мне частушки, я старуха.

С о н я. Ой, нет!

Т ё щ а. Была улица любима и любимый уголок, а теперь иду мимо — только дует ветерок!

С о н я. Жесть!

З я т ь. А я чего тут лежу?

Т ё щ а. Ты сломал ребро.

З я т ь. Не одно, а два.

Т ё щ а. Именно одно! Никакого второго!

С о н я. И никакого третьего!

Т ё щ а. Ты Соня? Соня, да? Соня, выходи за Павла! Надёжный человек. Только одно из двух: или пить ему не давай, или сама с ним пей. (*Смотрит на молоток в своих руках.*) А, и это вспомнила! Музыку не выключай. Больше ей ничто не помешает. Нет, молоток слабоват. Тут надо что потяжелее. Этот камень чей?

С о н я. Это от фундамента церкви в Херсонесе, от начала Крещения Руси.

Т ё щ а. Спасибо за угощение, жду на Крещение! (*Берёт в руки плинфу.*) Подойдёт! Это телевизору за то, что он мне память покалечил. Я поняла: этим ящиком всех нас хотят беспамятными сделать! Они нам мозги не промывают, а вышибают. Не позволю! Мы ещё повоюем! (*Решительно уходит.*)

З я т ь. Соня, ты в следующий раз побольше кирпичей привези. Надо людей вооружать.

С о н я. Поняла! Надо! Займёмся! Сделаем!

Слышен удар, грохот, звон стекла.

З я т ь (*встаёт*). Ура, товарищи!

С о н я. Ура! Можно, я вас поцелую! (*Кидается Зятю на шею.*) О, простите — рёбра! (*Рушится к его ногам, обнимает колени.*) Учитель, перед именем твоим!

Двери Тёшиной комнаты открываются и одновременно распахиваются двери входные. Из одних выходит Тёша, в других появляется Жена.

Н е м а я с ц е н а

Марш Преображенского полка.

Часть 3

Светлана ЗАМЛЕЛОВА (об авторе см. с. 10)

«ДУХОВНОЙ ЖАЖДОЮ ТОМИМ...» Статья

Ни для кого уже не секрет, что русская литература переживает не лучшие времена. Писателей очень много, но далеко не все имеют возможность выйти к широкой аудитории, донести до читателя своё слово. В России выстроена жёсткая система продвижения нужных книг и имён. Отчасти это связано с коммерциализацией издательского дела. Отчасти, как это ни странно, с политикой. В современном мире добрые дела всё реже совершаются бескорыстно, и ждать, что издатель озаботится поиском талантов, было бы наивно. С одной стороны, издаётся то, что хорошо продаётся; с другой — то, что соответствует внутриполитическому курсу власть имущих. И если с этой точки зрения взглянуть на литературный процесс, то становится очевидно: было предпринято попытка убийства русской литературы.

Регулярно повторяемое утверждение, что государство не поддерживает писателей, попросту не соответствует действительности: Роспечать постоянно выезжает на международные выставки-ярмарки и везёт с собой внушительную агитбригаду. Другое дело, каких именно писателей поддерживает государство и какие преследует цели. При ближайшем рассмотрении обнажается удивительная истина: в современной России писателей назначают. Причём зачастую выбирают для этого людей, откровенно не имеющих склонности к изящной словесности. Обычный человек, не вникающий в суть происходящего и воспринимающий премиальные рекомендации за чистую монету, в качестве литературы получает косноязычие, бессмысленные и кое-как сфабулированные тексты. Хотя и недурно при этом изданные.

Что же произошло? Почему всё так получилось? Очевидно, кто-то очень боится воздействия на умы и души печатного слова, памятуя о том, насколько влиятельна всегда была литература в России. Кому-то совершенно не нужно, чтобы писателями оставались люди талантливые, честные и, как следствие, по-настоящему, в хорошем смысле слова патриотичные. Кого-то весьма не устраивает та роль, какую играла русская и советская литература, объединяя людей и формируя общественное мнение.

И вот именно по этой причине современное российское государство поддерживает писателей, не умеющих красиво и точно передавать свои мысли, а то и вовсе не имеющих никаких мыслей; писателей с выдуманными биографиями, морочащих читателей головы, сеющих раздор и невежество, воспевающих извращение и порок, хулящих и отрицающих Россию на любом историческом промежутке, кроме, пожалуй, 90-х годов XX столетия.

Но русская литература жива. Её изгнали, подменили явлением уродливым и чуждым, но убить пока не смогли. Можно сколько угодно морочить людям головы, но рано или поздно всё встанет на свои места и настоящие произведения найдут своих читателей. Об этом, словно предчувствуя надвигающиеся сумерки русской литературы, ещё сорок лет назад говорил и писал Юрий Васильевич Бондарев — выдающийся советский писатель, чьё 95-летие Россия отмечает в марте 2019 года.

Подлинная литература, по мнению Юрия Васильевича, не может быть связана с шумом и суетой. Учитель Бондарева К. Г. Паустовский предостерегал своих учеников от славы, денег, шума и «эстрадного успеха» — той самой «медийности», заменившей сегодня талант и мастерство. Всё шумное, броское проходит, говорил Паустовский, остаются лишь книги. Причём те книги, что созданы настоящим писателем, что помогают людям жить и оставаться людьми, что обличают подлинное, а не мнимое зло. Уже став прославленным мастером прозы, Бондарев писал, что настоящий литературный талант немислим без тяжкого, беспощадного труда, «без всепоглощающей одержимости». Писательство — это каторжный труд, от писателя требуется долго-терпение, неуспокоенность, ответственность. Назначение писателя в том, чтобы хранить уже созданные духовные ценности и в то же время создавать новые, открывать, «обнажать» человека своего времени. Всё это, по мнению Бондарева, непреложно, и никакая мода не изменит сути литературы и писательства.

Большинству читателей Юрий Васильевич Бондарев известен как писатель-фронтовик, автор повестей и романов, посвящённых Великой Отечественной войне, а главное — человеку на войне. Бесспорно, так оно и есть. Но кроме того, Юрий Васильевич — глубокий знаток русской и мировой литературы, вдумчивый критик, тонкий, обладающий исключительным чутьём и вкусом художник, мыслитель и философ литературы. Суждения Бондарева почти полувековой давности не просто не теряют сегодня актуальности, но и звучат подчас пророчески. Его интервью и статьи стали как будто ответом на современные высказывания о литературе. И в этом диалоге сквозь годы Юрий Васильевич оказался более убедителен и доказателен.

Так, рассуждая о новаторстве в литературе, он категорически отвергает формальную, механическую новизну, создаваемую по принципу «так ещё никто не делал». Новизна, новаторство, по Бондареву, это всегда сам талант. Потому что талант и есть «особое видение мира, свой круг персонажей, свои идеи, стиль, ритм как выражение яркой индивидуальности художника». Талант и новаторство — это фактически синонимы. Новаторство не может быть связано с разрушением и уродством как таковыми, поскольку для таланта нет необходимости прибегать к нарочитым приёмам. Из далёкого 1980 года Юрий Васильевич отвечал тем, кто и сегодня настаивает на отмирании смыслового, сюжетного романа, на главенстве формы над содержанием, на требованиях «прислушиваться к прогрессу» и беспощадно экспериментировать над словом. Всякий эксперимент, считает Бондарев, всякая изобретательность и любые поиски должны служить истине, постижению глубины мысли, заложенной в основу произведения. Формула новизны в литературе, по Бондареву, такова: талант задаёт и создаёт новизну, подчиняя форму содержанию. Эта формула неизменна, поскольку подлинная литература, как «форма восстановления реальной действительности, концентрация её подробностей, её духа, её правды всей и во всём», не подвержена моде и внешней, неразборчивой модернизации. Настоящая модернизация в литературе — это анализ вечного и преходящего, меняющегося, это утверждение человеческой личности и созидание словом добра. И каждый раз подлинный талант внесёт от себя что-то новое в этот извечный процесс.

Философия Бондарева утверждает идею о нацеленности литературы на борьбу с человеческим пороком. Следовательно, текст, воспевающий порок, не может рассматриваться в качестве литературы. Подлинный художник, о чём бы он ни писал, всегда остаётся «преданным учеником жизни», содержание его произведений есть результат осмысления, постоянного постижения бытия. Иное — форма, истинная художественность которой сторонится копирования жизни или, по слову Бондарева, «лженатурального фотографирования явлений». Для создания действительно художественной формы писателю необходимо обладать и строгим чувством меры, и безупречным вкусом, и эстетической культурой. Писатель начинается тогда, уверен Бондарев, когда он «долгим трудом выработал свой стиль, нашупал свой нерв фразы, свою интонацию и свой нерв повествования». Другими словами, писателю необходимо настолько уверенное, виртуозное владение стилем, чтобы при помощи ритма, деталей, повторений, порядка слов, интонации или инверсии уметь создавать необходимую атмосферу, обстановку, нужное настроение у читателя. И конечно, никак не обойтись писателю без интуиции. Интуиция помогает нашупать, почувствовать идею, мысль, постепенно затем сформулированную, а после — воплощённую через образы и сюжет. Процесс этот долгий и тяжёлый, работу писателя Бондарев сравнивает с работой землекопа, «роющего колодец в выжженной степи». Обливаясь потом, он упорно пытается добраться до глубинных источников, чтобы испробовать вкус добытой воды и оставить её людям. Вода может быть разной: горькой, солоноватой или, напротив, сладкой. Но главное, что отведавшие этой воды люди испытывают ещё большую жажду. Что же это за жажда? Это познание мира, это стремление разгадать человека, понять, по слову Бондарева, «феномен человека как наивысшей земной особи».

Творчество, по Бондареву, означает отказ от покоя. Творить — значит «искать, освобождать, негодовать, сомневаться, отчаиваться, любить и в конце концов утверждать». Утверждать истину и веру в добро — основу духовных ценностей человека. Сегодня много говорится о духовности, о «возвращении к истокам». Причём под духовностью понимается исключительно религиозная вера, а то и более узко — воцерковлённость. Но отчего-то, воцерковившись, современники не делаются лучше и совершеннее, не обретают свободу, не поднимаются над суетными побуждениями. То есть сама по себе воцерковлённость никого ещё не сделала духовным. Тридцать лет назад, до моды на церковную норму поведения, Юрий Васильевич Бондарев предупреждал, что нужно беречься накопительства и приобретательства, инстинкта наживы, веры в то, во что выгодно верить, восприятия жизни по рекламе, курортным проспектам и картинкам из модных журналов. О том, что некие силы в мире пытаются навязать всем народам планеты одну и ту же одежду, музыку, литературу, одно мировоззрение и мышление, Бондарев также предупреждал ещё в советские годы. Сегодня одним из острых, болевых вопросов стал вопрос о сохранении национального начала. В глобализованном мире народы теряют своё лицо, свою культуру и, как следствие, духовность. Национальное переселяется в музеи и заповедники, чтобы, в лучшем случае, быть извлечённым для забавы туристов. Перед современным русским писателем должен стоять вопрос о том, остался ли русский

народ собой или безвозвратно утратил отличавшие его прежде качества, подчинившись глобальной идеологии успеха и потребления. В запутанном, противоречивом бытии, считает Бондарев, должен звучать честный голос писателя, чей долг — отделять ложь от правды, истину от подделки, чтобы противостоять пошлости и бездуховности, «жирной сытости» и «тупой наглости богатства». Потому и миссию литературы во все времена видел он не в развлечении читателя и не в самоутверждении автора, но в особом роде служения, в охране человеческого в человеке, особенно в такие периоды истории, «когда уже следует защищать человека от человека, ибо есть опасность, что у человека отнимут имя человека». Задача писателя любой эпохи — говорить о стыде и совести, вести с читателем честный диалог «о жизни и смерти, о добре и зле, о мужестве и трусости, о грехе и раскаянии, о жестокости эгоизма и самоотверженности».

Юрий Васильевич Бондарев — представитель социалистического реализма в литературе. Но можно ли, ознакомившись с его философией, утверждающей вечные и непреложные истины, говорить, что соцреализм — это мёртвое сегодня и начётническое вчера направление искусства?.. Литература для Бондарева — это не инструмент политики, не подчинённая веяниям эпохи игра, не праздные изыскания в области чувствований, не рассказ о себе или своих родственниках, не вздохи о колосках, не сведение счётов и даже не классовая борьба. Бондарев считал литературу обращением к человеку, мольбой о человечности и жадной свидетельствования правды. Для него это «связь всего сущего и проба мира на прочность и красоту». Как продолжатель Пушкина, он, томимый духовною жадной, жёг сердца людей глаголом, дабы возвестить истину. Юрий Васильевич не просто рассуждал о высоком предназначении литературы и писателя, но всегда оставался верен заявленным принципам. Своей философией он прежде всего следовал сам, подтверждением чему и стало всё его творчество — пронзительно честное, исполненное художественной правды.

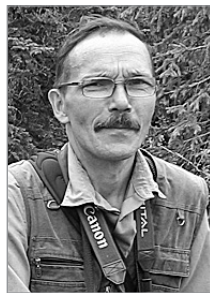
Василий Колбин

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ. Очерк

Вы любите путешествовать? Многие любят путешествовать. А вот я — нет. Некоторые мои знакомые только тем и живут, чтобы скопить денег и сорваться куда-нибудь в Египет, Испанию, в тур по Европе, в Турцию наконец. Один приятель вместе с женой слетал в Перу, а давняя университетская знакомая, в одиночку, не блистая знанием иностранных языков, добралась до острова Пасхи. Вернувшись в родные пенаты, многие путешественники переполняются гордостью и, видимо, действительно повышают свой статус в глазах окружающих. Чем больше стран посещено, чем больше селфи на фоне знаменитых мест сделано, тем круче. И действительно, чтобы путешествовать, надо немало зарабатывать или экономить на всём ради странствий, иметь не хилое здоровье. Попробуй без последствий пережить смену часовых поясов, резкое изменение климата и многие другие нюансы значительного перемещения в пространстве! В молодости, конечно, всё проще, а вот после 50 лет как-то всё обостряется, хотя многие именно в этом возрасте и начинают кувыркаться по заграницам, не задумываясь о том, что доставка тела в случае внезапной смерти на чужбине может влететь в просто непомерную сумму.

Примерно такие мысли крутились у меня в голове, когда я, проклиная судьбу, трамбовал рюкзак, в очередной раз собираясь на Дальний Восток. В 2018 году судьба-злодейка особенно порезвилась: вместо обычных полутора месяцев в Норском заповеднике мне светило четыре месяца бездомной жизни. Помимо Амурской области предстояло поработать ещё на Нижнем Амуре и на побережье Охотского моря в районе Татарского пролива в составе орнитологической экспедиции Московского университета. Вот не ездил бы в Тверь на орнитологический конгресс в январе, не попал бы в лапы москвичей... Получается, одно путешествие порождает другое. А как славно проводить лето, глядя на родную реку, посиживая на лавочке где-нибудь на Лыпье или на Вае, или на Даниловом лугу! Но ничего, впредь буду умнее, от Вишеры ни ногой...

В посёлке Норск Амурской области всё было как обычно. По берегам летали голубые сороки, на реке мельтешили ярким оперением утки-мандаринки, по деревьям каркали большеклювые вороны,

Василий Анфимович КОЛБИН родился 9 августа 1961 года в селе Красный Бор Елабужского района Татарской АССР. Окончил биологический факультет Пермского государственного университета. Орнитолог. Кандидат биологических наук. Член Союза журналистов России (2012). Работает в заповеднике «Вишерский»: ведущий научный сотрудник. Автор более 100 публикаций на научные и научно-популярные темы. Публиковался в различных журналах, альманахе «Литературная Пермь». Автор и соавтор нескольких книг, посвящённых природе и животному миру Пермского края. Лауреат премии фонда Ф. Р. Штильмарка в номинациях «Книги о природе для детей» и «Достижения в науке» (2010). Член Союза писателей России (2013). Живёт в городе Красновишерске Пермского края.

по кустам нецензурно лаяли сибирские косули. В местной школе все 28 учеников (с 1-го по 11-й класс) очень внимательно слушали мои рассказы про родную природу, что раскинулась возле рек Нора и Селемджа. А через какое-то время, как здесь часто бывает весной, загорелась тайга. К 9 мая приехали сотрудники Благовещенского университета, и я вместе с ними уехал на территорию Норского заповедника. Мы обосновались в урочище Антоновское. Сотрудники университета изучали рыб и грызунов, а я смотрел птиц. Интересного хватало. Впервые в этом месте обнаружилась желтогорлая овсянка. Но настроение было нерадостное. Дул свирепый ветер. По табору клубилась пыль, летали кружки и крышки от кастрюль. Ветер раздул пожар, который тлел в соседнем районе, и всё затянуло дымом. Соратники по экспедиции не особо грустили, они жарили сомов и щук, лепили котлеты из узкоголовых жерехов. Меня эти кулинарные изыски особо не радовали, но традиционно доставали пыль и дым. Только здесь можно почувствовать, как чисто в верховьях Вишеры, где в любом месте можно положить хлеб на лесную подстилку, и как прозрачен хвойный воздух...

В начале июня работа в Норском заповеднике закончилась, и я отправился в Хабаровский край, в мой почти родной город — Комсомольск-на-Амуре, где прошли 11 лет жизни после окончания Пермского университета. На границе Амурской области тепловоз, который ташил наш поезд по БАМу, печально затрубил, поскольку по обеим сторонам от железной дороги горел лес. Плачевную картину теперь являют собой сибирские и дальневосточные леса — везде гари.

Экспедиция МГУ, в которой я оказался, уже много лет ориентирована на изучение крупнейших орлов планеты — белоплечих орланов. Вряд ли можно найти другую хищную птицу, которая бы столь поражала своим обликом: мощный, апельсинового цвета клюв, контрастное оперение, органично сочетающее белый и бурый цвета. Белоплечего орлана ещё называют тихоокеанским, поскольку птицы обитают на морском побережье Камчатки, Магаданской области и Хабаровского края, Сахалине, Шантарских островах. Куда там американскому символу — белоголовому орлу, он по сравнению с нашим почти карлик. Наиболее благоприятные условия для жизни эти рыбацкие хищники находят на крупных озёрах в низовьях Амура. На одном из таких озёр — озере Удиль, где располагается федеральный заказник, подчиняющийся Комсомольскому заповеднику, мы провели около месяца.

«И чего вы этими орланами так восхищаетесь? Для меня что они, что вороны, — самые обычные птицы, всегда возле дома торчат», — заявил мне Володя Хатхыл — представитель народа орочей, который вывозил нас с озера на своей лодке со скромным по местным меркам мотором в 75 сил. На озере Удиль (площадь водного зеркала 330 кв. км) орланы и их гнёзда действительно встречаются везде. Раньше орнитологам приходилось залезать в гнёзда, что весьма опасно и требует хороших физических кондиций. Теперь для обследования гнёзд используется квадрокоптер. Орланы целый год строят гнездо, которое выдерживает океанские ветра и снегопады. Все потуги орнитологов построить нечто подобное, даже с использованием проволоки, не увенчались успехом. Людские конструкции легко разрушаются местной стихией.

На озере, как на море, постоянно меняется обстановка: только что было тихо, и вдруг налетел ветер, поднялись нешуточные волны. Поэтому на лёгких лодках передвигаться рискованно, всегда можно угодить в шторм. А рыбы много, именно рыбное богатство позволяет более или менее безбедно существовать здесь пернатым рыболовам, занесённым в Красную книгу. В молодые годы, работая в Комсомольском заповеднике, я изредка видел, как из воды при проезде лодки выпрыгивают толстолобики. Но на Удыле это случалось часто: рыбы бились о борта и ветровое стекло лодки, оставляя кровавые следы. Один раз пятикилограммовый толстолобик запрыгнул в резиновую лодку, которую мы буксировали... Что вызывает такое необычное поведение этих рыб, страх или любопытство — неведомо. Из крупной живности везде на Амуре заметны медведи, следы Топтыгиных встречались повсеместно, и сами звери часто ходили параллельными курсами. На островах тысячами гнездились различные чайки, а бакланы летали стаями, подобными мглистым облакам.

Если Удыль и другие озёра гигантской поймы Амурского моря являются благоприятными местами для жизни орланов, то на побережье Охотского моря есть экстремальные районы, где птицам выводить своих птенцов очень непросто. Такие места мы обследовали тоже. Реки Нигирь и Псю впадают в Охотское море, но в своих низовьях испытывают мощное воздействие приливов и отливов. В результате вода здесь то движется вверх, то катится вниз. Когда действует отлив, к реке невозможно подойти без риска увязнуть в полосе вязкой береговой грязи. Охотское море в этом районе мелководно и вдоль берега тянется полоса местами непроходимых болот шириной около 2 км. Такая малопривлекательная для людей местность нравится куликам, поэтому на болотах в изобилии живут невиданные на Вишере кулики — травники, обычные веретенники, а пролётные северные кулики в июле встречаются тысячными стаями. Орланам в такой местности жить непросто — приходится далеко летать до мест рыбалки. Полёт для таких крупных птиц — очень энергоёмкая процедура, они часто используют восходящие потоки воздуха для комфортного парения, но на больших высотах рыбу не поймает. В итоге получается, что гнёзда орланов в этой суровой местности есть, а вот птенцов мы не видели. Взрослые птицы как-то оценивают, много ли в данном году рыбы, и если их прогноз на рыбалку неблагоприятный — не гнездятся.

Кроме орланов, которых трудно не заметить, я традиционно учитывал всех других птиц, и с радостью обнаружил овсянок-дубровников, которые недавно попали в Красные книги. На травянистых болотах по берегу Татарского пролива мне встретилось шесть птиц. Конечно, это очень мало для многокилометровых маршрутов, которые я прошёл. Но раз птицы есть, остаётся надежда на возрождение их былой численности.

Местным жителям в этом районе жить очень сложно. Сказывается суровый климат — холодное Охотское море постоянно приносит туманы и дожди, нет работы. Люди, брошенные государством в этом суровом краю, промышляют браконьерством. Ловят калугу, рискуя попасть в заключение за одну рыбу, весной охотятся на пролётных птиц, включая лебедей. Я впервые в жизни увидел здесь муляж лебедя, выпиленный из пенопласта, который сделан для приманки благород-

ных птиц. Уж на что в Амурской области суровый браконьерский народ, но лебедей бить не принято.

Кроме обследования побережья в районе Нигиря, мы работали в заливе Чихачёва, где располагается посёлок Де Кастри. Место названо так в честь одного из спонсоров экспедиции Лаперуза. Здесь море глубокое. Берег противостоит океану величественными стенами скал. По отмелям валяются раковины устриц и гребешков, местами встречаются тела рыб — пеленгасов, которых почему-то не едят многочисленные чайки, по дну ползают морские звезды. На скалах гнездятся разнообразные морские птицы: забавные очковые чистики, толстоклювые кайры, уссурийские бакланы. На бороздящие бухту лодки заглядываются любопытные нерпы, а на каменном острове ревут, вторя прибою, морские котики. В этом изобильном месте у белоплечих орланов подрастали птенцы, но всё-таки численность птиц была ниже, чем на Удыле.

Много чего довелось увидеть в этой непростой экспедиции. Но каждый день хотелось домой, на Вишеру. Один шведский профессор-орнитолог, который много чего хорошего открыл в своих родных краях, на предложение принять участие в экспедиции по изучению белоплечих орланов ответил, что он ненавидит путешествия. С моей точки зрения, он мудрый человек.

Литературно-художественный альманах

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

выпуск 24

Редактор-составитель
Корректор
Вёрстка

В. В. Якушев
Н. Н. Семукова
С. Э. Неведомская

Подписано в печать 03.09.2019. Формат 70х100 1/16.
Гарнитура «Souvenir». Бумага ВХИ.
Заказ N 136733. Тираж 100 экз.

Редакция альманаха «Литературная Пермь» и литературно-публицистической газеты «Пермский писатель» внимательно знакомится с письмами читателей. Каждая рукопись, присланная в адрес альманаха и газеты, принимается и рассматривается, при этом не возвращается и не рецензируется.

Указание Ф. И. О. авторов, паспортных данных, оперативных контактов и кратких сведений о себе — обязательно.

За достоверность фактов ответственность несут авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

ISBN 978-5-6042008-3-4

9 785604 200834

Адрес редакции
альманаха «Литературная Пермь»,
газеты «Пермский писатель»,
ПКОО «Пермский писатель»:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30.
Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России.
Телефон 8 (342) 212 43 28.
Факс 8 (342) 212 31 54.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными ИП Неведомская файлами
в ООО «Ай Кью Пресс»: 614046, г. Пермь, ул. Барамзиной, 43, корп. 3.

ISBN 978-5-6042008-3-4

9 785604 200834